

Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях современников

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II

© Издательство «Ковчег», 1998.

© Библиотека Веб-Центра «Омега».

Содержание

Священник Иоанн Попов

Поездка в Кронштадт к отцу Иоанну

В.М.

Два дня в Кронштадте. Из дневника студента

I II III IV

Иван Щеглов

У отца Иоанна Кронштадтского

I II III IV

Н.Н. Животов

«Строй...»

Е. Духонина

Из моих воспоминаний об отце Иоанне Кронштадтском

Предисловие

19 февраля 1907 года

22 декабря 1895 года

16 сентября 1897 года, Москва

Капитан I ранга С.П. Бурачок

К прославлению памяти великого угодника Божия батюшки отца Иоанна Кронштадтского

Из воспоминаний *Н.Т.*

Отец Василий Шустин

Отец Иоанн Кронштадтский

В. Ильинский

Около отца Иоанна Кронштадтского

Из воспоминаний протоиерея *Павла Левитского*

Михаил Меньшиков

Памяти святого пастыря

Митрополит Вениамин (Федченков)

Отец Иоанн

Краткая биография

У отца Иоанна

Общая исповедь

Чудеса отца Иоанна Кронштадтского

Последние дни

Епископ Арсений (Жадановский)

Отец Иоанн Кронштадтский

Из воспоминаний *Р.Г. Шемякиной*

Священник Иоанн Попов

Поездка в Кронштадт к отцу Иоанну

Как хорошо чувствуешь себя, когда обновись духом. И если бы не житейская расчетливость, а иногда и прямая нужда, следовало бы каждый год совершать паломничество хотя бы к ближайшей святыне.

В ином мире душа моя витала и блаженствовала неизречно, неизъяснимо-чудесно... Какое назидательное впечатление производят на душу – особенно на душу сельского обывателя, особенно на душу, предпочистившуюся исповедью, – отправление Богослужения “по чину” и внешнее благолепие храма Божия!..

Такого неземного счастья удостоивает Господь паломника. Благодарение Богу! Был и я паломником. Был счастлив я: за небольшое материальное лишение получил от Господа богатство духовное.

Им-то и хочу я поделиться с читателями.

1892 года, января 21 (вечер), 22, 23 и 24 (утро) я был в Кронштадте, у отца Иоанна. Всем известно его имя, его деяния. Много о нем писано. Но думаю, что и мои просто изложенные строки не будут лишены хотя бы небольшой доли назидательности и интереса. Делаю выписки из дневника, какой я вел во время поездки в Кронштадт.

Переночевавши в Петербурге, спешу в Кронштадт. За тридцать три копейки доехал по железной дороге до Ораниенбаума; здесь за сорок копеек нанял извозчика. Что за торжественный поезд был до Кронштадта по морю! Дорога по льду ровная и прямая, со столбами, с будками, и по этой линии гуськом, от самого Ораниенбаума и до Кронштадта, на протяжении восьми верст, почти непрерывно вытянулись подводы извозчиков с пассажирами: едут в одну лошадь, едут паром, тройкою, сани всевозможных сортов, равно как и сами извозчики – русские, чухонцы, как и сами лошади – русской и чухонской породы. Сотни подвод едут в Кронштадт, обгоняют друг друга и все “к батюшке”. Едут изредка и обратно: вот летит резвая пара лошадок с санками, а в них сидят какой-то военный и рядом с ним женщина, и платочком последняя закрыла лицо: “верно плачет”, подумалось мне. Чем ближе подъезжал я к Кронштадту, тем более и более какое-то радостное чувство охватывало меня. Вот и Кронштадт: поверхность суши, на которой расположен город, почти равна с поверхностью моря; видны целый лес мачт зимующих судов и трубы фабрик.

При самом въезде в город встречают гостей услужливые хозяйки квартир, “к нам, к нам пожалуйте: у нас батюшка бывает каждый день”, даже извозчик предлагает подобного же рода услугу, но я, запасшись раньше адресом покойной квартиры, строго приказываю извозчику везти меня на Андреевскую улицу, в квартиру против ворот отца Иоанна. Вот и собор Андреевский... Слава Богу! Вот и дом отца Иоанна! Какое счастье – видеть воочию то, о чем так много читал!.. Величие духовное скромно обставлено внешне. Вот ворота во двор, где надпись гласит: “Церковный дом Андреевского собора”: по обе стороны ворот – нечто в роде большого палисадника за высокой деревянной решеткой; во дворе виден двухэтажный дом каменный с железной крышей и в нем-то, на втором этаже, в нескольких комнатах, живет “он”, интересующий тысячи христиан, – отец Иоанн.

Вхожу в квартиру: хозяйка радушно встречает и предлагает за недорогую цену комнатку. Осматриваю новое временное жилище. Все говорит о дорогом батюшке: во всех комнатах, кроме икон с горящими лампадами, висят на стенах, в хороших рамках, большие портреты отца Иоанна с собственноручными его надписями; на столах, под иконами, – фарфоровые вазы с водою – для водосвятного молебствия. Приезжие прибывают и размещаются кто в общей комнате, кто – в особых. Характер совместной жизни приезжих между собою чисто семейный, даже с религиозно-набожным оттенком: все объединяются одною мыслью, одним желанием скорее видеть дорогого батюшку, помолиться, побеседовать с ним... Около четырех часов вечера. Пора к вечерне. Идем в собор; около полуверсты до него от нашей квартиры и дома отца Иоанна; и припомнил я читанное в биографии отца Иоанна, что он не может пройти эту полуверсту, а непременно нужно ехать, чтобы не задерживала толпа. Подхожу к собору: на ограде его развешана так называемая

“уличная” библиотека: в рамках, за стеклом, по одну сторону собора развешаны “Троицкие листки”, а по другую – сведения об “Обществе спасения на водах”.

Вхожу в собор: чистенький, просторный, светлый, трехпрестольный. Началась вечерня; на клиросе были чтец и три-четыре человека певцов; отца Иоанна нет: в Петербург уехал.

После вечерни возвращаюсь в квартиру. Около шести часов вечера хозяйка сообщает: “Не угодно ли кому на акафист?” Я поинтересовался узнать более подробные сведения об этом; оказывается: читаются акафисты в доме купца Быкова, читает их “господин” (не духовная особа). Идем “на акафист”; желающих послушать его нашлось в нашей квартире немало.

Входим в дом купца Быкова. Нашему взору представляется нечто в роде часовни: большая моленная комната, впереди – множество в ряд икон, как иконостас в церкви, со множеством горящих лампад и свечей. Народу уже было много и все что-то пели. Протискиваюсь через толпу вперед, к решетке; вижу “господина” – старичка, который, как после оказалось, есть не хозяин дома, а просто чтец “с благословения батюшки”. Стою вслушиваюсь: поют “благослови, душе моя, Господа”, “Блажен муж”, “Господи воззвах”, “Свете тихий”, “Сподоби Господи”. Обращается затем чтец к толпе и сообщает: “Вот только что получена из Москвы книжечка “Моя жизнь во Христе” – извлечения из дневника нашего батюшки отца Иоанна; прочтем из нее”. И прочитал он предисловие и несколько страниц названной книги. Было чтение и акафиста Пресвятой Троице, причем все присутствующие пели “Свят, свят”... и “Аллилуиа”. Читал и я акафист святому Митрофану. Одним словом, это времяпрепровождение напомнило мне наши деревенские богослужебные собеседования и очень понравилось.

Этим и закончился первый день, или, вернее, первый вечер моего пребывания в Кронштадте.

“Он весь в Боге и, видимо, угоден Богу!” – вот общее выражение того восторженного чувства, которое охватывает всякого, кто имел счастье быть близко, около отца Иоанна Кронштадтского.

Слава Богу, что удостоил Господь и меня, грешника, быть около досточтимого батюшки, видеть его, слушать его и даже быть его сомолитвенником. Я был настолько счастлив, что отец Иоанн был не только дома, но и его седмица служения была, тогда как в другую седмицу он мог бы служить Литургию, например в Петербурге. Начну же описывать по порядку.

Восставши от сна, прочитавши правило ко причащению Святых Тайн, в пять с половиной часов утра иду в собор. Нищие уже спуют по улице. Вхожу в собор: еще пуст и темен он; только у ктиторского ящика – освещение и люди. Народ прибывает и спешит занять место ближе к решетке, у солеи. Только что успел я осведомиться у псаломщика, можно ли будет и мне служить Литургию вместе с отцом Иоанном, и узнал, что этим отец Иоанн бывает доволен, только что успел снять с себя верхнее теплое платье и стать у боковых северных дверей алтаря, как вижу: еще в полумраке, как тень, промелькнула духовная особа в холодной (летней) ряске, небольшого роста, и – прямо к престолу, упала ниц, остановилась на несколько мгновений в молитвенно-недвижимом коленопреклоненном положении, приложилась к престолу, также быстро прошла к жертвеннику... Это он, отец Иоанн! догадывался я, и – не ошибся. В алтарь пробрались уже какие-то светские интеллигентные лица, которые через псаломщиков возложили на жертвенник записочки поминальные. Отец Иоанн поспешно просмотрел записочки; заметивши в алтаре присутствие незнакомых личностей, подошел к ним, на несколько секунд остановился, благословил их и выслушал просьбы. Подошел отец Иоанн и ко мне, поздоровались обычно, за руку, расспросил, откуда и кто я, причем я испросил позволения принять участие в богослужении.

Между тем утреню, в боковом приделе, начал другой священник. В алтарь прибывают новые и новые лица, которые и стараются на каждом шагу, на всяком месте уловить, остановить отца Иоанна, высказать ему свои просьбы... Когда замечает отец Иоанн, что

слишком уж много суеты в алтаре, то, вероятно, боясь рассеяться мыслью и отвлечься вниманием от внутренней молитвы, он быстро идет, уже как бы не обращая внимания ни на кого, в третий придельный алтарь, где нет службы, скрывается там и, припадши ниц перед престолом или облокотившись на жертвеннике, несколько минут горячо внутренне молится; снова возвращается в главный алтарь и снова – докучливые просьбы с разных сторон.

Пока я вычитал светильничные молитвы, слышу: на клиросе уже начинается канон, пропели ирмос и кто-то читает так необычно – оригинально. “Это он”, подумал я, заметивши отсутствие отца Иоанна в алтаре, и перешел к южным дверям. Позиция самая удобная: вижу лицо отца Иоанна и слышу его чтение...

И что же? Ехал я за полутора тысячи верст сюда, чтобы чему-нибудь поучиться у отца Иоанна, а вот и чтение его – неподражаемое чтение! (А подражать все-таки многому у отца Иоанна можно и должно.) Читает отец Иоанн – именно как беседует, разговаривает с Богом, Богородицею и святыми. Голос – второй тенор – чистый, звучный; произношение – членораздельное, отчетливое, отрывистое; одно слово скажет отец Иоанн скороговоркою, другое протяжно, чуть не по слогам разобьет его; при этом все существо отца Иоанна настолько проникается мыслями, какие содержатся в чтении, что он не может удержаться от жестов самых выразительных; не спокоен он: то как бы блаженная улыбка сияет на устах его при чтении, например, о небесной Славе Бога, Богородицы и святых Божиих, то как бы праведный гнев срывается из уст его, особенно при чтении слов “сатана”, “диавол”, то наклоняется отец Иоанн главою своею к самой книге; то потрясает ею так величаво, так чудно-торжественно; то наконец, во время пения ирмоса или ектений, отец Иоанн, если не подпевает сам с певцами, преклоняет одно или оба колена тут же на клиросе, закрывает лицо руками и умильно молится – молится, горячо молится. – Эта-то горячая молитва и есть вина только что описанных жестов отца Иоанна, и ничуть не свидетельствуют они о каком-то болезненно-нервном состоянии отца Иоанна, как ошибочно писали где-то.

По шестой песни и ектений отец Иоанн восклицает: “кондак” и читает его. Кончив чтение канона, быстро входит отец Иоанн в алтарь и падает пред престолом; укрепив себя молитвою, идет снова на клирос и читает “стихиры на стиховне”.

На первом часе мы, шесть священников, во главе с отцом Иоанном, вышли из алтаря, совершили “входные молитвы” и начали облачаться. Отец Иоанн скорее всех облачился и приступил к совершению проскомидии. Имена на записках читали все мы, часть их прочитывает и сам отец Иоанн, а чаще того, вынимая из просфор частицы, он молится вслух: “Помяни, Господи, принесших и их же ради принесоша... помяни всех поименно, их же имена Ты Сам веси...” Целые корзины просфор были снесены в придельный алтарь, и там два священника вынимали частицы.

Началась ранняя обедня.

В камилавке, с сияющим крестом и цепью на груди, с легким румянцем от внутренней теплой молитвы на лице предстоял наш настоятель и крепкий молитвенник. Вот он вдруг, неожиданно, порывисто берет святой на престольный крест и с любовью целует, или, вернее, именно лобызает его: обнимет его обеими руками, глядит на него так умиленно, уста шепчут молитву, раза три, четыре облобызает и щекой и челом своим прильнет к нему!.. При возгласах на Литургии у отца Иоанна та же интонация голоса, как и при чтении канона на утрени, хотя некоторые возгласы произносит он и протяжно, но с таким усилением голоса, с таким умиленным взором очей на горнее место, или вовсе зажмурившись и углубившись в самого себя, что стоять в эти минуты около него равнодушно нельзя. Во время Литургии отец Иоанн не только внутренне, но и внешне покоен: внимание его всецело сосредоточено на имеющих быть вскоре на престоле Тайнах Христовых и тело его как бы приковано к престолу. Службеника отец Иоанн почти не касается; все молитвы прочитывает вполголоса на память. Чем ближе подходят минуты пресуществления Святых Даров, тем более и более возвышенное настроение души отражается в голосе и лице отца Иоанна.

Вот после Херувимской песни отец Иоанн скоро окончил положенную в службенике молитву, облокотился о престол, обьял лицо свое руками, челом своим прильнул к покрову, сокрывшему в себе имеющие вскоре предложиться Святые Дары: отец Иоанн сокрылся от

любопытных взоров людских, он как бы застыл в этом положении, а душа горит огнем молитвенным... Дивное мгновение! Незабвенная картина! И это для нас, окружающих престол, а что же чувствовала его душа? Именно горе – к небу возносилась она!

Вот отец Иоанн воспрянул, как бы очнулся, и снова уста его выражают молитву сердца.

“Горе имеим сердца!” – восклицает отец Иоанн, обратившись к Царским вратам и к народу, возведши руки горе и тотчас же их опускает: как крыльями хочет взлететь и тело его туда, где витает дух его...

“Благодарим Господа! Достоин и праведно есть поклоняться...” – снова восклицает отец Иоанн: первые слова громче, а последние – тише – и начинает молитву. “Приимите, ядите, сие есть Тело Мое”, делает отец Иоанн особенное ударение и повышение голоса на слове “Тело” и так торжественно при этом указывая перстом. При возгласе “Твоя от Твоих”, особенное ударение голосом сделал отец Иоанн на слове “о вс-е-е-х”: чувствует душа его тяготу бремени, какое возлагают на него все просящие молитв его, и вот он сам просит у Бога подкрепления немощной плоти своей.

“Преложив Духом Твоим Святым! Аминь!” – искренноверующим тоном возглашает отец Иоанн и, как бы для большого уверения предстоящих в алтаре, дополняет: “Бог явися во плоти!..”; и еще что-то шептали уста его, но я уловил слухом своим выражение: “Окружаемый Ангельскими воинствами!..” Но и без слов по всем чертам лица отца Иоанна ясно видно, что он всецело занят Святыми Тайнами, это – излюбленная тема его молитвенных размышлений и в дневнике. Между прочим, это благоговение к Святым Тайнам проявляет отец Иоанн и в том еще, что несчетное число раз неспешно, без крестного знамения, преклоняет отец Иоанн голову свою пред великими Тайнами в глубине своего искреннейшего смирения... О, не напрасно я чаще всего упоминаю об искренности в молитве отца Иоанна...

Жалко, обидно вспомнить, что есть люди неверующие этой искренности! Они сами никогда не испытывали, что значит искренняя – горячая молитва, – не хотят ее видеть и в других. А между тем тут ли место подозрению? Полнейшее бескорыстие и нелицеприятие – вот вернейшее ручательство того, что отец Иоанн, его жизнь, его молитва “поразительнейшее знамение времени”, как выразился покойный Высокопреосвященный Никанор, архиепископ Херсонский. Тут ли место какому-то притворству дивного пастыря? Опомнитесь, кощунники!.. Подумайте о себе: не уподобляетесь ли вы отчасти тем современникам Спасителя, которые и Его – Спасителя – Святейшую Истину – называли “веельзевулом”? Подобаает и тут соблазнам быть, но горе тем, ими же соблазн приходит!..

Вот приобщился отец Иоанн Тела и потом Крови Христовых и, ставши вдали от престола, пока подходили причащаться мы, снова молится отец Иоанн – умиленные взоры очей то возведет горе, то опустит долу... Приступил отец Иоанн к раздроблению частей Агнца для приобщения мирян; и тут, хотя в Служебнике не положено никаких молитв, но, чтобы при таком святом деле, сохрани Бог, не смутили душу праздные мысли, отец Иоанн снова шепчет молитву, и до моего слуха доносились отрывочные выражения из канона Симеона Логофета “на распятие Господне и плач пресвятой Богородицы”.

Литургия кончилась. Отец Иоанн, не разоблачаясь, быстро идет к столику около жертвенника, собирает жертвы – рублевые и более крупные бумажки, поспешно и небрежно кладет их в карман, через южные двери спешит на клирос и здесь оделяет чтецов и певцов; последние – особенно мальчики – спешат целовать руку благодетеля. А в боковых алтарных дверях уже ожидают новые просители благословения и молитвенной помощи; заметивши их, отец Иоанн быстро проходит царскими вратами и, помолившись перед престолом, затем уже выслушав наскоро просьбы лиц, стоящих в алтаре, выйдя для того же и на солею, в разные концы ее, начинает молебен.

Молебен отец Иоанн совершает поспешно, и, однако, молитва его плодотворна. В этом именно месте нелишним я считаю привести выдержку из дневника отца Иоанна о молитве: “Можно ли молиться с поспешностью, не вредя своей молитве? Можно тем, которые научились внутренней молитве чистым сердцем... Но не стяжавшим сердечной молитвы надо

молиться не спешно”. И вот отец Иоанн, как уже стяжавший от Бога драгоценный дар – сердечно-внутреннюю молитву – внешнюю обрядовую форму ее выполняет поспешно. А я занимаюсь часто казуистическими вопросами в своей пастырской практике, преследую букву, а “дух” опускаю без внимания. Горе мне, ленивому!

Молебен, совершаемый отцом Иоанном, был без акафиста. Евангелие прочитал отец Иоанн опять тем же разговорным тоном и, кончивши это чтение, с искренним чувством благодарности воскликнул: “Слава Тебе, Господи, слава Тебе!” К Евангелию и кресту почти никого не допустил.

Теперь кто свободен, может уходить из храма Божия, а отец Иоанн остается сам со своими “друзьями”, “детьми”. Внимание! Начинается общая исповедь – одно из потрясающих явлений в Кронштадтском нравственном мире. Я, разоблачившись, стал на левом клиросе, где стояли и некоторые интеллигентные лица.

После начального возгласа отца Иоанна молодой с сильным голосом псаломщик читает отчетливо и скоро “последование о исповедании”. Выходит из алтаря на амвон в смиренном виде, без камлавки, отец Иоанн... Говорит он поучение о покаянии. Дорого тут и то, и другое, и третье; и кто говорит, и о чем говорит, и как говорит. Прямо, без обычного “Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа”, отец Иоанн два раза при мне начинал поучение так: “Грешники и грешницы, подобные мне! Вы пришли в храм сей, чтобы принести Господу Иисусу Христу Спасителю нашему покаяние во грехах своих...” Сказавши несколько прочувствованных слов, отец Иоанн заявляет: “Слушайте... буду читать покаянные молитвы”.

И – читает!.. Неописуемо, невыразимо хорошо читает эти молитвы отец Иоанн. “Боже Спасителю наш”... взывает отец Иоанн, умиленно взирая на икону Спасителя, “...рабов твоих с-и-х” читает отец Иоанн эти слова протяжно, разбивая их по слогам, обратившись к народу, и тут-то... ах! какие поразительные жесты делает отец Иоанн всякий раз при слове “сих” или “их”: или всей раскрытой десницею поведет над глазами низу амвона молящихся, или – что еще выразительнее, как пророк грозного и праведного Судии, указывает перстом в толпу, в ту или другую сторону ее... Ах, как это выходит трогательно, умиленно и в то же время страшно, когда вспомнишь невольно свою нравственную нечистоту.

Прочитавши молитву, отец Иоанн заявляет, что ее нужно “протолковать”, и продолжает опять речь о покаянии: как согрешили упоминаемые в молитве цари Давид и Манассия, как каялись они и как нам нужно каяться. Поучение, по-видимому, простенькое по выражениям, не хитро – витиеватое по изложению и, однако, своеобразное во всем: и в слове, и в изложении, и в самом произношении. Приметил я, что с особенною любовью отец Иоанн произносит имя Спасителя или святой Троицы и к этому имени непременно присоединит эпитета три-четыре с постепенными повышением и ударением голоса на каждом слове. Впрочем, можно догадываться, что отцу Иоанну присуща какая-то особенная тайна сильно действовать на сердца слушателей.

Начал отец Иоанн читать вторую молитву и на середине же вставил объяснение, так что и само объяснение, выраженное церковно-славянским оборотом речи, составило как бы продолжение молитвы; и все это произнесено сердечно-задушевно, то в обращении к иконе Спасителя, то к народу. А в народе давно уже слышатся молитвенные вздыхания, слезы – у многих на глазах, а отец Иоанн именно о них-то чаще всего и напоминает в поучении. Понравилось мне особенно одно выражение: “Да! У нас что за покаяние?.. Все мы только верхушечки, стебельки грехов срываем. Нет! Корни – корни грехов нужно вырывать...” И действительно, своими словами, с увлечением сказанными, своими жестами, естественно и так выразительно-сделанными, отец Иоанн довел кающуюся тысячную толпу до такого настроения, что когда, приблизившись еще шага на два по амвону к толпе, почти в повелительном тоне произнес он: “Кайтесь же! Кайтесь!” – и повел рукою в разные стороны, то по всей церкви поднялся страшный, неслышанный плач-рыдание... Вопит отчаянным голосом какая-то женщина: “Батюшка! Прости! Дорогой ты наш, помолись!” “Прости меня, Господи, окаянного”, – слышится еще сильнее голос с другого конца... Слезы у всех льются неудержимо.

Чем дальше времени, тем больше слез: вот и сзади меня и напротив, на правом клиросе, стояли доселе, по-видимому, равнодушные, более любопытствующие лица, но вот и они преклоняют колена и проливают горячие слезы... У меня самого растеплилось сердце черствое – огрубелое, скатилась слеза и у меня, слеза покаянная, слеза благодатная, слеза живительная, слеза спасительная! Ах, как усладительны те слезы покаянные!.. А сам батюшка? А он, высказавши последнюю просьбу: “Кайтесь же! Кайтесь!”, повторивши ее на амвоне и на двух концах соли, стал на амвоне и, не отвращая лица от народа, прислушиваясь к покаянному плачу его, – сам, посредник между небесным Судиею и кающимися грешниками, сам, земной судия совестей человеческих, стоит недвижимо, поник главою и весь погрузился во внутреннюю молитву...

Наконец и сам отец Иоанн пролил слезы, отер их белым платочком и – перекрестился в благодарность Богу за слезы покаянные – народные... О, незабвенная картина!.. И она была довольно продолжительна – никак не меньше пяти, а то и всех десяти минут (не до точных вычислений было).

Дух сокрушения о грехах проник во все сердца. Перечисления грехов, наименования их я не слышал, а, говорят, бывает иногда. “Тише-тише, братья”, – слышится новая просьба батюшки. Устанавливается тишина, хотя и слышится глухое, затаенное в глубине стесненного сердца воздыхание. “Слу-шай-те! Мне, как и всем священникам, Бог даровал власть вязать и разрешать грехи человеков... Слушайте, прочитаю молитву раз-зре-шительную! Наклоните главы свои: я накрою вас епитрахилью и благословлю и получите от Господа прощение грехов”. Тысячи голов смиренно преклоняются, читается разрешительная молитва, берет отец Иоанн конец своей епитрахили и проводит по воздуху на все стороны и благословляет.

Слава Тебе, Господи, слава Тебе! Удостоил Ты и меня, грешника, испытать блаженное состояние: слезы, туга сердечная сменились неизъяснимою радостью, облегчением на сердце. Да, что ни говорите, как ни судите, люди маловерующие, а здесь необычное явление. Здесь же и урок мне. Например, пастырь Кронштадтский в “общей” исповеди достигает несравненно больших плодов, чем я в частной исповеди, хотя бы я не только пять – десять, а и полчаса и целый час говорил бы о покаянии каждому пришедшему ко мне на исповедь грешнику. Вот и осуди, законник, общую исповедь отца Иоанна: Бог заступник его. Равно как нет здесь и поблажки лени моей: за мою общую исповедь Бог осудит меня. Отец Иоанн в исключительных условиях в этом случае.

При таком чтении молитв, при таком толковании их, а главное – при таком наглядном результате всего этого, какой мы уже видели, не представляется особенной надобности читать положенное в требнике увещание “се чадо”... и оно опускается отцом Иоанном.

Слышится новое заявление батюшки: “Теперь слушайте молитвы ко причащению”, и молодой псаломщик громко, отчетливо читает их; сам отец Иоанн молится перед престолом. Немного продолжается чтение молитв: отец Иоанн выносит большой потир, наполненный Святыми Тайнами, отец дьякон ставит на амвон деревянную устойчивую колонку и поддерживает поставленный на нее потир. “Друзья! Вы будете причащаться. Со страхом Божиим и верой приступите, кронштадтские сторонитесь, пусть подходят прежде приезжие... не толпитесь, стойте задние по своим местам... Подходите к чаше со скрещенными на груди руками... Причастившись, целуйте край чаши, как ребро Господа нашего Иисуса Христа. После этого не кладите земного поклона... Помните, к чему вы подходите: в самой малой частице – всецело Христос”, такое и подобное краткое увещание делает отец Иоанн и начинается причащение не менее тысячи оплакавших свои грехи христиан, – постоявши еще немного, я вышел из храма Божия. А следовало бы еще и еще постоять: быть может, услышал, бы еще что-либо. Говорят, что иному отец Иоанн отказывает в причащении до времени более искреннего раскаяния; многие кронштадтцы объясняют мне это прозорливостью отца Иоанна; верю этому и я.

Слава Богу за все виденное и слышанное!

Сейчас же, непосредственно по окончании приобщения мирян, не заезжая домой, на извозчике, даром предложившем свои услуги батюшке-кормильцу, отец Иоанн отправился служить молебны по квартирам, где есть приезжие и куда звали хозяева их квартир.

И вот мы также ждем его посещения. Проходит одиннадцатый час, проходит двенадцатый и первый часы в томительном ожидании отца Иоанна для молебствия. Все приготовлено для этого: лампадки все зажжены, на столе, в “общей” комнате, сложены поминальные записочки, а на тарелочке – жертвы (серебряные монеты), даже ваза с водой открыта...

Вот уже и отец Иоанн в соседнем доме... Мы в тревожно-возбужденном ожидании... Вдруг мимо наших окон промчалась пара лошадей с извозчиком в санках... “Отца Иоанна увозят! Отец Иоанн уезжает в Петербург!” – пронеслась между нами печальная весть... Меня просит хозяйка сопутствовать ей в соседний дом с просьбой к отцу Иоанну посетить и нас. Идем. Меня пропускают в дом и дверь входную – на запор, так как на улице уже собралась толпа, которая окружила санки и напирает в двери дома. Стою я в выходном коридоре, прислушиваюсь и наблюдаю: кратко и поспешно совершается молебен в комнате одной, потом другой; замечаю большую суету в доме, особенно самой хозяйки: то быстро подойдет она к выходным дверям и прикажет, чтобы заперли и никого не пускали в дом; в самом доме те двери отворит, другие затворит; сами квартиранты чуть не буквально бегают из одной комнаты в другую, очевидно, за батюшкой...

Быстро растворяется дверь и отец Иоанн быстро идет к выходу; какая-то старушка накидывает на него его теплую рясу, и не заметил я, как моментально он надел ее, на ноги калоши, взял шапку и уже очутился совсем у выходной двери, а тут и сани; его преследует толпа, в коей замешался и я; со всех сторон слышатся просьбы: “Батюшка! Зайдите к нам! Благословите! Болящая! Батюшка! Батюшка!...” У выходных дверей, несмотря на все старания молодого псаломщика, так стиснули отца Иоанна, что он немного поморщился, но не сказал ни слова; прорвался он через толпу, сел в сани; но толпа устремляется к саням, хватает за рясу; отец Иоанн возлагает руку, на все стороны, раз даже назад подал руку, и все это так быстро, что едва успеешь уследить; просьбы своей я, отгесненный толпой, не успел высказать... Сани скоро скрыли отца Иоанна из вида толпы... Толпа рассыпалась на две стороны...

И в только что описанной обстановке отец Иоанн сосредоточен на внутренней молитве: он как бы ничего не видит и не слышит, хотя по временам и вслушивается в содержание просьбы, даст краткий ответ и скорее спешит туда, где больше всего и скорее всего нужна его молитвенная помощь.

“Этому батюшке и поесть некогда! Он весь занят молитвой и нуждами других. Если бы мы имели хотя сотую долю этой самоотверженной любви, любви не к себе, а к другим, то не тянуть отца Иоанна к себе, а, напротив, до поры до времени уклонять его от своих докучливых просьб должны бы; пусть-де он справляется да отдохнет хотя немного, а я подожду. Нет, нам хочется в один день все дела сделать и поскорее уехать восвояси, а о том мало думаем, что и у отца Иоанна как ни одухотворенное, а все же пока брэнное человеческое тело” – так утешал и укорял я себя и своих соквартирантов и оправдывал отъезд отца Иоанна в Петербург.

Закончился день вечерней в соборе и чтением акафистов в частном доме для желающих.

Говорят мне, уже на сон грядущему и вопрошающему об отце Иоанне, что он приедет из Петербурга часов в одиннадцать ночи. Вышел я в десять часов ночи на улицу и вижу: толпа нищих наполнила улицу. Хозяйка поясняет мне, что от тысячи до полуторы нищих кронштадтских собираются утром, перед утреней и ночью перед приездом батюшки, получать милостыню, и батюшка через доверенное лицо высылает крупную сумму; это доверенное лицо меняет эту сумму на рублевки и рубль выдается на двадцать человек: утренний пятачок идет на пропитание, а вечерний – на ночлег.

Так и уснул я в эту ночь с мыслью: “вот истинный благотворитель для бедных и нуждающихся!”

Новый день. Я во второй раз служил Литургию вместе с отцом Иоанном. Сегодня отец Иоанн отнесся ко мне настолько внимательно, что, по окончании Литургии, дал просфору, и я осмелился просить о посещении им квартиры моей; обещался быть, чем и порадовал я своих соквартирантов, и вот ждем дорогого гостя. Желалось бы принять его с подобающей ему честью. Сегодня отец Иоанн не приобщал; через день он приобщает; а потому рано окончил дела в церкви, и скоро будет к нам...

Ах, редкое счастье! До доски моей гробовой не изглаждайся из сердца моего и памяти моей ты, отрадное впечатление! Был в квартире отец Иоанн, был, только что ушел плотью своей, но духом своим еще вот-вот, здесь, около меня отец Иоанн!

Начну по порядку описание сего посещения.

В четырех-шести саженьях от нашей квартиры стоит подвода отца Иоанна... Он там! Он скоро, скоро будет и здесь!.. Будет, несомненно будет... Все мы в притрепетно-благоговейном ожидании!.. Несколько раз выходил и я встречать у порога приближающегося дорогого гостя; выходили и другие лица... Уже толпа около саней собирается, подходят и к нашей квартире... “Едет!” Спешу я на встречу. Сходит наш дорогой гость с саней; встречаем его у входа; немного поддерживаю его под руку, ограждая от натиска толпы; с другой стороны тоже делает псаломщик. Поднялась суeta в квартире. Сняли с батюшки теплую рясу, а он молчит и только благословляет на все стороны. Входит отец Иоанн в ближайшую комнату, и двери запираются; меня, впрочем, пропускают. Облачается отец Иоанн в епитрахиль и начинает краткое молебствие: “Благословен Бог наш”, а молодой псаломщик поспешно и отчетливо запел баритоном прямо “Бог Господь”, тропари Спасителю и Божией Матери, два раза запев: “Слава Тебе, Боже наш, Слава Тебе” (вместо “Иисусе сладчайший, спаси нас” – в нашем крае) и “Пресвятая Богородице, спаси нас”; отец Иоанн читает Евангелие; вскоре же отец Иоанн погружает святой крест в воду, псаломщик поет “Спаси, Господи” и отец Иоанн говорит краткую заздравную ектению, на которой с псаломщиком прочитывают записочки; делает отпуст, кропит святой водой молящихся и приготовленные для освящения овощи (яблоки, виноград и прочее). Благословенные и освященные овощи, как и сама вода, разбираются молящимися и долго берегутся ими.

Предупреждая батюшкину поспешность, во время самого молебствия, особенно же перед концом его, раздаются слезные мольбы: “Батюшка! Болящая! Благослови!” Батюшка оборачивается в разные стороны и возлагает руку свою; причем утешает: “Надейся!.. будешь здорова” и что-нибудь вроде этого. При переходе в другую комнату выслушивает отец Иоанн разные просьбы и обещает исполнить или отклоняет их. Особенно поразило меня обстоятельство, бывшее в “общей” комнате, где был более бедный люд.

Была тут крестьянка из дальней губернии, сильно больная, муж водил ее, и она едва передвигала ноги; ходили и они за батюшкой, не смея обратиться с просьбой и всегда оставаясь сзади толпы... Только вдруг отец Иоанн делает крутой поворот назад, подходит прямо к этой крестьянке и, возложив руку свою ей на голову и потом на плечо, утешил ее, а нас всех умилил словами: “Бог благословит! Бог благословит!.. Будешь здорова...” На одном из таких переходов из комнаты в комнату встречаю и я отца Иоанна и прошу зайти в мою комнатку!..

Вошел он и тут наедине мы побеседовали довольно продолжительно. Много утешил меня отец Иоанн своей беседой!..

Здесь, между прочим, когда увиделся я с отцом Иоанном, так сказать, лицом к лицу, нелишне сказать о его внешности. Глядя, бывало, дома на портрет отца Иоанна – премию “Русского Паломника”, я представлял его более или менее физически крупным человеком; на самом же деле, когда я впервые увидел отца Иоанна в соборе, то он показался мне вовсе небольшого роста человеком; теперь, уже присмотревшись, все же нахожу его человеком среднего роста; лицо его, хотя и худощавое, но приятное по правильности своего очертания, легкому румянцу, разлитому по щекам; а сколько добра светится в голубых глазах его! Немного русые волосы головы редки и коротки: обсекаются они, вероятно, но нельзя и в мысли допустить, чтобы отец Иоанн занимался подстрижкой головных волос; а что он изредка причесывает их и прямым рядом раздваивает их – это я сам видел в соборе. Борода у

отца Иоанна тоже не длинная, и в середине начинает пробиваться седина: шестьдесят два года уже. Ряса на отце Иоанне приличная, но не щегольская. Походка у отца Иоанна, как уже не раз приходилось описывать, быстрая, порывистая, хотя, например, во время великого входа со Святыми Дарами отец Иоанн идет прямо, стройно, спокойно, твердой поступью, как будто каждый шаг отсчитывая. Вот, кажется, и все, что можно сказать о внешности отца Иоанна.

Отслуживши еще один молебен в моей квартире, отец Иоанн распростился с нами и уехал в Петербург.

Сегодня же, до вечерни, я посетил “Дом трудолюбия”, где заходил в школы и спальни для мальчиков и девочек; был и в столовой. Все устроено прекрасно, и рады дети, когда я, указывая на большой портрет батюшки, “основателя” сих заведений, спросил: “Кто это?..” Где-то во дворе есть особое отделение для чернорабочих. Жалею, что не пришлось быть в церкви: сторожа дома не было: а хороша, говорят, церковь.

Сегодня же был и у секретаря отца Иоанна.

В военном мундире он. Объяснял он мне, что “вот сейчас у меня под рукой до шести тысяч писем; дни и ночи, не разгибая спины, сижу, делаю разборку им”... Раз видел сего секретаря и в соборе с каким-то докладом к батюшке, а батюшка, выслушавши его, говорил ему что-то и давал деньги для отсылки кому-то.

Еще новый и уже последний день моего пребывания в Кронштадте. И паки удостоил меня Господь милостей своих: в третий и последний раз служил я Литургию вместе с отцом Иоанном...

Сей же день отъезда из Кронштадта я ознаменовал для себя и тем, что отслужил панихиду на могиле матери отца Иоанна – Феодоры (на общем кладбище, под часовней), там же помянул и отца его чтеца Илью.

Я уезжаю из Кронштадта. О, как жалко-грустно, мне расстаться с ним! Покидаю я уголок благословенный, – еду на страну далече... и буду снова объят суетой мирской... О, да не погибну, Господи, в волнах житейского моря, – утопающему же в них, за молитвы досточтимого пастыря отца Иоанна, простри и мне, яко апостолу Петру, всесильную руку Твою! Каким я был и каким стану? О, если бы иметь мне хотя тысячную долю пастырской ревности отца Иоанна.

Остается теперь сделать еще общие замечания и общее заключение и тем закончить дневник свой.

При всем, по-видимому, подробном описании внешней стороны общественной молитвы отца Иоанна остается обширная область молитвы домашней, область, недостижимая ничьему наблюдению: как отец Иоанн молится дома – это величайшая для всех тайна! А она – молитва – возростала там, в уединении...

Хотя дерзновенно, но нелишне коснуться здесь семейных и служебных отношений отца Иоанна. Детей у отца Иоанна не было и нет. Жена Елизавета теперь, за усердные молитвы мужа, видит в нем особенного избранника Божия. Сослуживцы относятся к отцу Иоанну с почтением и уважением не только как к протоиерею и ключарю собора, но и особенно как к крепкому молитвеннику.

Рассказывали мне кронштадтцы: батюшка наш часто молится о своей собратии и сильно скорбит о нерадивых пастырях; раз даже выразился: “Если бы все мы пастыри были бы как должно... то дьяволу нечего было бы и делать”.

Не удержусь при этом, чтобы не выписать сюда, в свой дневник, некоторые выражения из дневника отца Иоанна.

“Священник Ангел, не человек... Господи Иисусе! Священники Твои да облечутся в Правду, да помнят они всегда о высоте своего звания и да не запутываются они в сетях мира и дьявола, да отбежит от сердец их печаль века сего, леть богатства и прочих похотей, входящих в их сердце”. “Кто этот Ангел, предстоящий престолу Господню? Ибо Ангелам свойственно служить непрестанно Господу и предстоять престолу Его. Это ходатай о людях, носящий образ Ходатая, Богочеловека Иисуса Христа, это – один из человеков, поставленный на службу Богу, как говорит Апостол Павел; но его служение ангельское. Он

посредник между Богом и людьми, близкий друг Его, по слову Господа: вы друзи есте, аще творите елика Аз заповедаю вам: это как бы Бог для людей с властью вязать и решить грехи человеков, священнодействовать для них животворящие и страшные тайны, обожаться ими и других обожать через них; это второй новозаветный Моисей, руководствующий сонм Божий по пустыни мира сего в землю обетованную; это Илия новозаветный, низводящий с неба невещественный огонь Духа Святаго на подлежащие Дары; это Иосиф новозаветный, питающий братию свою хлебом небесным во время духовного глада греховного. Высоко звание священника!”

Не последствие ли таких молитв и молитвенных размышлений отца Иоанна (а их много и как прекрасны они! См. книгу: “Моя жизнь во Христе” и “Русский Паломник” с 1891 года) то обстоятельство, спрашивали меня кронштадтцы, что с каждым годом приезжает в Кронштадт большее и большее число священников?

Таков подобает нам иерей! Таким-то, или хотя подобным, а не иным совсем, и мне иерею быть должно. А я-то, я... Ох, Господи Иисусе Христе, пастыреначальниче мой! Страшно-страшно становится за себя, когда сравнишь дивное пастырское усердие отца Иоанна и свое холодное небрежение!.. Страшно становится за себя! Недаром сказал некогда святой Иоанн Златоуст: “Не мню многих быти во иереех спасающихся, но множайших погибающих”. Страшно слово сие! Увы мне!..

Слава Богу, что в наше время Господь воздвигает среди нас, грешных, такого подвижника, как отец Иоанн.

“Познан буди и прочими людьми твоими тако, яко же мне явился еси, человеколюбче!” (“Моя жизнь во Христе”.)

Буди, буди познан Господи: се есть истинный и вечный живот всех людей Твоих.

1894 года, июня 24 дня

В. М.

Два дня в Кронштадте. Из дневника студента

I

В день нашего приезда в Кронштадт отца Иоанна не было дома: его увезли в Петербург, и дома он должен быть лишь в первом часу ночи. Наутро он должен был приобщать всех приехавших. Мы пожалели, что отца Иоанна не было в городе. Но что было делать? Остаток дня употребили на осмотр города, а время вечернее до сна в молитве, подготавливаясь к великим Таинствам исповеди и Святого Причастия.

Я никогда не забуду этого вечера. Да и забыть его никогда нельзя. Было уже десять часов. В комнате царил полумрак. Передний угол весь, почти от самого пола до потолка, и значительная часть стены уставлены иконами.

Это почти целый домашний иконостас. Перед иконами теплится до десяти разноцветных лампадок, освещаая святые лики Угодников Божиих.

В комнате, слабо освещенной светом лампад, находилось до пятидесяти человек, приехавших к отцу Иоанну и остановившихся с нами в одном доме. Правило читал студент иеромонах отец М-й. То там, то здесь слышались вздохи. Многие склонились на колени. Некоторые тихо плачут. Шел первый час ночи, когда кончилась наша молитва. С неизъяснимым миром и покоем в душе мы легли спать, чтобы ранним утром быть уже в храме за богослужением, которое будет совершать сам отец Иоанн. Мы легли все на полу нашей маленькой общей комнаты на чистых постелях, приготовленных для нас заботливой хозяйкой А. Т. И при этом, столь экономическом, расположении мы могли только едва все поместиться здесь. А о койках нечего было и думать. Правда, нам тесно было и не совсем удобно, но зато мирно и покойно у всех было на душе, и мы в этой тесноте спали таким глубоким сном, каким не всегда удавалось засыпать, находясь и в более удобной обстановке. Нам предлагали отличное помещение со всеми удобствами, предлагали бесплатно, но мы

решили жить напротив отца Иоанна. А наша квартира была единственная такая квартира в данном месте.

II

Почти в четыре часа утра мы были уже на ногах. В другом месте с трудом, с болью в голове и удручающим настроением встал бы в такой ранний час. А здесь мы вскочили бодрые, веселые, оживленные, как будто бы спали очень долгое время. Помолвившись, мы отправились к утрени. По улицам нам встречались там и здесь кучки народа, спешившего со своих квартир в собор, словно это был как бы какой условленный сборный пункт. Несмотря на то, что до начала утрени оставалось времени почти еще час, в храме уже было очень много народа. Каждый спешил прийти раньше, чтобы попасть в церковь и занять получше место, ближе к солею и решетке, чтобы отсюда можно было все хорошо видеть и слышать. Нас уже с большими затруднениями провели в алтарь. К началу утрени громадный храм, вмещающий в себя более семи тысяч человек, был совершенно полон народом. Певчие были на клиросе, собрались и соборные священнослужители. Все с нетерпением ожидали отца Иоанна.

– Приехал, приехал, – зашептали в алтаре.

Отец Иоанн вошел в храм через боковые двери, сделанные в алтаре. До храма его, обыкновенно, довозят на самой быстрой лошади, чтобы народ не мог остановить и задержать в пути. У дверей храма находятся особенные приставники, которые стараются дать отцу Иоанну возможность скорее пробраться среди народа в храм. Если бы отец Иоанн входил в храм западными дверями через народ, то ему, кажется, никогда бы не добраться до алтаря. Для прохода отца Иоанна в алтарь вдоль стены в длину всего храма решеткой отгораживали особое место. Но и это мало помогало, так как его и здесь постоянно останавливали. Рассказывали, был однажды такой случай. Отец Иоанн хотел кого-то благословить через решетку, когда проходил в алтарь этим местом. Тотчас схватили его руку и начали ее покрывать поцелуями, передавая друг другу.

Если бы силой не отбили отца Иоанна у народа, то трудно сказать не только о том, когда бы он пришел в алтарь, но и о том, в каком бы виде он туда пришел. Известно по крайней мере, что дважды ему кусали палец до крови с явным намерением откусить его совершенно или на память, или как святыню... Рассказывают, что иногда отрывали части даже от его одежд.

Отец Иоанн поразил меня с первого раза. Среднего роста, подвижный, бойкий, лицо озабоченное и строгое, показалось мне. Видно было, что это необыкновенный человек, похожий на многих людей, которых мы встречаем почти на каждом шагу. Слушая его распоряжения, можно было назвать его человеком резким и, пожалуй, грубым. Взойдя в алтарь, он начал радушно приветствовать сначала своих сослуживцев, а потом “счастливец”, имевших возможность видеть его так близко. В числе последних были и мы.

– А здравствуйте, братцы, здравствуйте! – так говорил он, обращаясь к нам.

Подходя к нему под благословение со страхом и смущением, мы и не думали о лобзании.

– Давайте по-братски, давайте побратски, по-братски лучше, – говорил добрый батюшка и, благословляя нас, целовал каждого из нас.

Все делал он спешно и быстро. Поздоровавшись с нами, он облачился в ризы красного цвета и начал утрению. Говорят, красный цвет – его любимый цвет. Все с большим вниманием следили за каждым его движением. Всё находили в нем необыкновенным. Всех поражали прежде всего его возгласы. Он произносил их отрывисто, резко, громко, подчеркивая известные слова и придавая каждому из них особенный смысл и значение. Это не обыкновенное наше произношение – монотонное, певучее, мертвенное, а живое, глубокое, полное смысла и одушевления. Видно по всему, что это слово льется из глубины чистой, глубоко верующей души, полно непоколебимой уверенности, силы и внутренней мощи. Это слово – плоть, слово – жизнь, слово – действие. И молился он также необыкновенно. В пылу религиозного увлечения и восторга, он иногда совершенно оставлял крестное знамение.

Отец Иоанн или только кланялся, или, сложа руки на груди, устремлял свои взоры к небу, или коленопреклоненный стоял подолгу без всякого движения. Меня поразило особенно один момент во время его молитвы. Однажды во время утрени он подошел к жертвеннику, стал перед ним на колени, руки сложил крестообразно на жертвеннике, голову склонил на них. Под руками у него были, кажется, всевозможные записки с просьбой помянуть больных, умерших. Я смотрел на него из-за колонн. Волосы прядями ниспадали на плечи; весь он был освещен слабым утренним светом, едва-едва пробивающимся сквозь толщу утреннего северного тумана. Он находился в таком положении около десяти минут. Казалось со стороны, что он как бы умер и перед нами было только его тело, оставленное, сброшенное его душой, как бы какая одежда. Мне живо вспомнились в эти минуты те картины, на которых изображено, как душа по разлучении с телом с неба созерцает его. Тело там действительно представляется как бы одеждой, оставленной, сброшенной душой. О, какая это молитва, какой священнейший момент... Человек оставляет землю и возносится душой на небо, житель земной проникает в Горние миры, ограниченный понимает тайны неба, плотяной становится духовным, немощный укрепляется, скорбящий утешается, сильный становится еще более сильным. Смотри на молящегося отца Иоанна, я невольно переносился мыслью даже в Гефсиманский сад и представлял молящегося там за нас Спасителя.

И в алтаре, этом великом христианском святилище, не давали отцу Иоанну покоя. То один, то другой в удобную минуту подходили к нему с различными просьбами и нуждами. Хорошо зная, что каждый из находившихся в алтаре пришел сюда, имея какую-либо горячую, неотложную нужду, отец Иоанн и сам иногда подходил то к одному, то к другому. Расспросит о нужде, горе, даст добрый совет. Давал, кажется, некоторым и деньги. Одного обласкает, другого потреплет по плечу.

Канон на клиросе читал сам, как и всегда. Нельзя было не обратить внимания на это чтение. Умиление, восторженность, твердость, надежда, упование, радость, печаль, глубокое благоговение – все слышалось в этом дивном чтении. Читает отец Иоанн, как бы беседует, разговаривает со Спасителем, Божией Матерью и святыми, как бы они вот здесь перед ним находились, а не там, где-то в незримой для нас выси, в надзвездных заоблачных мирах. Голос чистый, звучный, резкий. Произношение членораздельное, отчетливое, отрывистое. Одно слово прочитает скороговоркой, другое протяжно чуть не по слогам, третье подчеркнет, оттенит. Ни одно слово не было прочитано им без смысла и толка. Более важные по мысли и содержанию слова произносит, обратясь даже к народу, чтобы люди могли глубже постигнуть читаемое. Сам он при этом, конечно, всецело сосредоточен на читаемом. Ничто не отвлекает его мысли в это время в сторону. Он как бы переживает все, что читает. Переживает победы над грехом и злом, совершенные святыми людьми, переживает человеческие немощи и падения, переживает времена благоволения и милости Бога к людям падшим и заблудшим. Много из читаемого, по-видимому, это как-то и чувствуется, относит непосредственно к самому себе. О том, что совершается в это время в его душе, можно судить даже и по его наружности. Душа отца Иоанна настолько проникается мыслями, какие содержатся в читаемых им священных песнопениях, что он не может удержаться от самых разнообразных жестов. Во время чтения он постоянно как бы волнуется и как бы неспокоен. То как бы блаженная улыбка засияет на лице его, когда он читает о небесной славе Бога, Богородицы и святых Угодников Божиих. То как бы глубокая мольба начинает срываться с уст его, когда он читает о немощи, грехе и падениях человеческих. То слышишь как бы праведный гнев, глубокое отвращение, когда встречаются в каноне слова “сатана”, “диавол”. То слышишь умиление, глубокий восторг, когда он читает о великих подвигах, победах над грехом, какие совершили святые мученики, подвижники. Иногда он наклоняется головой к самой книге; иногда потрясает ею так решительно, так кстати, так победоносно, так чудноторжественно. Меняет часто тона. То наконец, во время пения ирмоса или ектений, когда сам не поет с певчими, преклоняет одно или оба колена тут же на клиросе; закрывает лицо руками и молится, молится. Горячо, умильно молится... Итак, не болезненно-нервное состояние отца Иоанна вызывает все эти жесты и движения, как где-то и когда-то писали, а то глубокое проникновенное религиозное настроение, в каком бывает в эти минуты отец Иоанн. Да иначе

и не может быть. Человек – не дух; пока мы будем в теле, всякое глубокое чувство, всякая горячая искренняя молитва будет так или иначе отображаться вовне. Не скрыть нам наших искренних, неподдельных чувств никогда.

По шестой песни и ектений восклицает отец Иоанн: “кондак” и читает его громко, как победную песнь христиан над побежденным исконным нашим врагом. Кончив чтение канона, быстро входит в алтарь и падает в глубокой молитве перед престолом. Укрепив себя молитвой, снова идет на клирос и читает здесь “стиховны на хвалитех”. Не забуду никогда я еще одного момента. Начали петь стихиры на “стиховных”. Отец Иоанн в это время уже почти облачился, чтобы служить Литургию. На нем не было только ризы. Быстро, стремительно, скорее выбежал, чем вы шел, он из алтаря на клирос, присоединился к певчим и начал петь вместе с ними. Пел с воодушевлением, глубокой верой в каждое слово, регентуя сам, опять подчеркивая отдельные слова и замедляя темп там, где это было нужно по логическому смыслу, содержанию песнопения. Певцы чутьем угадывали эти слова, этот темп и такт, и вторили ему с немалым искусством и одушевлением. Пение, сначала не совсем стройное, быстро стало гармоническим, сильным, звучным, мощным, воодушевляющим, лилось по всему храму, наполняло всю душу молящегося. Как трогательно было смотреть на певцов в это время! Пела как будто бы одна какая святая первохристианская семья со своим отцом во главе, пела свои победные, священные, великие гимны.

Кончилась утренняя, начали звонить к Литургии. На проскомидии просфор было так много, что их приносили сюда целыми большими корзинами. Сам отец Иоанн мог вынуть только по несколько просфор из каждой корзины и прочитать только по несколько поминаний и записок из массы их, поданной в алтарь для поминовения богомольцами, собравшимися в храм из самых отдаленных уголков России. Да и как иначе поступить? Просфор иногда подают до пяти тысяч, а три с половиной тысячи довольно часто. Многие во время проскомидии лично подходили к отцу Иоанну и просили его помянуть своих родственников, вынуть хотя бы одну просфору, так что он не имел ни одной свободной минуты.

С отцом Иоанном служили и иеромонахи, и белые священники в камилавках и без камилавок, с крестами и без крестов, юные и убеленные сединами. Это все были “пришельцы”. Отец Иоанн объединял всех; здесь были все родные и близкие друг другу, хотя бы они встречались еще только впервые. В митре с сияющим крестом и цепью на груди, с легким приятным румянцем на лице от внутренней теплой молитвы, стоял отец Иоанн во главе собора священнослужителей, собравшихся около него отовсюду.

– Помолитесь, братия сослужители, да даст Господь в мире нам совершити божественную службу.

Какие глубокосодержательные слова! Как действительно необходимо всякому пастырю в эти минуты молиться о том, чтобы ничто не нарушило его душевного мира, чтобы он все время пламенел, как Серафим, одной молитвой, мыслью дальше проникал в чудный небесный мир.

Отверзты Царские врата. Произнесен первый возглас. Началась Литургия. Вот он вдруг неожиданно, порывисто берет на престольный крест и с любовью целует его, обнимает его руками, смотрит на него так умиленно и восторженно, уста шепчут слова молитвы, раза три, четыре подряд лобызает его, прильнет к нему своим челом... Уста снова что-то шептали.

Возгласы отец Иоанн произносит так же, как читает канон на утрени. В голосе слышится и твердая вера, и надежда, и умиление. Взор обращен на горнее место. Иногда он произносит возгласы, закрывши глаза и углубившись в себя. Как сосредоточен, самособран во время богослужения отец Иоанн, трудно даже и передать. Все время он погружен в такие глубины души, что как будто он ничего не видит, ничего не слышит, ничего не замечает, что кругом его совершается. Он в своем особом мире. Он в это время один и не похож на другого. Службника отец Иоанн почти не раскрывает, так как все молитвы знает на память. Читает часто вполголоса. Говорят, службник не должен быть, так сказать, буксиром для священника. Молитвенное настроение его должно идти дальше службника. Службник только для начинающих и неопытных в молитве.

В богослужении отца Иоанна встречаются некоторые особенности, из которых многие, я думаю, самые главные невозможно уловить. А как это было бы интересно! Ведь это все – плоды глубоко-религиозного настроения чистой верующей и пламенеющей души, это – лучшие благоухающие цветки на пышном цветке, это – отзвуки из “святое святых” его души. Передам некоторые из них¹.

Принимая в Царских вратах Евангелие от отца протодиакона, отец Иоанн сказал:

– Мир ти, брате, благовествующу.

Подумайте-ка, что это означает? Какая тут кроется глубокая мысль, сколько здесь чувства, какое отношение к своему младшему сослужителю... Как мало многие походят в данном случае на отца Иоанна.

Идя со Святыми Дарами во время великого выхода, отец Иоанн вполголоса говорил:

– Его же изведоша вон из града и распяша.

И опять как это глубоко-трогательно, как свидетельствуют эти строки о его глубокой самособранности и проникновенности в те священнодействия, какие он совершает. Вся его душа наполнена, проникнута церковно-богослужебной атмосферой. Сколько тут души, осмысленности, веры во все...

По поставлении Святых Даров на престол отец Иоанн читает обычную молитву, прибавляя к церковным словам о ниспослании благодати на людей следующие глубокосодержательные слова: “На всех рассадницах юношеских и отроческих, духовных и мирских, мужеских и женских, градских и сельских, и на всем неучащемся юношестве; – на всех рассадницах духовных, монашеских – мужских и женских, – на нищих людях Твоих, вдовицах, сирых и убогих, – на пострадавших от запаления огненного, наводнения, бури и труса, – от недорода хлеба и глада, – на всех заповедавших мне недостойному молиться о них и на всех людях Твоих”.

Лобызая после возгласа “возлюбим друг друга” сослужащих священнослужителей в оба плеча, говорил:

– Христос посреди нас живой и действующий.

Я стоял, пораженный этими словами, и невольно думал. Да, вот среди нас, а не там, где-то вдали, находится Христос Спаситель, находится не мертвый, не как отвлеченная какая доктрина, не как только историческая известная личность, а живой, “живый и действующий”. Он среди нас. И даже “действующий”. Жутко становилось, трепетом великим наполнилась невольно душа. Я готов был упасть перед престолом.

По тайном прочтении Символа веры он прибавляет следующую молитву. “Утверди в вере сей и верой сею сердце мое и сердце всех православных христиан; сея веры и сего чаяния жити достойно вразуми; соедини в вере сей вся великие христианские общества, бедственно отпадшие от единства Святые Православные католические и апостольские Церкви, яже есть тело Твое и ея же Глава еси Ты и Спаситель тела, – низложи гордыню и противление учителей их и последующих им, даруй им сердцем уразуметь истину и спасительность Церкви Твоей и неленостно ей соединиться; совокупи Твоей святой Церкви и негодующих невежеством, заблуждением и упорством раскола, сломив силой благодати Духа Твоего упорство их и противление истине Твоей, да не погибнут люто в своем противлении, якоже Корей, Дафан и Авирон, противившиеся Моисею и Аарону, рабам Твоим. К сей вере привлечены все языки, населяющие землю, да единым сердцем и едиными устами все языки прославляют Тебя единого о всех Бога и благодетеля; в сей вере и нас всех соедини духом кротости, смирения, незлобия, простоты, бесстрастия, терпения и долготерпения, милосердия, соболезнования и сорадования”.

Все говорили мне, что с отцом Иоанном совершается что-то необыкновенное во время Литургии. И это вполне справедливо. Чем ближе подходят минуты пресуществления Святых Даров, тем более и более повышается настроение души и начинает отражаться и в голосе, и в лице отца Иоанна.

¹ Слова отца Иоанна приводятся в авторской записи.

Благодать Господа нашего Иисуса Христа, — восторженно восклицает отец Иоанн. Что он переживает в эти минуты? В своем дневнике отец Иоанн пишет: “Как нельзя более благовременно это благожелание апостольское произносится священнодействующим, именно в это время, то есть перед совершением Тайн. Благодать Иисуса Христа – милующая, очищающая, спасающая, просвещающая, укрепляющая душу нашу, нужна во всякое время, а теперь, в эти страшные, небесные минуты, когда с нами служит множество воинов небесных, с трепетом окружающих престол Божий, – благодать Божия, просвещающая и укрепляющая слабые, рассеянные силы духа, особенно нужна нам для возможного понимания высоты и важности предстоящего таинства.

Любы Бога и Отца. В эти минуты всем надо восчувствовать беспредельную любовь к нам, грешным, Бога и Отца, Который так возлюбил мир, что *отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную* (Ин. 3, 16); и самим возлюбить Его, со Единородным Сыном и Духом Святым, отвергнув все житейские пристрастия.

Причастие Святого Духа — необходимо нам наипаче в это время, потому что без сего причастия не можем возлюбить Бога Отца; ибо только духом Святым можем взывать к Богу с искренней любовью: “Авва Отче” (Рим. 8, 15). Ибо только благодать Святого Духа предочищает, освящает, просвещает, умиротворяет и укрепляет нас к достойному и благоплодному предстоянию во время святейшего таинства”.

Горе имеем сердца, — восклицает отец Иоанн, обратившись к народу и поднявши руки горе. Взор устремлен к небу, дух его витает там, где стоит престол вечной истины и любви. Тайно при этом отец Иоанн произносит: “Возвыси Духом Твоим Святым всех предстоящих zde Тебе, Богу живота нашего, и отрини от сердец наших все страсти плотские и душевные. И как не молиться в эти минуты за народ? Народ отвечает: *имамы ко Господу*. Но искренно ли мы отвечаем? Нет, или весьма немногие, потому что сердца большинства людей прикованы к земле разными житейскими пристрастиями. Нелегко и не вдруг сердце вознесется к небу, ко Господу. Для того, чтобы искренно возноситься сердцем к Богу, нужно христианину непрестанно жить в Боге, размышлять глубоко о делах Его промысла, давать им истинную, спасительную цену, душой и сердцем усвоить их себе и быть на Земле небесным гражданином. А мы приходим в храм с рассеянием, с различными житейскими страстями и похотями, пригвождающими нас к земле. Где же тут *горе* сердца? Но горе нам, если мы не горе имеем сердца в такие минуты величайших чудес милости Божией к нам! Значит, мы бесчувственны и несмысленны. В это время требуется от нас совершенная преданность Господу Иисусу Христу, Пречистой Его Матери, полная доверенность (вера), совершенное упование во всех обстоятельствах жизни, во всех прошениях, благодарениях, восхвалениях; при этом чистое сердце, ненависть ко греху во всевозможных его видах и горячая любовь к правде во всех ее проявлениях”.

Благодарим Господа, — снова восклицает отец Иоанн. Первые два слова молитвы: “Достойно и праведно поклониться” произносит громко, а последние тише, смолкая совершенно под конец. При тайном чтении молитвы после слов: “Ты от небытия в бытие нас привел еси”, отец Иоанн добавляет для усиления благодарного чувства: в разумное бытие и по душе бессмертное, то есть привел еси; после слов “падших нас восставил еси паки” — прибавляет: “и стократно на каждый день восставляевши согрешающих и кающихся”. После слов: “Дондеже нас на небо возвел еси, и царство даровал еси будущее”, прибавляет: “Ты и в самом причащении нашем животворящих Твоих Тайн уже возводишь нас на небо: ибо где Ты, там небо и небо небесе, и даровав Себя Самого верным, Ты вместе с Собою уже даруеши и Царство Небесное, Царство будущее, в залоге Пречистого Тела и Крови Твоей”.

Приимите, ядите, сие есть тело Мое. Произнося эти слова, он делает особенное ударение на слове *Тело* и на словах: *за вы ломимое*. Последние слова он произносит, обратившись лицом к народу.

Пийте от нея вси, — с глубокой верой восклицает отец Иоанн. Произнося эти слова, он не раз прикасается перстом к чаше, как бы даже с силой ударяет по ней. Снова подчеркнуты слова: *за вы и за многие изливаемые*. Так и слышится в эти минуты в голосе

батюшки: за нас пролита кровь, за вас, за тех самых, что вот стоите здесь в данную минуту, а не за тех только, что стояли у креста. Она пролита не за отвлеченное какое-то человечество, а за живых людей, за каждого бедняка, убогого, богатого, знатного, мужчину и женщину. Твоя грудь едва прикрыта рубищем, и за тебя пролита кровь. Ты забыл и отверг Бога, и за тебя пролита эта святейшая кровь. За ваши грехи, стоящие здесь, страдал Христос.

По произнесении слов установления отец Иоанн в каком-то необыкновенном восторге читает: *“О Божественного, о любезного, о сладчайшего Твоего гласа!* А что чувствует он в эти минуты? Здесь бездна любви,— говорит он, любви Божества к роду человеческому. Есть о чем подумать каждому беспристрастно углубляющемуся в судьбы Божии касательно рода человеческого и в себя самого. Священный трепет пробегает по всем членам, по всему существу всякого непредубежденного, не связанного житейскими сластями и похотями человека, когда он сердечным ухом слушает сии слова из уст священнослужителя. О, любовь совершеннейшая, любовь всеобъемлющая, любовь крепчайшая! “Господь сый всех и Зиждитель Бог, созданное Бесстрастный обнищав Себе соедини, и пасха, за яже хотяше умрети, Сам Сый Себе предпожре: ядите, вопия, тело Мое и верой утвердитесь”. Что мы приносим в благодарность Богу за эту любовь к нам? Питаем ли алчущих, напоим ли жаждущих? Одеваем ли нагих? Посещаем ли больных и в темнице заключенных? А ведь в лице их, как членов своих, требует нашей помощи Сам Христос, Спаситель наш, Себе пожерший за нас”.

Твоя от Твоих,— возглашает отец Иоанн, делая особенное ударение на слове *о всех*, произнося его более протяжно, чем другие. Чувствует его душа, как люди, собравшиеся во множестве в этом храме, нуждаются в небесной помощи, и он горячо молится за всех.

“Когда произношу слова: *Твоя от Твоих*,— пишет он,— то представляю торжественность и величие данной минуты, когда архиерей или священник, стоя лицом к лицу с вечной, совершенной, неизменной правдой Отца небесного, карающего грех,— приносит от лица всех и за всех единую безмерную, всеправедную, умиловительную жертву Христа Сына Божия, единую могущую преклонить на милость Бога Отца, искупить весь мир от праведного проклятия и исходатайствовать всем верующим прощение грехов и благословение, а усопшим в вере и надежде воскресения и жизни вечной — оставление согрешений и покой со святыми, — Жертву, которой оправдались все святые, Богу угодившие от века, и в благодарение за коих она также приносится”.

Преложив духом Твоим Святым. Аминь,— искренне верующим тоном возглашает отец Иоанн и, как бы еще для большого уверения в этой истине находящихся в алтаре, дополняет: *Бог явися во плоти. Слово плоть бысть и вселися в ны*. И еще что-то шептали уста его, но я успел разобрать только “окружаемый Ангельскими воинствами”. Но и без слов, по выражению лица, было видно, что мысль отца Иоанна всецело занята Святыми Тайнами. Да и было, и есть — о чем подумать здесь. “Кто постигнет величие благодеяния, подаваемого нам Господом нашим Иисусом Христом в Таинстве Евхаристии или Причащения? Вполне — никто, ни даже ум ангельский. Ибо благодеяние это беспредельно и необъятно, как и Сам Бог, Его благодать, премудрость и всемогущество. Какая любовь к нам, грешным, ежедневно сказуется в Литургии! Какая близость Божия к нам! Вот Он тут, на престоле, ежедневно, существенно, всем Божеством и человечеством предлагается и вкушается верными или вносится иереем в дома верных и предлагается болящим. Какое чудное общение, какое растворение Божества с нашим падшим, немощным, греховным человечеством, но не с грехом, который сжигается огнем благодати. Какое счастье, блаженство нашей природы, приемлющей в себя Божество и человечество Христа Бога и соединяющейся с Ним. В этом принятии внутрь себя с верой— наше очищение, освящение, избавление от грехов и врагов наших, обновление наше, сила наша, утверждение сердца нашего, мир наш, свобода наша, слава наша, жизнь и бессмертие наше. О, сколько благодеяний подается нам от Бога через Литургию! Как же к ней христиане относятся? Большой частью с обыкновенной холодностью, невниманием, равнодушием. Причащаются Святых Тайн весьма редко, как бы по необходимости и заведенной привычке, раз в год. Чего же они лишают себя, какого божественного сокровища бесценного, какого бессмертного,

животворящего дарования Божия, какой помощи Божией! Вот отчего нет ныне истинной жизни в православных христианах, жизни по духу Христову. Вот почему умножились пороки и бедствия. Вот почему вооружилась против нас вся тварь в месть врагам Божиим; все стихии: и вода, и огонь, и воздух, и смерть во всех видах”.

Глубокие чувства переживает отец Иоанн в эти минуты. Его великое благоговение к Святым Таинствам обнаруживается и в том, что он много раз, неспешно, без крестного даже знамения, преклоняет главу свою перед ними. Слезы обильно лились из его глаз. То один, то другой платок вынимал он из кармана и отирал их. О чем плакал этот дивный муж? Не бывает слез без глубокого душевного волнения. Нет слез без чувства любви и живой мысли. Если бы кому-нибудь удалось, так сказать, анализировать слезу отца Иоанна, то какое бы богатейшее содержание можно было найти в ней. Настроение отца Иоанна так высоко в эти минуты, что невольно передается другим и повышает в значительной мере настроение всех здесь присутствующих в это время. Многие почти в экзальтированное состояние приходят в эти минуты. Мне рассказывали, что некоторые не раз видели над престолом в момент пресуществления Святых Даров Ангелов. Небожители как бы сослужители земножителю при совершении им таинства.

Строгий по отношению к себе, отец Иоанн в данном случае весьма строго относится и к мирянам. “Во время *Тебе поем* вся церковь, все предстоящие в храме должны молиться со священнодействующими, чтобы Отец небесный ниспослал Духа Своего Святого на нас и на подлежащие Дары – и читать про себя молитву: *Господи, Иже Пресвятого Твоего Духа*. В это время ни одна душа не должна оставаться холодной, но всякая душа должна быть воспламенена любовью к Богу. В это время да будут души наши, как светильники горящие, как кадило горящее и благоухающее, как дым фимиама, восходящий *горе*: ибо в эту минуту совершается страшное, животворящее таинство – претворение Духом Божиим хлеба и вина в Пречистое Тело и Кровь Христову, и на престоле является Бог во плоти”.

После возгласа: *Изрядно о Пресвятой*, помяная всякое епископство православных, отец Иоанн добавляет: “Помяни, Господи, всех православных епископов, носителей Духа Твоего, звания и сана Твоего, правды Твоей, власти Твоей и суда Твоего, святости Твоей, бессмертия Твоего, новотворения Твоего, светлости и великолепия Твоего, – *всякое пресвитерство* — и прибавляет тайно: ему же вверил еси служение примирения человек с Богом, покаяния, пакибытия, обновления, просвещения, благословения, умножения рода через таинство брака, освящения и обожения и все пренебесные таинства, кроме рукоположения, – да будет оно достойно своего звания, и да право жительствует и священнодействует и богоугодно приносит молитвы Тебе Владыце о всех и за вся; – *помяни во Христе дьяконство*, вспомоществующее священству и служащее пренебесным тайнам и всякий священнический чин. Еще приносим Ти словесную сию службу о вселенной, – о Святой, Соборной и Апостольстей Церкви, из всех народов составленной, и в бури мира сего и князя тьмы сущие Церкви умири и твердое благочестие в них насади; о Благочестивейшем Государе нашем, о Супруге его, о Наследнике его,– Надежде Церкви Твоей, и о всем царствующем ДOME...” Не говорю о его пламенной молитве за умерших. Она отличается необыкновенным дерзновением и глубиной.

Дьякон начал ектению перед “Отче наш”.

При тайном чтении молитвы, положенной на этой ектений: *Тебе предлагаем живот наш... сподоби нас причаститься... с чистой совестью*, отец Иоанн, прибавляет следующее: “В дерзновение перед всеми людьми твоими, в искоренение тлетворных, льстивых, досаждающих, насилующих, омрачающих, посрамляющих, от Тебе разлучающих и душу умерщвляющих страстей,– в насаждение, возвращение, утверждение в душах всякие истинные, живоносные добродетели,– во исполнение премудрости – во еже научити вся люди вере и заповедом Твоим,– в просвещение света моего перед людьми Твоими, яко да видят моя добрая дела и прославят Тебе, Отца нашего, иже на небесех, да не вотще ношу толикий – горний. Ангельский, боготворящий, владычественный сан священства, – не в суд или осуждение”.

Не забыть никогда еще одного момента из этого времени. Во время ектений, по прочтении тайной молитвы, отец Иоанн склонился над престолом и в глубоком благоговении молился. Затем он взял в свои руки дискос со Святым Телом, поднял его немного над престолом и, вперив свой взор, сосредоточенно молился перед ним. Потом он взял в свои руки потир со Святой Кровью, прильнул к нему челом, и долго горячо молился. Не произнес он в это время ни одного слова, не сделал ни одного движения, и глаза его были почти постоянно закрыты. Какая глубина воодушевления, мистического погружения в тайны нашей жизни во Христе, какое проникновенное созерцание этих тайн! Какая трогательная, умилительная, незабвенная картина. Как она трогает, возвышает, возбуждает, очищает, просветляет самое черствое, загрубелое, окаменелое сердце. Я не раз впоследствии падал духом. Но стоило мне только вспомнить эти минуты, как в меня вливалась откуда-то незримо новая, живая струя, и я снова оживал духом.

Возглас: *и сподоби нас, Владыко*, заканчивает словами *и глаголати: Отче наш*. Нельзя не видеть глубокой мысли и в этом прибавлении. От лица всех предстоящих в храме он исповедует, что Бог – Отец всех нас и что мы все – родные братья друг другу. Как важно хоть одно мгновение пережить эти часто забываемые нами слова о всеобщем братстве нашем, братстве не на бумаге и в мыслях только, а в самой действительности.

По прочтении молитвы: *Верую и исповедую*, отец Иоанн тайно говорит следующие слова: “Господь во мне лично, Бог и человек, ипостасно, существенно, непреложно, очистительно, освятительно, победотворно, обновительно, обожительно, чудотворительно, что я и ощущаю в себе”. Итак, для отца Иоанна в эти минуты Христос Спаситель не только с ним, но и в нем самом, Христос не как отвлеченное какое понятие, а как действительная, живая Личность, не как только одно представление о Христе, мысль о Христе, но и живое действие Христа в нем, ощущаемое реальным образом сердцем благочестивого пастыря. Многие ли из нас переживают такие думы и чувства в эти минуты?

Вот приобщился отец Иоанн Тела и Крови Христовых. Лицо его изменилось. Нет более на нем и следа той утомленности и какой-то скорби или грусти, какие можно было видеть, когда он только что входил сегодня утром в храм. Необыкновенная духовная радость, необыкновенный мир и небесный покой, необыкновенная сила и мощь отображались теперь в каждой черте его лица. Его лицо как бы светилось, как бы издавало какое сияние. Теперь я хорошо понимаю, что означает нимб, изображаемый на иконах около головы Святых Угодников. Отец Иоанн теперь готов был снова трудиться без всякой усталости с утра до самой поздней ночи; он запасся теперь силами на все предстоящие ему дневные труды и заботы. Лица, близко стоявшие к нему, говорили мне, что такая перемена бывает с ним каждый раз, когда он приступает к Святым Тайнам. Еще говорили мне, что он в Святых Тайнах почерпает силы для несения того труда, который, несомненно, превышает всякие человеческие силы.

Когда причастились все сослужащие, отец Иоанн приступил к раздроблению Святого Агнца для причащения мирян. Раздроблял Агнец он с необыкновенной быстротой. В служебнике не положено никаких молитв в данном случае. Но чтобы во время такого святого дела не смущали душу его какие-либо праздные мысли, отец Иоанн снова шепчет молитвы. До моего слуха доносились отрывочные выражения из канона Симеона Логофета “О распятии Господни и на плач Пресвятыя Богородицы”.

III

Наконец, настало время общей исповеди. Мы все вышли из алтаря на солею и стали около отца Иоанна. Необыкновенно величественная картина развернулась перед нами. С довольно высокой солеи можно было видеть самые отдаленные уголки обширного храма. Перед нами было море голов. В храме было, – говорили, – не менее пяти тысяч человек. Как волнуется море, так волновалось и это море людей. Достаточно было небольшого толчка с той или другой стороны, как вся масса людей отклонялась в противоположную сторону, потом совершенно естественно, сама собой, для сохранения равновесия, направлялась в

другую сторону. В эти минуты перед нами была уже не масса отдельных людей, а как бы один человек, единое тело, один живой организм, двигавшийся туда и сюда.

Отец Иоанн вышел из алтаря на амвон в смиренном виде без митры и начал говорить поучение перед исповедью. Он начал его без обычных наших слов “во имя Отца и Сына и Святаго Духа”.

– Грешники и грешницы, подобные мне! Вы пришли в храм сей, чтобы принести Господу Иисусу Христу Спасителю нашему покаяние в грехах и потом приступить к Святым Тайнам,— так начал свое поучение отец Иоанн. – Приготовились ли к восприятию столь великого Таинства? Знаете ли, что великий ответ несу я перед престолом Всевышнего, если вы приступите, не подготовившись, Знайте, что вы каетесь не мне, а Самому Господу, Который невидимо присутствует здесь, Тело и Кровь Которого в настоящую минуту находятся на жертвеннике.

Сказавши еще несколько прочувствованных слов, отец Иоанн продолжал:

– Слушайте... буду читать покаянные молитвы.— И тотчас же начал читать их, обратясь лицом к народу.— “Боже Спасителю наш,— читает восторженно, громогласно и умилительно отец Иоанн,— прости рабов твоих сих”.— Слова “твоих сих” читает протяжно, разбивая их по слогам. При этом своей раскрытой десницей проводит над главами внизу стоящих и молящихся, как бы отдельно указывая каждого милосердому Судии. Тогда невольно дрогнуло у каждого сердце. Каждый чувствовал, что вот он именно, а не кто-либо другой, сейчас должен дать отчет Богу за прожитое время, за все свои дела. Не укрыться ему теперь за другими от этого Судии.

Продолжается чтение молитвы. Голос пастыря все возвышается и возвышается. Иногда, во время чтения, он еще выразительнее, как пророк грозного и праведного Судии, указывает перстом в толпу, в ту или другую сторону храма... Все эти и подобные этим жесты весьма трогательны, чрезвычайно поясняют смысл читаемого и производят на массу сильное впечатление.

Прочитавши первую покаянную молитву, отец Иоанн заявляет, что ее нужно “протолковать”, и продолжает свое поучение. Говорит, конечно, без тетрадки. Говорит просто, без всяких ораторских приемов. В одном месте ему никак не удавалось правильно построить фразу. Проповедник остановился на несколько мгновений и потом, заявив, что он “не так сказал”, спокойно продолжал свою речь. Слово его отличалось внутренней силой, властью (1 Кор. 2, 4; 4, 20) и нисколько не напоминало чтения мальчиком хорошо вызубренного урока. Говорил он с глубокой верой в каждое свое слово, готовый за каждое слово даже пострадать, потому что все говорил от сердца, говорил то, что сам своим личным опытом хорошо изведal. Это не были только “хорошие фразы”, тщательно собранные из всевозможных сборников и книжек. Вот что он говорил народу.

– В этой молитве к Богу Отцу, Первому Лицу Пресвятой Троицы, Господу Всеблагому, Всесвятому, Вездесущему, Премудрому, Всесоздавшему, Всемогущему, Всеправляющему, Страшному всякой твари, Святая Церковь молит Господа, чтобы Он даровал помилование грешникам и грешницам, простил бы им прегрешения, всякие беззакония, совершенные или по легкомыслию, или по необдуманности вольно или невольно, простил бы и помиловал бы, как некогда помиловал пророка и царя Давида, тяжко согрешившего перед Богом. Прогуливаясь однажды на террасе своего дворца, он увидел купающуюся очень красивую женщину, молодую еврейку, пленился ее красотой и пожелал сделать ее своей женой. Но эта еврейка была замужем. Чтобы исполнить свое греховное желание, Давид отправил ее мужа на войну и приказал поставить его на опасное место, где и сразили его неприятельские стрелы. Таким образом Давид достиг своей преступной цели и, упоенный греховной страстью, не хотел думать о том, какое тяжкое прегрешение совершил перед Богом. Но Господь Бог умилился над грешником и послал к нему пророка Нафана для вразумления и наставления. Пророк обличил царя в беззаконии и убеждал его раскаяться. Тогда царь осознал свой тяжкий грех и ужаснулся его. Посыпав главу свою пеплом в знак смирения, начал горько плакать и искренно, горячо каяться перед Господом. И Господь услышал его скорбную мольбу, и простил его грех. Святой Дух, Который оставил его после

согрешения, снова вселился в него после его раскаяния и не оставлял его до конца дней его. Царь Давид свое искреннее и сердечное сокрушение о грехах выразил в псалмах, в которых благодарил и прославлял Бога. Он оставил после себя книгу Псалтирь, употребительнейшую в православной церкви. Его 50-й псалом: “Помилуй мя, Боже” представляет собой прекрасный и ничем не заменимый образец сердечного покаяния.

Братья, царь Давид был человек благочестивый, кроткий, незлобивый, мудрый, имевший дар пророчества, хороший был человек, и то согрешил, не уследил за собой, украл единственную жену! Царь, пророк, святой муж – и пал так глубоко! О, как легко согрешить человеку. Нужно быть бдительным к своей душе, нужно всегда следить за собой, обуздывать свои чувства. Нужно каждый день и час, каждую минуту следить за собой и предвидеть заранее греховные желания свои и оберегать себя от искушений, ибо дьявол, как лев рыкающий, бегаёт за нами и ищет, кого бы поглотить. Для этого нужно обдумывать и взвешивать каждый свой шаг и всякий свой поступок.

Другой царь Манассия отпал от Бога и впал в идолопоклонство, занимался волхвованиями, вызыванием духов, был спирит по-нынешнему и детей своих учил тому же. Неблагодарный, гордый, он презирал народ, любивший Бога, а себялюбивых, подобных себе, ласкал и приближал. Своими беззакониями он прогневал Бога; долготерпение Господне истощилось. Во время войны Иудеев с Ассириями Манассия был взят в плен, руки и ноги его были закованы в колодки, а в нос было продето кольцо. В таком позорном виде, как зверя, его провели по Вавилону и бросили в смрадную темницу, где и держали три месяца. Братья, человек не может жить без наказаний, этих истинно посещений Божиих, за которые мы всегда должны благодарить Бога. Иногда только наказания могут отрезвить человека, просветить его духовное око, указать ему его действительное, а не им самим вымышленное, положение. И Манассия, только находясь в тяжком плену, опомнился, сознал свои грехи перед Господом и сознал свое ничтожество и бессилие. Теперь он понял, что он червь, что гордиться ему нечем, потому что перед Господом все равны. Всех Бог создал одинаково, создал из одной персти и в перст всех обратит. И начал Манассия усердно молиться, каяться, день и ночь плакать о своих заблуждениях. Господь услышал его мольбы и простил его. Царь Манассия составил покаянную молитву, которая читается теперь великим постом на повечерии.

В лице этих двух царей, Давида и Манассии, тяжело согрешивших. Святая Церковь представляет нам, братья, образцы искреннего и глубоко-сердечного покаяния. Господь Бог – страшный Судия всей земли. Он не посмотрит ни на чье лицо: мужчина или женщина, отрок или отроковица, царь или простолюдин, барин или мужик, генерал или солдат, богатый или бедняк. Перед Ним все равны: Он смотрит на сердца, смотрит, каково упование человека, какова его вера, каковы его дела. С людей высокостоящих, образованных Господь больше взыщет, чем с простолюдинов, когда они грешат, пьянствуют или прелюбодействуют. Братья, ах как силен грех! Грехи – это воры, разбойники, которые постоянно обкрадывают нас. Они облакаются обыкновенно в благородные, заманчивые одежды и делают нас бедняками перед Богом и даже врагами Его. Кто из нас без грехов? Кто не горд? Кто не честолюбив? Кто не обижал друг друга? Кто не оболгал ближнего своего?

Поучение, по-видимому, простенькое, не хитро-витиеватое, – такое поучение, которое может составить и произнести без особенного затруднения всякий сельский священник. Я много слышал об отце Иоанне, как проповеднике, и с нетерпением ожидал его проповеди. Но начало его проповеди – да простит мне великий пастырь – я слушал с довольно большим холодом в душе и даже разочарованием. Равнодушно, по-видимому, относился к проповеди и народ. Но далее я не знаю, что случилось со мной и с этой доселе безмолвной массой людей. Какое-то особенное настроение, незримо откуда-то сходявшее в души слушателей, начало овладевать толпой. Сначала слышались то там, то здесь лишь легкие вздохи; то там, то здесь можно было наблюдать слезу, медленно катившуюся по лицу умиленного слушателя. Но чем дальше шло время, тем больше можно было слышать глубоких вздохов и видеть слез. А отец Иоанн, видя их, о них-то больше всего и напоминал в своем поучении. И я что-то необыкновенное начал ощущать в себе. Откуда-то, из какой-то неведомой

глубины души, что-то начало подниматься во мне, охватывая все существо мое. Сзади меня и напротив, на правом клиросе, стояли доселе, по-видимому, равнодушные, более любопытствующие лица. Но вот и они преклоняют колена и проливают слезы. И у меня растеплилось сердце черствое, огрубелое. Скатила слеза и у меня из глаз, слеза чистая, покаянная, слеза святая, слеза благодатная, слеза живительная, слеза спасительная. А что творилось в это время в народе! Из всех сторон кричали:

– Батюшка, прости, батюшка, помилуй; все мы грешники; помолись, помолись за нас.

Бушевало море. Стало так шумно, что больше ничего не было слышно из речи отца Иоанна.

– Тише, тише, слушайте, – громко кричал отец Иоанн, властно призывая рукой всех к молчанию. На несколько мгновений смолкал этот великий шум, но потом с новой силой он раздавался опять, начинаясь сначала где-либо в одном месте, а потом постепенно охватывая всех молящихся. Как сильный гром перекачивается по необъятному небу, так перекачивались из края в край по громадному храму народные вопли о молитве, прощении и помиловании. С немалым трудом пришлось водворить в храме тишину. Отец Иоанн начинает читать далее вторую молитву перед покаянием. Читает ее также с глубоким чувством и выразительностью. Прочитавши молитву, он снова начал “толковать” ее.

– В этой молитве, которую я сейчас произнес, Святая Церковь молит Первопастыря, чтобы Он, Многомилостивый, простил наши неправды, наши грехи, помиловал, избавил нас от вечной муки, простил беззаконные намерения, мысли наши и беззаконные поступки. Святая Церковь молит Иисуса Христа, Сына Божия, взявшего на Себя грехи всего мира и своей Пречистой Кровью омывшего нечистоту душ наших, помиловать нас, как двух евангельских должников, которые сами не могли заплатить большой долг займодавцам, как блудницу, которая своими слезами омыла ноги Христа и отирала их своими волосами. Господь Бог видел ее истинное раскаяние, желание загладить свои грехи и, даровав ей прощение, отпустил ее с миром. Точно также и все кающиеся искренно сегодня в грехах своих получают прощение и избавление от вечной муки. Нам дано в жизни очень много времени одуматься, чтобы мы поскорбели, погоревали, поплакали о душе своей. Но люди ленятся, не хотят заботиться о своей душе, не хотят бороться с грехами, которые, как тати и разбойники, врываются в их души, не хотят воевать с ними, отгонять их. Господь Бог делает все для любящих Его, а которые дерзко отталкивают десницу Божию – не желают сами себе добра, сами идут на погибель. А без Бога мы и одной секунды существовать не можем: своей жизнью, дыханием, воздухом, которым дышим, светом солнечным, пищей, питьем, – всем обязаны мы Христу. Мы должны Ему без конца, мы Его – неоплатные должники. Мы призываемся быть “народом святым”, “людьми обновления”, “царским священством”. Ведь нам сказано: “Святы будьте, якоже свят есмь Аз”.

При этом снова в народе поднялся прежний шум.

– Батюшка, батюшка, – кричали отовсюду, – прости, помолись. – И снова нельзя стало разобрать ничего.

– Тише, тише, слушайте, тише, – говорил отец Иоанн. Мало-помалу снова в храме водворяется тишина, прерываемая по временам только глубокими вздохами да слезой, безмолвно катящейся по лицу слушателя.

– Господь Бог, страшный и праведный Судия, – продолжает отец Иоанн свою прерванную речь. – Он не помиловал падших ангелов, возгордившихся против Самого Бога, но осудил их на вечную муку. Мы, грешники, грешим каждую минуту и своими грехами прогневаем Господа. Отчего же нам такое снисхождение? Бог Отец послал в мир Сына Своего возлюбленного. Который принял на Себя грехи всего мира, пострадал за грехи людей, снял с людей проклятье, тяготевшее над ними со времени грехопадения первых людей. Господь Иисус Христос своими крестными страданиями избавил нас от вечной муки. Это мог сделать только Сын Божий, а не человек. Бог Отец отдал всю власть суда над людьми Иисусу Христу. Господь Иисус Христос дал власть апостолам, а те – архиереям и священникам, в том числе и мне, грешному иерею Иоанну, – разрешать кающихся, прощать или не прощать грехи их, судя по тому, как люди каются. Если человек искренно кается, с

сокрушением сердечным, то священник разрешает его от грехов. Наоборот, если человек кается не искренно, то священник не отпускает ему грехи, чтобы он опомнился. Итак, чтобы получить прощение грехов, необходимо каяться искренно, горячо, сердечно. А у нас, что за покаяние? Все мы только верхушечки, стебельки грехов срываем. Нет, корни, корни грехов-нужно вырывать...

Что же такое покаяние? Покаяние есть дар Божий, дарованный Богом ради заслуг Сына Своего возлюбленного, исполнившего всю правду Божию. Покаяние есть дар, данный для самоосуждения, самообличения, самоукорения. Покаяние есть твердое и неуклонное намерение оставить свою прежнюю греховную жизнь, исправиться, обновиться, возлюбить Господа всей душой, примириться с Богом, со своей совестью. Покаяние есть твердое упование, надежда, что милосердый Господь простит все наши прегрешения. Кто не кается, тот делается врагом церкви. Как гнилые сучки или ветки отпадают от дерева, так и грешники нераскаянные отпадают от Главы церкви Христа. Сам Христос есть Лоза виноградная, а мы веточки, питающиеся жизнью, соками этой Лозы. Кто не будет питаться соками этой дивной Лозы, тот непременно погибнет. Раскольники погибают в заблуждении, пашковцы тоже погибают, погибают и толстовцы. Все они грешники не раскаянные. Сами гибнут и других влекут на погибель.

Братья и сестры, каетесь ли вы? Желаете ли исправить свою жизнь? Сознаете ли грехи свои? Ленились вы Богу молиться? Пьянствовали, прелюбодействовали, обманывали, клятвопреступничали, богохульствовали, завидовали, хитрили, злобствовали, злословили, воровали? Да, много, много грехов у нас, братья и сестры, всех их и не перечесать...

Слово кончено. Обращаясь к народу, отец Иоанн властно и громко теперь говорит:

– Кайтесь, кайтесь, в чем согрешили!

Что произошло в эти минуты, невозможно передать. Напряжение достигло самой высшей степени и одинаково захватило всю массу. Это был уже не тихий и спокойный народ, а море бушующее. Пламя огня, охватившее внутренность здания, дает о себе знать сначала незначительными огненными языками, вырывающимися изнутри то там, то здесь, и густыми облаками дыма. Потом, пробившись наружу, оно со страшной силой поднимается вверх и почти мгновенно распространяется по всему зданию, перелетает быстро на соседние дома. В эти минуты человеку остается только безмолвно почти смотреть на совершающееся перед ним. Нечто подобное представляла собой и толпа в данный момент. Стоял страшный, невообразимый шум. Кто плакал, кто громко рыдал, кто падал на пол, кто стоял в безмолвном оцепенении. Многие вслух перед всеми исповедовали свои грехи, нисколько не стесняясь тем, что их все слышали:

– Не молимся, ругаемся, сердимся, гневливы, злы,– и тому подобное доносилось из всех частей храма.

Трогательно было смотреть в это время на отца Иоанна. Он стоял, глубоко растроганный и потрясенный всем. Уста его шептали молитву, взор был обращен к небу. Стоял он молча, скрестивши руки на груди, стоял как посредник между небесным Судией и кающимися грешниками, как земной судия совестей человеческих. По лицу его катились крупные слезы. Он закрыл свое лицо руками, но и из-под них капали на холодный церковный пол крупные слезы. О чем же он плакал? Кто может изобразить его душевное состояние в эти минуты? Отец Иоанн плакал, соединяя свои слезы со слезами народа, как истинный пастырь стада Христова, скорбел и радовался душой за своих пасомых. А эти овцы заблудшие, грешные, увидя слезы на лице своего любимого пастыря и поняв состояние его души в настоящие минуты, устыдились еще больше самих себя и разразились еще большими рыданиями, воплями, стонами, и чистая река слез покаяния потекла еще обильнее к престолу Божию, омывая в своих струях загрязненные души. Громадный собор наполнился стонами, криками и рыданиями: казалось, весь храм дрожал от потрясающих воплей людей.

– Кайтесь, кайтесь,– повторял от времени до времени отец Иоанн.

Иногда он обращался своим взором в какую-либо одну часть храма и там все чувствовали на себе его взор. Тотчас в этом месте начинали громче раздаваться голоса, заметно выделяясь в общем хоре голосов и заражая еще более толпу. Потом опять везде

царил один тон, чтобы усилиться снова там, куда обратится своими взорами отец Иоанн. Как могуче владел он всей этой массой народа— он был как бы какой маг или чародей. Скажи отец Иоанн народу, чтобы он шел за ним в эти минуты, и он всюду пошел бы за своим пастырем... В таком состоянии кающиеся находились не менее пяти минут. Наконец, отец Иоанн отер свои слезы красненьким платком, перекрестился в знак благодарности за слезы покаянные народные.

— Тише, тише, братья, — слышится его голос. Не скоро в храме водворяется желательная тишина. Но мало-помалу все смолкает. Слышны одни только вздохи, да слезы струятся по щекам молящихся то там, то здесь.

— Слушайте,— говорит протяжно отец Иоанн.— Мне, как и всем священникам, Бог даровал власть вязать и разрешать грехи человека... Слушайте, прочитаю молитву разрешительную. Наклоните головы свои: я накрою вас епитрахилью, благословлю, и получите от Господа прощение грехов.

Тысячи голов смиренно преклоняются, читается разрешительная молитва. Берет отец Иоанн конец своей епитрахили, проводит им по воздуху на все четыре стороны и благословляет народ. Какая торжественная и таинственная минута! Примиряется небо с землей; грешники с Безгрешным.

После разрешительной молитвы всем чувствовалось как-то особенно легко. Как будто бы громадное какое бремя у каждого свалилось с груди. Эти минуты живо напомнили мне минуты счастливого, радостного, чистого и беззаботного, святого детства. Радостный, освобожденный от тяжкого бремени греховного, народ вздохнул свободно и со слезами благодарности смотрел на кроткое, сияющее духовным торжеством лицо своего доброго батюшки пастыря, который вывел так благодетельно своих овец из мрачных дебрей греха на светлый путь добродетели, к лучезарному дому Отца небесного.

Люди, заслуживающие всякого внимания и доверия, нам рассказывали нечто весьма любопытное относительно общей исповеди отца Иоанна. В то время, когда народ приносит искреннее и глубокое покаяние в своих грехах, некоторые из богомольцев видят на солее Спасителя благословляющим народ и разрешающим его от всех грехов. Об этом недавно сообщалось даже и в печати. Вот каков религиозный подъем духа народа в эти минуты, вот каких размеров достигает его напряжение!

Затем последовал вынос Пречистых и Животворящих Тайн Христовых. После громогласного прочтения всеми молитвы: “Верую, Господи, и исповедую”, началось причащение Тела и Крови Христовых, благодатно приемлемых очищенными и примиренными с Богом душами. Что делалось кругом в это время? Народ устремился волной к святой Чаше. Сколько благоговения, восторга, тихой радости можно было видеть и читать на лицах всех. Какие сцены, нигде даже невиданные мной, постоянно повторялись здесь.

Вот что я видел и слышал:

- Господи, сподоби причаститься Святых Тайн.
- Дорогой, золотой батюшка, причасти.
- Батюшка-голубчик, причасти.
- Батюшка, причасти. Я больная. Почки болят. Умираю.
- Батюшка, и я нездорова, причасти.
- Батюшка, причасти; две недели не причащалась.

Вот стоит старушка на коленях в стороне, недалеко от отца Иоанна, и просит необыкновенно жалобным старушечьим голосом, едва произнося слова своим беззубым ртом:

- Батюшка, причасти.

Она как бы замерла, застыла в этом положении. И кажется, никто не услышит ее в этом всеобщем почти смятении и шуме. Но вот услышана и она.

- Боженька, причасти,— вдруг я слышу недалеко от себя.

— Я не Боженька, а простой человек,— спокойно, без всякого волнения и смущения, но твердо и решительно отвечает отец Иоанн.

Вся окружающая атмосфера была наполнена ласковыми словами, обращенными к отцу Иоанну. Она как бы была вся соткана из этих одних слов. Приносят детей причащать. Там вдали где-то раздается вдруг шум, напоминающий собой почти штурм или баталию. Это посадские хотят пробраться через всякие решетки и через ряды полиции, чтобы причаститься. Некоторые, более дерзновенные и храбрые, оттеснив простых, робких деревенских мужичков, успевают уже пробраться к самым ногам отца Иоанна. Но, увы, батюшка их не только не причастил, но и еще пригрозил, что, в случае нового шума с их стороны, он отлучит их даже от святого причастия на три месяца.

– Целуй Чашу-то, благодари Бога,– многим говорил отец Иоанн, причащая их. Благодарю Бога! А как часто, действительно, мы забываем делать это...

Сколько слез я видел, стоя рядом с отцом Иоанном. У некоторых слезы брызгали моментально, когда они подходили к святой Чаше. Как бы какой источник у них открывался сразу. Умиротворенные все уходили от Чаши. А там вдали медленно двигалась вперед, наступая на передние ряды, темная, серая масса. Думалось, и конца ей не будет. Все смещалось в этой толпе. Со стороны казалось, что как бы двигалось одно какое громадное чудовище, наступавшее постепенно на тебя.

Был при этом однажды и весьма скорбный случай. 17 мая произошло событие, о котором невозможно говорить без слез горечи, сожаления и стыда. Произошло несчастье, громко вопиющее о недостатке наших нравов. Дело в следующем: отец Иоанн Кронштадтский, известя всех о скором отъезде в свое родное село Суру (Архангельская губерния), служил на прощанье обедню. Народа набралось в храм до пяти тысяч человек и, когда почтенный пастырь вышел со Святыми Дарами, чтобы причастить все это множество людей, принесших покаяние среди общей исповеди, толпа хлынула вперед и стеснилась с такой неудержимой силой, произвела такой ужасный переполох, что в одно мгновение, из благообразно и молитвенно настроенной, обратилась в нечто поражающее. Лица, за минуту красные, покрытые потом, вдруг побледнели, исказились; раздались отчаянные крики страдания и испуга – призывы к спасению... Духота сделалась невообразимая, одежда на людях обратилась в клочья, многие, особенно женщины и дети, падали, и тела их топтали навалившаяся вперед задние ряды. Железная решетка солеи едва выдерживала этот страшный натиск. К счастью, еще случившаяся вблизи военная команда, под начальством пристава, успела явиться на помощь: изувеченных стали выносить из церкви в ограду. Там происходили потрясающие сцены страданий: одних, в полубесчувственном состоянии, причащали священники, сослужившие отцу Иоанну; другим – искалеченным, изуродованным – подавалась первая медицинская помощь; одна женщина, задавленная насмерть еще в соборе, была вынесена сюда – уже трупом.

Исполненный скорби и ужаса, отец Иоанн вышел к народу и дрожащим, глубоко потрясенным голосом укорял толпу за ее безумное поведение.

– Знаете ли вы, – заключил пастырь свою взволнованную речь, – что, может быть, покаяние нескольких тысяч вас не исправят греха этой одной смерти! Молитесь же!

Более двух часов продолжалось причащение многочисленного народа. Вот Святые Дары унесены в алтарь. Вот снова появился с ними перед лицами народа батюшка...

– *Всегда, ныне и присно*, — громогласно пронеслось всюду по всему собору. И едва ли не каждый в это время думал: о, если бы это было так и в действительности.

Когда Святые Дары были перенесены на жертвенник, отец Иоанн припал к ним и долго так стоял. Потом он встал и опять припал. Он как бы не хотел с ними расставаться, не мог насладиться лицезрением их.

После благодарственной молитвы отец Иоанн вышел на амвон с крестом и радостным возгласом поздравил всех с принятием Святейших Тайн Христовых, во веки веков служащих освящением и очищением душ наших.

Сияющий радостью народ, с беспредельной и восторженной любовью к своему дорогому наставнику, единодушно, искренно, горячо благодарил его за поздравление. Приложившись к святому кресту, все спешили по домам, чтобы встретить там дорогого пастыря, ежедневно посещающего своих пасомых в квартирах для приезжающих.

Разоблачившись, окруженный значительным числом людей, собравшихся в алтаре, батюшка стал просматривать более неотложные письма и телеграммы. Вынимая из конвертов деньги, небрежно совал их по всем карманам. А часть их здесь же сейчас и раздавал различным людям. Отвечал на различные вопросы. Подписал кому-то две карточки. Подносят еще.

– Не буду больше подписывать. Это тщеславие. К чему тщеславиться?

– Батюшка, подпиши; батюшка, подпиши, – молят его.

– Не буду, не буду...

Нарезавши антидору, стал раздавать его присутствующим со словами:

– Берите и с молитвой вкушайте; это – вот лучше.

Батюшку позвали благословить одну интеллигентную молодую особу. Она лишилась маленькой девочки, которую очень любила и которую поэтому очень оплакивала. Батюшка потрепал ее по плечу, стал гладить по голове, смотреть в глаза, обласкал, приласкал:

– Что ты? Что ты? Что с тобой, родная?

– Полно, полно, не плачь. Ей ведь там лучше будет. Эх, ты бедная. Бог пошлет тебе еще пятерых и лучших детей.

– Не плачь же. Не будешь плакать?

– Не буду, – говорит почти уже спокойно дама.

– Спасибо за послушание, – твердо отвечает отец Иоанн.

Все это было так тепло и мило сказано, что дама совершенно успокоилась и пошла с миром в свой дом. Муж, обрадованный всем случившимся, дал батюшке пачку денег со словами:

– Раздайте бедным.

Дама пошла с мужем домой, а наблюдавшие всю эту сцену начали снова тесниться к отцу Иоанну, просили благословения, горячо целовали руки, крест и даже одежду батюшки, падали перед ним на колени, о чем-то со слезами умоляли его. Многие просили посетить их отдельно, называя свои квартиры. Не давали ему даже выйти из храма. Когда мы собирались домой, было уже почти двенадцать часов. А иногда в Андреевском соборе богослужение с пяти часов утра продолжается, благодаря массе причастников, даже до пол часа третьего.

IV

Недолго мы оставались дома. Едва успели выпить по стакану чая, а кто и просто так холодной воды, как надо было спешить в фотографию П. П. Шаумана. Настоящий день был для нас особо счастливым днем. Отец Иоанн дал нам слово сняться с нами. Мы не шли, а скорее бежали в ту фотографию, где обыкновенно снимался отец Иоанн. Мы как бы не чувствовали никакого утомления после столь продолжительного богослужения и после стольких часов, проведенных в большом напряжении. Немного мы блуждали по незнакомым нам улицам Кронштадта, чтобы благополучно добраться до фотографии Шаумана. Здесь нас уже поджидали. Отца Иоанна еще не было; да и не скоро он должен был вырваться из рук громадной толпы народа, осаждавшего его в храме. В ожидании его прибытия, мы занялись осмотром больших коллекций фотографических карточек.

Пересматривая все эти карточки и группы, я не мог не обратить внимания на одно обстоятельство, весьма любопытное и замечательное. Не было, кажется, ни одной карточки в этом море карточек, на которой отец Иоанн был бы снят совершенно одинаково. Что ни карточка, то у него было иное выражение лица. По временам эта разница достигла таких размеров, что трудно даже было узнать отца Иоанна. Кому его не пришлось видеть, тот, несомненно, не узнал бы его здесь. Заинтересовавшись этим, мы спросили людей, близко знающих отца Иоанна, чем объясняется такое различие фотографий, изображающих одно и то же лицо. Оказывается, что мы подметили нечто весьма верное и характерное. Выражение лица отца Иоанна меняется часто и иногда с поразительной быстротой. Вот почему он и выходит на карточках столь различно. Отчасти это я и сам заметил, следя за отцом Иоанном во время богослужения.

Время шло почти незаметно в течение этих выборов среди восторгов, рассуждений, замечаний, советов. Вдруг раздалось: “Едет”. Почти все мы бросились толпой к подъезду, чтобы встретить здесь дорогого батюшку. Хотя мы не говорили никому о том, что из собора отец Иоанн поедет в фотографию сниматься с нами, но у подъезда фотографии стояла уже порядочная толпа народа, ожидая его прибытия. Каким-то неизвестным образом люди уже успели открыть наш секрет. Быстро благословив некоторых, отец Иоанн вошел в дом. Мы окружили его. Я и один мой товарищ подхватили его под руки и стали быстро подниматься на головокружительную высоту, чуть не под облака, где была устроена сама фотография. Отец Иоанн, несмотря на свои шестьдесят лет, нисколько не отставал от нас, быстроногих юнцов. Он был весел, постоянно улыбался и ласково по дороге шутил над нашим усердием. Хотя и высоко было подниматься, но мы шли недолго до фотографской вышки, терявшейся почти под небесами. Вот мы и на месте. Восторгам нашим не было конца. Отец Иоанн разговаривал неумолимо то со всеми вместе, то с каждым порознь. Говорил о многом; говорил о нас. Мы делились с батюшкой своими впечатлениями и благодарностью за величайшее утешение, доставленное им нам сегодня в храме. Вот нас начали рассаживать. Отец Иоанн занял почетное место в середине, около него – мы, юнцы. Каждому из нас хотелось сидеть рядом с ним: все теснились и жались к нему. Чтобы угодить нам и распределить нас с большей экономией, нас расположили следующим образом. Один из нас сел прямо на полу у ног его, немного склонив голову на руку отца Иоанна. Он считал для себя великой наградой это положение и готов был бы сидеть все время “при ногу его”. Двое сидели рядом с отцом Иоанном, двое стояли позади его, а остальные занимали уже менее ценные места, но они не только были довольны, но гордились еще и этим.

Во время рассаживания нас отец Иоанн добродушно шутил над фотографом, который часто подбегал к нему, поправляя то крест, то рясу, то голову, прося наконец сделать веселое выражение лица. Это выходило, что называется, уже по заказу. Как приятно было в эти минуты всем нам, как хорошо у всех было на душе. Всем хотелось, чтобы эти минуты не прекращались никогда, чтобы мы все время были в этой прекрасной, отеческой, милой обстановке.

Во время возни с нами фотографа разговор не прекращался. Отца Иоанна спрашивали то об одном, то о другом. Но вот один из наших спутников задал ему такой вопрос, во время которого все как-то особенно присмирели, притихли и стали с необыкновенным вниманием следить за дальнейшим разговором. Один из наших спрашивал, как смотрит отец Иоанн на монашество и благословит ли он его избрать этот путь жизни. Я с замиранием сердца ждал ответа. Предложенный вопрос был и мой жизненный, жгучий вопрос, над разрешением которого я немало трудился и теоретически, и практически. Мне помогали решать этот вопрос и мои товарищи, которых я от всей души любил и уважал. Мне много говорили “за” и “против” монашества. Из любви ко мне большинство мне советовали жениться, рисуя самые фантастические картины счастья семейной жизни и того, каким я буду хорошим семьянином. Говорили даже, с каким удовольствием они будут тогда приходиться ко мне пить чай. Не преминули, конечно, упомянуть и о том, что ныне век пара и электричества, что приближается конец XIX века и грядет XX век – век свободы и полного счастья.

Вдохновившись, сосредоточенно, ясно и отдельно отец Иоанн отвечал на искусаительный вопрос следующее:

– Я не знаю ничего лучшего в положении юноши, как отдать всего себя на служение Церкви со всеми своими почти еще нетронутыми и непочатыми силами. Об одном только при этом нужно заботиться, чтобы пройти свой жизненный путь благочестно. Если вы это чувствуете, то Бог благословит вас.

Больше отец Иоанн ничего не сказал. Я хотел было предложить ему тот же самый вопрос, но меня таким образом совершенно неожиданно предупредили. Выслушав такой ответ, я уже счел лишним второй раз спрашивать отца Иоанна об одном и том же. Теперь из области колебаний я переходил в область более определенных дум о своем жизненном будущем пути. И действительно, как оказалось впоследствии, мне не нужно было спрашивать отца Иоанна о своем пути. В прошедшем году я получил от него дневник “Моя

жизнь во Христе” с собственноручной подписью и благожеланиями. До сих пор я храню эту книгу, как святыню. В том же году от отца Иоанна я получил письмо, в котором он извещал меня, что на мою родину, по моей просьбе, он послал серебропозлащенные богатые святые сосуды, облачения, воздухи, иконы. Как и следовало ожидать, все эти предметы были очень ценны: отцу Иоанну каждый несет свой самый лучший дар. Его письмо ко мне оканчивалось словами: “Ваш покорнейший слуга” и прочее. Каким смущением и трепетом наполнилась душа юного студента, когда он читал эти строки... Он не забудет этого великого смирения пастыря никогда.

Когда пришел мой час окончательно избрать путь новой жизни, отец Иоанн прислал мне в благословение небольшую икону святого Митрофана в серебропозлащенный ризе с глубоко сердечной и бодрящей надписью. Да хранит его Господь на многие, многие годы. Может быть, только благодаря ему я пошел твердо и решительно путем той жизни, каким сейчас иду.

Другой из наших сотоварищей во время снятия просил благословения у отца Иоанна на служение церкви в сане священника, и он получил это благословение. Замечу кстати. Из всей нашей дружины, снимавшейся с отцом Иоанном, только двое не облеклись в священные одежды. Прочие же или постриглись в-монашество, или пошли во священники. Да и эти двое, отдавшие себя впоследствии миру в самом широком смысле этого слова, были люди светского происхождения. Случайно они попали в Академию и чувствовали себя все время в ней гостями... Поэтому, выходя из Академии, они затерялись где-то в водовороте светской суетливой жизни, от прелестей и соблазнов которой не хотели и не смогли отрешиться.

Наконец нас сняли. Отец Иоанн быстро поднялся и пошел, чтобы скорее быть у тех, которые с таким усердием и терпением там, внизу, его ждали. Мы тесно окружили его со всех сторон и не шли, а почти бежали вместе с ним по крутым лестницам вниз, поддерживая его на пути под руки и продолжая осаждать различными вопросами. А спросить было о чем: каждого из нас родственники и знакомые нагрузили в достаточной мере различными просьбами к отцу Иоанну. На половине нашего пути из-под облачных сфер на землю мы должны были проходить комнатой, в которой рассматривали и покупали фотографические карточки отца Иоанна. В этой комнате, вопреки всяким ожиданиям, нас ожидал стол с небольшим “утешением”. Хозяйка дома убедительно просила отца Иоанна благословить трапезу. Отец Иоанн уступил ее настойчивым просьбам. Мы, конечно, были приглашены разделить с ним “утешение”. Отец Иоанн налил себе вина рюмку, также каждому из нас налил по рюмке и чокнулся со всеми, высказывая при этом различные благожелания нам. Нашим восторгам не было конца. Мы не отступали ни на одну минуту от отца Иоанна. Один просил себе стакан чая, из которого он только что немного отпил. Другой просил его положить в стакан сахара, третий благословить стакан. Так почти постоянно поступают все, бывающие вместе с отцом Иоанном. Угощая нас, отец Иоанн просил нас не стесняться и кушать все предложенное нам радушными гостеприимными хозяевами. При этом он высказал весьма замечательный взгляд на пищу. “Многие, – говорил он, – гордятся хорошей трапезой, столом и, кушая богатые яства, как бы священнодействуют. Пища для них является каким-то божеством, перед которым они преклоняются, которому они служат. Но что выше: человек или пища? Конечно, человек. Все истлеет, все уничтожится, только останется существовать один человек. Поэтому мы должны не благоговеть перед пищей, какова бы она ни была по качеству, а смотреть на нее как бы свысока. Вкушая самые лучшие произведения природы, мы делаем им честь тем, что воспринимаем их в себя”. При таком взгляде на пищу человек уже не будет служить и поклоняться рабски ей. И действительно, при таком взгляде на пищу центр тяжести совершенно перемещается. Пища будет у ног человека, какую бы роскошью ни отличалась она.

Мы завалили отца Иоанна накупленными карточками, прося подписать их нам на память. Жалко нам было отца Иоанна, потому что ему приходилось очень много писать. Но, с другой стороны, каждому из нас хотелось привезти карточки своим родным и знакомым с его собственноручной подписью. В это время отцом Иоанном, по моей просьбе, был

подписан большой портрет, предназначенный одному профессору нашей Академии, которого я особо глубоко чтил и уважал. Конечно, этот портрет я доставил по назначению.

Удовлетворив добрую половину наших просьб, отец Иоанн оставил нас, чтобы самому идти к народу, который там, на улице, терпеливо ждал его. Мы почти вслед за ним отправились на нашу квартиру, где он обещался посетить и нас. Когда мы пришли на свою квартиру, то все комнаты уже были полны народом. Собравшиеся были в напряженном состоянии. И понятно – почему. Скоро они будут говорить “усты к устам” с ним. Скоро они будут прикасаться к его одежде, слышать его голос, обращенный к тому или другому в частности, определяющий личное горе каждого человека. Никто из них не видал еще так близко дорогого батюшку, как скоро они должны были увидеть его. Такая близость как-то невольно наэлектризовывала всех. У ворот нашего дома стояла большая толпа, которую полицейские не пускали во двор. Иначе произошла бы страшная давка и никто бы ничего не увидел и ни о чем не успел бы спросить доброго батюшку. Нам недолго пришлось ждать дорогого батюшку. Раздалось знакомое “едет”, и мы все бросились снова встречать отца Иоанна. Подхватили его с коляски под руки, стали протискиваться вместе с ним через толпу. Видя наше усердие, отец Иоанн улыбался и, шутя добродушно, говорил:

– Тесными вратами и узким путем приходится входить к вам.

Началась снова беседа; посыпались опять вопрос за вопросом. Каждый спешил спросить, о чем не успел спросить отца Иоанна в фотографии. Отец Иоанн по-прежнему охотно отвечал нам всем. Мы показали ему в это время письмо одного нашего знакомого, зараженного духом штундизма и толстовства. Будучи искренним человеком, он горячо просил у отца Иоанна разрешения своих недоумений. Отец Иоанн начал читать вслух все это длинное послание. В нем говорилось о бездушности нашего богослужения, о его отрешенности и отъединенности от действительности жизни, о необходимости реформировать всю нашу жизнь, при близить ее к жизни сектантов, отличающейся строгостью нравов, богатством, благими начинаниями и многими другими светлыми сторонами. Много было при этом высказано отцом Иоанном замечательного и достойного внимания. Много глубоких, жизненных и весьма правдивых замечаний. Он говорил о великом значении нашего богослужения, того самого богослужения, которое юный скептик так старательно отрицал, о значении великом, беспримерном христианского храма...

Далее отец Иоанн говорил нам о только что совершенном им богослужении, о той необыкновенной радости, какой оно наполняет душу священнослужителя, о той мощи, какую оно дает всякому молящемуся. Заходила речь о массах народа, бывшего ныне в храме, и о возможном здесь влиянии на него пастырей, о неподозреваемой многими великой силе пастырства, с которой не может сравниться никакая другая сила в мире. Говорил об условиях пастырства и подвига в настоящее время. “Жизнь не худа и теперь. Условия жизни одни и те же, и люди одни и те же, что были раньше; только надо нам трудиться и нести тот же подвиг, какой несли первохристиане. И в далеком будущем жизнь нисколько не изменится. Трудники и деятели всегда возможны и всегда будут всеми приветствуемы. Говорю опять, только нужно трудиться и работать над собой день и ночь. Царство Божие на земле, внутри нас, а не где-то там, в далеких пространствах солнц и созвездий, не на каких-то таинственных, нам неведомых островах”.

Отец Иоанн дал ответы и на все другие недоумения, какие высказывал в своем письме к нему наш юный совопросник. Ответы поражали нас ясностью, жизненностью и правдивостью. Мы все восторгались ими. И нельзя было не удивляться, когда с поразительной простотой и легкостью разрешались все коллизии, по-видимому, неразрешимые, устранялись и разбивались в прах все силлогизмы, по-видимому, самые несокрушимые. В каждом слове его слышалась поразительно глубокая вера: мы слушали “не препретельные слова”, а видели “явление духа и силы”. Такое слово невольно, как-то мистически увлекает слушателей и настраивает их на новый тон. Люди, владеющие подобным словом, – вожди народа и полновластные владыки душ и сердец человеческих!..

В то время, как мы говорили с отцом Иоанном, радушная и гостеприимная хозяйка приготовила небольшую трапезу и просила отца Иоанна благословить ее. Как ни торопился

отец Иоанн, однако согласился еще несколько минут провести вместе с нами. Как и у П. П. Шаумана, он ласково угощал всех нас дарами своих почитательниц. На столе оказалась одна рюмка, а нас было много. Батюшка скоро вышел из этого затруднения.

– Господа, у нас с вами одна жизненная чаша: и на столе стоит одна чаша. Давайте и выпьем из одной чаши, – сказал он.

Налил себе рюмку, отпил из нее немного и начал по очереди нас угощать тем, что там оставалось, наливая рюмку снова, когда в ней оставалось уже очень мало. Подходя к каждому из нас, он говорил что-либо милое, сердечное, ласковое, доброе. К некоторым из нас подходил два раза, к другим – три. Ко мне подходил два раза. Как все было здесь просто, мило, сердечно и любезно. Потом отец Иоанн разрезал сам белый хлеб и начал угощать им всех нас по очереди. Слышались благословения, благожелания. То одна голова, то другая голова юнцов исчезала в объятиях дорогого батюшки. Некоторых он целовал в лоб, в голову. Как хорошо нам было тогда. У нас у всех была не только как бы одна душа, но и как бы одно тело. Никому из нас не хотелось, чтобы эти минуты прекращались хоть когда-нибудь. Но отца Иоанна давно уже поджидали в соседних комнатах. Мы отняли у него немало драгоценного времени. Как ни приятно было нам, а пора было и прощаться с нами. Благословив еще раз нас, отец Иоанн вышел от нас в соседнюю комнату. Растроганный до глубины души всем, что только что видел, слышал, ощутил своим сердцем, я вышел во двор. Был прекраснейший солнечный день. Воздух обильно напоен свежестью всюду кругом распускающейся зелени. Было как-то необыкновенно мягко, тепло. За воротами, которые были заперты, раздавались голоса людей, поджидавших батюшку. Когда я стоял в глубокой задумчивости, перебирая в своей памяти все виденное мной, недалеко от меня что-то промелькнуло в воздухе. Это что-то так быстро пронеслось мимо меня, что я не успел даже ясно различить его очертаний. Я пошел к тому месту, где вслед за этим аэролитом послышался глухой звук от падения этого “чего-то” на сырую землю. Что же оказалось? Когда я подходил к тому месту, то увидел поднимающегося с земли паломника с котомкой за плечами, обутого в лапти. Бедному так хотелось проникнуть в огражденный двор, что он, не имея возможности проникнуть в него вратами, решил “прелазить инуде”. Забрался на дерево, с него хотел перебраться через забор, но как-то оступился и спутешествовал неожиданным способом на землю, успевши только перевернуться в воздухе со своей котомкой. Зато скоро...

Отец Иоанн уже выходил из нашего дома, окруженный народом и залитый весь солнечным светом. Лицо его казалось озабоченным, взор устремлен куда-то вдаль. Он как бы не видел толпы. Все теснились к нему, ловили его руки, хватили его за полы рясы, в несколько голосов спрашивали его, другие о чем-то горячо молили. Все это обычные сцены там, где появляется отец Иоанн. Батюшка не только благословлял и подавал духовную милостыню бедным страдальцам и мученикам жизни, но и многих наделял щедро вещественной милостыней. Наконец, мы усадили дорогого батюшку. Распахнулись ворота, сильная резвая лошадь быстро покатила пролетку. Мы долго провожали глазами дорогого гостя. За ним бежала пестрая толпа, окружая его коляску со всех сторон. Словно это была какая особая почетная стража. От быстрого бега у бежавших болтались за плечами сумки, слетали шапки, платки, трепались волосы. Сначала многие ничуть не отставали от лошади, окружая попрежнему коляску со всех сторон. Потом толпа начала редеть. Многие стали понемногу отставать и возвращаться обратно. Но было несколько таких скороходов, которые не отставали от лошади ни на один вертток. Отец Иоанн скрылся от нас, окруженный этими своими хотя уже немногими, но весьма усердными спутниками.

Говорят, что такое усердие до слез трогает отца Иоанна и он иногда останавливается среди дороги, чтобы обласкать бегущих за ним. Мне казалось сначала очень жестоким со стороны отца Иоанна не обращать внимания на столь усердствующую толпу и не идти на встречу ее горячим желанием. Но потом я понял, что только одна глубокая любовь к людям вынуждает его так поступать в эти минуты. Если бы он стал останавливаться везде и всюду, то и сотой части не посетил бы тех больных и несчастных, которые везде ожидают его, не успел бы хотя бы по два, по три слова сказать тысячам людей, пришедших к нему отовсюду.

Мне вспомнился в эти минуты невольно один рассказ. Один светский человек говорил одному архипастырю, что апостолы ходили пешком, а нынешние архипастыри ездят на четверне в каретах. Архипастырь остроумно заметил своему собеседнику, что тогда паства сама бежала за пастырями, а теперь ее и на четверне не догонишь. За отцом Иоанном и теперь, далеко не в первохристианские времена, следует столько народа, что он принужден бывает даже бежать от толпы на самой быстрой лошади, чтобы не быть ею взятым совершенно в плен.

Многие и из посторонних, – слышал я, – ставят отцу Иоанну в вину его популярность. Но вот вопрос: ищет ли он ее? Не ищет и не искал. Напротив, он везде и всегда избегает всякого проявления благодарности, прячется от разных депутаций и народных демонстраций. При виде встречающей его тысячной толпы он неоднократно говорил:

– Что мне с ними делать? Научите, куда от них укрыться...

Пробовал отец Иоанн просить своих почитателей с церковной кафедры держать себя скромнее и не устраивать ему триумфов. В редких беседах с представителями печати он просто чуть не умолял их не печатать о случаях исцеления его молитвами и вообще не писать о его деятельности. Наконец, придумывал он разные потаенные входы и выходы, но все напрасно! Чем больше избегал он огласки и популярности, тем больше его преследовали. В конце концов, махнув на все рукой, он сделался совершенно равнодушен ко всему окружающему и не замечает, кажется, что происходит вокруг. Затрут ли его толпой, он будет стоять и ждать, пока кто-нибудь не высвободит его, или сами осаждающие не сделаются снисходительнее. Встречают ли, провожают ли его, он раскланивается, терпеливо все выслушивает и как посторонний свидетель идет далее своей дорогой. За все тридцати пяти лет священнослужения отец Иоанн не только ни разу не вызвал какой-либо демонстрации, но не дал даже малейшего повода заподозрить его в желаний стать предметом демонстративного чествования. Мало того, когда он замечал только желание с чьей-либо стороны эксплуатировать его популярность, он резко и решительно порывал с такими свои отношения.

Куда же так стремительно теперь ехал отец Иоанн?

Многих ждал дневной покой, только не ждал он отца Иоанна. И мало потрудившиеся отдыхали в полдень, только некогда было отдыхать отцу Иоанну. Его с нетерпением ждали приехавшие издалека и остановившиеся в Доме Трудолюбия, на частных квартирах, в гостиницах. А приезжающих иногда бывает так много, что они ютятся даже на чердаках, сеновалах, паперти собора. Никакие квартиры не могут всех их вместить. Всех нужно было посетить, всем сказать слово ласки, утешения, ободрения, оказать помощь материальную и, может быть, другую, более важную и иногда более нужную и ценную... А вечером, не заходя домой, он должен был ехать в Петербург, где его многие также ожидали, и там нужны были и его молитва, и его помощь, и его слово ласки, ободрения и утешения.

Для переездов отца Иоанна из Кронштадта в Петербург и обратно существует даже особый пароход купца П. А. Мотина “Любезный”, отданный во всецелое распоряжение батюшки. Вследствие этого батюшке никогда не приходится терять напрасно времени в ожидании пароходов, отходящих с пристани лишь в определенные часы и минуты. Тот же купец зимой возит его до берега по льду на санях с необыкновенной быстротой. На машине отец Иоанн едет большей частью с курьерскими поездами. Весьма часто для него снаряжается даже особый отдельный поезд. Но, несмотря и на эти исключительно счастливые обстоятельства, дающие ему возможность необыкновенно быстро переключиваться с одного места на другое, отец Иоанн успевает понемногу – и то далеко не везде и всюду – побывать.

Так проходит день отца Иоанна. С раннего утра и до самой поздней ночи он все на людях и на ногах. Жизнь отца Иоанна не делится на общественную и частную, как у всех вообще людей. У него нет частной, *своей* жизни. Он весь и всецело принадлежит народу. Генерал, инженер, ученый, оратор, министр, возвратившись домой, перестает быть генералом, ученым, оратором, министром. Каждый из них в это время отдается семье, знакомым, невинным развлечениям, часам отдыха. У отца Иоанна этого не случалось,

говорят, в течение тридцати пяти лет ни разу. Возвращаясь домой после продолжительного и утомительного труда, он находит у себя множество народа, желающего его видеть, десятки новых неотложных приглашений, сотни писем и просьб.

У каждого из нас, имеющих свой уголок и домашний очаг, есть определенный час для подкрепления себя пищей. Имеет ли такое время отец Иоанн?— спрашивал я некоторых в Кронштадте. Говорят, завтракать или обедать он попадает домой в году всего, может быть, несколько раз. Где же он обедает? Везде и нигде, всегда и, можно сказать, никогда. По причине множества посетителей он никогда не может назначить часа посещения и никогда почти не может попасть ни на какую вечерю. Поэтому ему приходится терпеливо довольствоваться малым. Там съест что-либо из фруктов, здесь выпьет стакан чая, тут скушает кусок булки или несколько штук печений. Нередко случается, что в течение целого дня ему не приходится подкрепиться надлежащим образом. Но он и не ищет этого, довольствуясь вполне тем немногим, что Бог пошлет ему там или здесь во время дня.

Удивительно мало и спит отец Иоанн. Далеко даже не всегда три-четыре часа глубокой ночи в сутки всецело принадлежат отцу Иоанну. Весьма часто он проводит их в вагоне железной дороги, в карете, а иногда и совершенно не спит. Какой гигантский труд! И этот труд ему приходится нести не в течение какого-либо одного дня или нескольких дней, а в течение целых месяцев, годов, десятилетий. Невольно мне вспомнились в эти минуты наши постоянные жалобы на нервы, недосыпание, недоедание, на пресловутое переутомление. Если бы каждый из нас так трудился, как трудится отец Иоанн, я не знаю, что было бы с нами и каких бы историй еще не выдумали бы мы в свое оправдание и извинение. Может быть, некоторые от одного представления такого труда не выдержали и заболели бы. Говорят немало о чудесах отца Иоанна. Я их не видел своими глазами, но рассказам о них вполне верю. По моему глубокому убеждению, уже одна эта многотрудная жизнь отца Иоанна сама по себе представляет собой величайшее чудо. Только человек благодатный может выносить в течение стольких лет такую массу непрерывного труда, напряжения, столь много всевозможных лишений. О, если бы нам в течение всей своей жизни сделать хотя бы сотую часть того, что делает отец Иоанн без всякого, по-видимому, труда и усилий. О, как мы были бы счастливы тогда!

Иван Щеглов

У отца Иоанна Кронштадтского

I

Мне хочется рассказать вам о моей поездке с наимельчайшими подробностями, потому что когда в центре стоит такая необыкновенная личность, как протоиерей кронштадтского Андреевского собора Иоанн Сергиев, то невольным образом все то, что до нее касается, приобретает значительность.

Поездка моя в Кронштадт совпала с 28 августа, то есть с кануном празднования дня “Усекновения главы Иоанна Предтечи”. В три часа пополудни я отбыл на пароходе из Петербурга, в четыре часа тридцать минут был уже в Кронштадте и почти в то же время, на другой день, возвращался обратно. Но впечатления, вынесенные мной за этот незначительный промежуток, оказались до того новы, сильны и разнообразны, что только лишь спустя почти полгода мне удалось разобраться в них с должной добросовестностью.

II

На Кронштадтской пристани, среди путаницы подъезжавших и отъезжавших дрожек, благодушно дремали два пузатых дилижанса, вроде наших, так называемых, “кукушек”, которые ходят на Петербургскую Сторону и к Покрову. Одна из этих “кукушек” направлялась к Андреевскому собору, то есть месту служения отца Иоанна и, следовательно, к конечной цели моего путешествия. Я уже был предупрежден, что на самой Соборной площади прибытие дилижанса всегда поджидается содержательницами временных

меблированных убежищ, которых здесь не один десяток и которые, разумеется, существуют исключительно именем отца Иоанна.

В “кукушке” мне не без труда отыскалось одно место, и через какие-нибудь четверть часа дилижанс остановился на Соборной площади. Выглянув на свет Божий, я увидел пять-шесть женщин в темных платках, суетливо высматривавших постояльцев между вылезавшими пассажирами. Более других внушила мне доверие одна небольшая сухошавая женщина, вся в черном и с черным платком на голове, издали совсем похожая на монашку. Она улыбалась так умильно, почтительно и с такой трогательной ласковостью убеждала меня не сомневаться в людях и остановиться в соседнем переулке у Матрены Марковны Снегиревой, что я вручил ей свой дорожный сак и покорно последовал по адресу.

Жилище госпожи Снегиревой находилось в двух шагах от Андреевского собора; отведенная мне комнатка отличалась уютностью и чистотой, и вдобавок из ее единственного окна – напротив, в угловом двухэтажном доме, можно было разглядеть вверху два занавешенных оконца, отмечавших собой скромную квартиру отца Иоанна.

Отведенная мне комнатка – узенькая, в одно окно, загроможденная с одной стороны складной кроватью, а с другой расписным сундуком – напоминала собой не то монашескую келью, не то старокупеческую молельню: в углах, на стенах, в простенках – образа, образки, картины религиозного содержания, фотографии отца Иоанна и портреты разных духовных лиц. Образами занят был весь угол по левую сторону окна, образами же изукрашен был и весь правый.

Напившись чаю, я отправился в прославленный Андреевский собор. Всенощная шла своим обычным порядком: певчие пели исправно, священник служил благолепно, а дьякон сохранял редкое чувство меры при своих обширных голосовых средствах; но народу в храме было мало, и в воздухе невольно чувствовалось какое-то напряженно-чинное, будничное настроение. Даже самый храм, как мне казалось, в отсутствии своего вдохновенного пастыря, смотрел сиротливым и как бы покинутым.

По окончании службы я направился обратно к своему “монастырику” и, проходя через кухню, обратился с просьбой к хозяйке и Феодосии Минаевне (это она встретила меня на пристани), усердно хлопотавшим около плиты, дать мне чего-нибудь поужинать. Моя просьба почему-то привела обеих женщин в крайнее замешательство, и в очень туманных словах, сопровождаемых постоянными извинениями, они дали мне понять, что плотно ужинать перед завтрашним днем будет не совсем удобно, так как батюшка иногда в конце обедни, ежели много приезжих, предлагает желающим “соединиться с Богом”, то есть делает общую исповедь и затем причащает Святых Тайн.

Я удовольствовался на ночь порцией холодного чаю и ломтем ситника.

На окне я отыскал не известную мне дотоле книжицу “Описание празднования тридцатипятилетнего юбилея отца Иоанна” – описание трогательное и поучительное, и погрузился в чтение, изредка прислушиваясь к женским голосам за дверью соседней комнаты.

Было уже довольно поздно, и, дочитывая последнюю страничку книги, я уже помышлял отправиться на боковую, когда мои соседки вдруг затянули дружным хором какую-то песню. Сначала, признаться, я был озадачен таким обстоятельством, но, вслушавшись внимательно в слова песни, я сделал совсем неожиданное и трогательное открытие: оказалось, что распеваемая песня была не что иное, как вольное переложение на голоса стихотворения, написанного ко дню юбилея отца Иоанна одним кронштадтским нищим ночлежником и помещенного как раз в юбилейном сборнике, только что мной пересмотренном. Стихотворение представителя кронштадтских нищих, отличавшееся крайней наивностью формы, но вылившееся от искреннего сердца, нашло, очевидно, отзвук в родственных ему сердцах простого люда.

До сих пор раздается в моих ушах это стройное песнопение, умиленно оглашавшее ночную тишину...

III

К моему стыду и огорчению, я проспал. Было уже четверть пятого, когда я наконец очнулся на усиленный стук. В комнате царствовал еще полумрак, но со двора уже доносились строгим упреком глухие удары соборного колокола, за дверью же меня давно поджидала совсем готовая в путь Феодосия Минаевна.

Я быстро оделся и безропотно, ежась от утреннего холода, последовал за моей обязательной руководительницей, знавшей какие-то тайные способы для проникновения на самое передовое место в церкви. Но, на полпути от собора, она встретилась с какой-то кумушкой в вязаном платке, о чем-то тревожно с той пошептала и вдруг круто свернула в переулок направо. Оказалось, что отец Иоанн на этот раз служил обедню в думской церкви, где сегодня был “придел”. Пришлось спешить к Думе. По полутемным кронштадтским улицам, мимо сонных домов со спящими дворниками и затворенными ставнями торопливо двигались со всех концов туда же кучки народа. Промешкай мы пять минут – и нам пришлось бы вернуться: думская церковь была уже набита битком. Феодосия Минаевна взволнованно шепнула мне на ухо, что батюшка уже служит, одновременно мигнув мне выразительно на свободный проход справа, около решетки. Я сунул ей наскоро бывшее у меня в кармане поминанье, с величайшим трудом протискался вперед, на указанное место... и увидел наконец отца Иоанна... Он стоял в правом приделе, впереди певчих, спиной к молящимся, перед повитой цветами иконой, и, порывисто осеняя себя крестным знаменем, возглашал канон Иоанну Предтече.

Я намеренно пишу “возглашал”, а не “читал”, потому что молитва отца Иоанна очень мало имела общего с обычным чтением большинства священников... Громко, резко и нервно, как бы отрывая каждое слово от своего сердца, произносит он молитву, и от этих звуков, наполняющих сдержанную тишину многолюдного храма, веет действительно чем-то святым и высшим. Всеми и каждым властно чувствуется, что тут не простое чтение перед чтимой иконой, а как бы живая беседа с Существом видимым и сущим.

“Святой великий Иоанне, Предтече Господень, моли Бога о нас!” – прерывает клир его последние слова, и я напрягаю весь мой слух, чтобы разобрать последующие.

“Крестителю и Предтече Христов!” – раздается вновь знакомый, проникновенный голос. – “Погружаемый всегда страстями телесными, ум мой управи и волны страстей укроти, яко да в тишине божественной быв, песнословлю Тя!”

О, это “песнословлю Тя!”. Ежели б я был в силах передать, как оно было произнесено!.. Я уверен, что от этого пламенного возгласа дрогнуло в храме не одно сердце.

Но вот канон прочитан, утренняя кончена, и отец Иоанн оборачивается лицом к народу для благословения.

Да неужели же это отец Иоанн? Я вижу перед собой обыкновеннейшего сельского священника, среднего роста и ходощавого, с кроткими детски-светлыми глазами, русой бородой и некрасивой чисто-дьячковской косичкой, выбившейся на затылке поверх ворота рясы.

Вот отец Иоанн удаляется в алтарь начинается обедня, а я все не могу отделаться от странного, двойственного впечатления, произведенного им.

В середине обедни, во время чтения Евангелия, в окно храма выглянуло солнце, и один из косых лучей его залил светом всю внутренность небольшого алтаря. Отец Иоанн, стоявший по правую сторону престола и ярко освещенный до пояса, выступал как в раме, и вся его фигура тогда – с благоговейно сосредоточенными чертами лица, молитвенно скрещенными на груди руками, в сверкании священнического облачения – запечатлена была какой-то непередаваемой, прямо неземной светозарностью. Нет, такие минуты можно только отметить и унести в сердце на всю жизнь, но перо для описания их обидно-беспомощно.

К концу обедни выяснилось, что “общей исповеди” не будет; тем не менее в причастниках и причастницах недостатка не было, и в особенности поражало обилие баб в платках и повойниках, с младенцами на руках. Этих платков и повойников уже при начале “херувимской” потянулась целая вереница, терпеливо и настойчиво пролагавшая путь к амвону... К моему удивлению, обряд причащения маленьких именинников и рожденниц

прошел в тишине, без обычного в таких случаях рева и визга. Но маленьких причастников и причастниц оказалось такое множество, что я подумал: “Господи, да ведь этому же конца никогда не будет!” Однако отец Иоанн вскоре удалился в алтарь, а причащение продолжил молодой священник. Почти одновременно с удалением батюшки в алтарь, мимо меня протиснулся вперед церковный сторож с подносом, на котором высилась целая гора телеграмм и писем.

Наконец в начале уже десятого часа обедня кончилась; но народ не только не думал расходиться, но еще теснее и упорнее сплотился на своих местах, нетерпеливо поджидая выхода батюшки. Прошло добрых три четверти часа. Изредка алтарная дверь приотворялась, и мельком можно было видеть отца Иоанна, сидящего в кресле у окна, то углубленного в чтение присланных телеграмм, то исповедующего кого-нибудь, то отдающего приказания своему помощнику, молодому белокурому псаломщику, который то входил в алтарь за новыми распоряжениями, то выходил к теснившейся у церковной решетки толпе, осаждавшей его разными просьбами и вопросами. Перед самым амвоном, где служил отец Иоанн, был отгорожен особой решеткой небольшой свободный проход, охраняемый у выхода двумя церковными сторожами. Я стоял сбоку у решетки и не без зависти наблюдал счастливых, тем или иным способом протиснувшихся в заветное ограждение.

Меня тоже начало подмывать проникнуть как-нибудь в заветную решетку, чтобы разглядеть поближе отца Иоанна, когда вдруг вся огромная толпа, переполнявшая церковь, колыхнулась, как один человек, и электрической искрой пробежал по рядам радостный шепот.

– Батюшка!.. Батюшка!..

Действительно, одна из боковых алтарных дверей приотворилась, и на пороге показался отец Иоанн.

Что тут произошло, я отказываюсь воспроизвести!

Лишь только он показался, вся толпа неудержимой волной, тесня и давя друг друга, хлынула в его сторону, а стоявшие за решеткой вмиг очутились на самом амвоне и чуть не сбили его с ног. При содействии псаломщика и двух сторожей отец Иоанн быстро перебрался к левому приделу и сделал шаг вперед, чтобы пройти с этой стороны. Не тут-то было... В одно мгновение та же толпа, точно подтолкнутая какой-то стихийной силой, стремительно шарахнулась влево и, простирая вперед руки, перебивая друг друга, крича и плача, скучилась у церковной решетки, преграждая путь батюшке. О чем кричали, о чем молили, – ничего нельзя было разобрать, мольбы и крики сливались в неясный, оглушительный и растерянный вопль. Отец Иоанн, затиснутый в угол, стоял, покорно прижавшись к стенке, и на утомленном лице его отпечатывалась – не то мучительная тоска, не то бесконечная горечь при виде этой исступленно мятущейся у его ног толпы.

Двое городских, находившиеся возле сторожа, и несколько человек из купцов стали по обе стороны пути и, протянув по всей линии толстую веревку, образовали нечто вроде живой шпалеры, с виду очень стойкой и внушительной. Но лишь только отец Иоанн двинулся вперед, веревка с треском лопнула, купцы и городские в один миг были отброшены в противоположный конец храма, и толпа, смешавшись и сшибая друг друга с ног, окружила отца Иоанна плотной непроницаемой стеной. Теперь отец Иоанн вдруг как бы исчез, и некоторое время его вовсе не было видно. Потом вдруг вся эта волнуемая и вопящая стена колыхнулась в сторону, и я увидел отца Иоанна – смертельно-бледного, сосредоточенно-печального, медленно, шаг за шагом, как в безжалостных тисках, подвигающегося вперед, с видимым трудом высвобождающего свою руку для благословения. И чем ближе он подвигался к выходу, тем толпа становилась настойчивее, беспощаднее и крикливее... У меня просто захватило дух от этого зрелища, и я невольно полужакрыл глаза.

Когда я их открыл, отца Иоанна уже не было в храме, и самый храм теперь совсем обезлюдел. Только в углу перед “кануном” молилась на коленях какая-то богобоязненная старушка, да старик сторож сумрачно подметал пол, на котором валялись обрывки веревок, дамские нитяные перчатки, клочок вязаной косынки и другие следы недавнего урагана.

Мои глаза встретились с сочувственным взглядом старика.

– Господи, что же это такое?! Неужто же это у вас так всегда?

Сторож сокрушенно вздохнул.

– Эх, милый барин, ежели бы так всегда... А то вот ономеднясь, под Успенье, нашло народу – так как есть сшибли с ног батюшку.

– То есть как это “сшибли”?

– А так, сронили вовсе наземь и пошли по ём, как по мураве.

– Ну а он что?

– Известно, агнец Божий, – встал, перекрестился и хоть бы словечко.

Старик только рукой махнул и стал подметать.

Признаюсь, я вышел совершенно подавленный всем случившимся.

Но на улице я уже не застал отца Иоанна, что ясно показывало, что он на сегодня благополучно выбрался к себе домой. Народ спокойно расходился по разным направлениям, и только у подъезда шумела кучка нищих, очевидно, делившая батюшкину лепту. Тут же поджидала меня и Феодосия Минаевна с узелочком в руках и явной тревогой в лице.

Она предупредила меня, что надо скорее спешить домой, потому что батюшка, наверное, будут сегодня объезжать “убежища”, и что надо быть каждую минуту наготове, потому что никто не знает, к кому он заедет раньше. Мы отправились беглым маршем домой.

IV

Квартира, в ожидании приезда отца Иоанна, приняла совсем праздничный вид. Все комнаты были вымыты, вычищены и прибраны. Вокруг все сияло: сияли оклады икон, сияла своей белизной скатерть молебного столика, сияли медные ручки у дверей, даже стоявший на моем окне погнутый оловянный подсвечник сиял на солнце. Но самое главное сияние было, разумеется, на лицах паломников и паломниц, собравшихся в соседней с моей каморкой просторной горнице. (Благодаря отдельному помещению, я отвоёвал себе привилегию на отдельный молебен с тайной надеждой побеседовать с отцом Иоанном хотя бы пять минут с глазу на глаз, тогда как мои соседи рассчитывали на общую молитву.)

Паломницы были разодеты по-праздничному – в ярких платках и пестрых ситцах. Мужчин было всего человек шесть: один купец, один солдат, двое мастеровых, какой-то осунувшийся человек с синим подбородком, по-видимому, провинциальный актер, и наконец некий чиновник неизвестного мне ведомства с сыном-подростком в гимназическом мундирчике.

В ожидании отца Иоанна я прохаживался из своей комнаты в коридор и обратно, выходил на просторный дворик, прилегавший к флигелю, и даже за ворота – и каждый раз дивился на феноменальную подвижность Феодосии Минаевны: то она стояла посреди улицы и, как-то по-казачьи закрывшись от солнца, всматривалась вдаль – не видать ли дрожек с отцом Иоанном; то вдруг совсем неуловимо исчезала в соседний переулок, затем вылетала оттуда сломя голову в ворота и на крыльцо и, приставив руку к губам на манер трубы, голосила: “Проехал к Мешковым!” или: “Молебствует у Глушковых!” А то другой раз раздавался со двора ее пронзительный крик: “Едет! Едет!” – и все бросались, толкаясь к окнам, и видели, как пролетка с отцом Иоанном и псаломщиком промелькивала мимо, может быть, в другой конец города. При каждом крике я выбегал во двор и неизменно находил у ворот Феодосию Минаевну в трагической позе, со съехавшим на сторону платком, слезливо шепчущую:

– Что же это? Опять мимо! Опять!..

Таких ложных тревог было целых пять. Каждый раз, проходя по коридору, я наталкивался на живописную группу: у большой помойной кадки, покрытой доской и превращенной в письменный стол, сидел вихрастый молодой человек в вылинявшем с продранными локтями пиджаке и, поминутно ероша свои волосы, усиленно водил пером по листу белой бумаги; по бокам вихрастого человека стояли неподвижно две дюжие бабы, обе держали в руках по пятаку и с каким-то умиленным вниманием следили глазами за

выводимыми строками. Молодой человек оказался писарьком, переписывающим для желающих стихи об отце Иоанне и при случае даже сочиняющим; бабы были родные сестры, обе из дальних губерний, а пятаки были приготовлены, как вознаграждение за поэтический труд. На этот раз стихотворение принадлежало самому писарьку и если не отличалось особенной гармонией рифм, то было написано искренно и, главное, выражало, по словам баб, “те самые чувства, на которых у *все* закрепились”. В заголовке стояло:

Дорогому Батюшке, отцу Иоанну (Кронштадтскому).

В день Ангела, 19 октября 1890 г. Смирнейшее приношение.

Так как само стихотворение довольно длинно и многословно, то ограничиваюсь выпиской лишь его начальных строк:

*Наш добрый пастырь Иоанн,
Ревнитель Божия закона!
К тебе народ из разных стран
Спешит молиться у амвона.*

Излишне, говорить, что поэт был польщен, когда я попросил его переписать это стихотворение и для меня, выдав ему двойной гонорар. Между прочим, из его слов я понял, что не он один занимается сочинением таких стихов, посвященных отцу Иоанну, и что существует довольно обширная литература, в большей части своей перекочевывающая с богомольцами и богомолками в самые отдаленные города и деревни.

Пока поэт усердно строчил для меня второй экземпляр своего стихотворения, я, ожидая, уселся неподалеку, как в горницу влетела Феодосия Минаевна и радостно закричала: – *Приехал!*

В один миг все присутствующие повскакали со своих мест и стали метаться по комнате, бледные и потерянные. Но, увы! Отец Иоанн действительно приехал, но прошел наверх, в соседнее убежище, к какой-то приезжей больной даме.

Волнение улеглось. Хозяйка квартиры быстро вошла в мою комнату, захлопнула обе половинки двери, выйдя в общую горницу, и забаррикадировала их стулом. Затем она наклонилась к самому моему уху и таинственно мне шепнула:

– Батюшка беспрерывно к вам первым взойдет... Так ежели вы имеете к нему какое особое дело, я могу предупредить его.

Я поблагодарил ее и пояснил, что о своем деле предполагаю рассказать отцу Иоанну наедине. Хозяйка ничуть не сконфузилась и деловито заметила:

– Нет, ведь это я к тому, что другой потеряется с непривычки и не сможет набрать нужных слов, а ведь батюшке, сами понимаете, некогда! Ну, да Бог милостив, все обойдется благополучно! – вздохнула она и, уходя, как бы про себя добавила: – Вот помяните мое слово, к вам первым взойдет!

И сильно захлопнула за собой дверь, в которую с минуты на минуту мог войти отец Иоанн...

Я взглянул на часы: стрелка показывала половину третьего...

Я пощупал свое сердце: оно билось усиленно и радостно-тревожно...

Прошло еще десять томительных минут, показавшихся мне целой вечностью, – и вдруг в коридоре послышался какой-то глухой шум, чей-то пронзительный вопль, неистовые крики: “Батюшка, спаси!.. Батюшка, благослови!..” – и дверь в мою каморку распахнулась...

Вошел отец Иоанн.

Как сейчас помню, он вошел очень стремительно, молодой и спешной походкой, с горящим пронизывающим взглядом, с ярким румянцем в нервно-вздрагивавших щеках, с разметавшейся по затылку русской пряды... В его фигуре, в его движениях, в первом звуке его голоса чувствовалась какая-то непередаваемо-чудесная вдохновенность. Передо мной предстал совсем новый отец Иоанн, чем тот, которого я наблюдал всего несколько часов тому назад в думской церкви, – и в этот один неуловимый ошеломляющий миг я вдруг понял его всего, во всем его величии, как никогда, быть может, мне не случилось бы его понять в другие, более спокойные минуты...

Не знаю отчего, но мне ужасно обидно, что я не помню, какого цвета тогда была на нем ряса и какие кресты украшали грудь... Да, я ничего этого не помню, потому что всецело охвачен был лишь одним: *как* он вошел, *как* взглянул и как вслед за тем около меня раздался властный и отечески-проникновенный голос:

– Ну, говорите, что вам нужно?..

Разумеется, я сказал, что мне было нужно, разумеется, отец Иоанн прочел молитву и беседовал... и, разумеется, об интимных подробностях всего этого благосклонный читатель позволит мне умолчать. Думаю, будет вполне достаточно, ежели я скажу, что был совершенно подавлен и уничтожен великим сердцеведением кронштадтского пастыря!.. Да, этот человек, только что вошедший и первый раз в жизни меня видевший, через какие-нибудь пять минут говорил со мной так, как будто жил под одной со мной кровлей добрый десяток лет... И вдобавок, *каким* голосом говорил! От которого сердце детски раскрывалось и размягчалось, как воск, и невольные слезы сдавливали горло и мешали вырваться в словах накипевшей признательности.

В заключение своего краткого собеседования отец Иоанн крепко поцеловал меня в лоб и промолвил:

– Спасибо за доверие, голубчик!.. За доверие спасибо!..

Забывать ли мне когда-нибудь несравненную, умиляющую ласковость, с которой были произнесены эти слова? Это тончайшее, неизгладимейшее впечатление моей жизни, и оно может умереть только вместе со мной!..

Бедные мои соседи! Как они, должно быть, истомились во время моего собеседования с батюшкой, хотя, в общем, оно не превышало и двадцати минут! Что за дверью подслушивали – это было несомненно, то есть, собственно, подслушивали не содержание беседы, которая велась вполголоса, а, очевидно, старались по звукам голосов и движений приблизительно угадать, скоро ли она окончится. Когда отец Иоанн произнес свое заключительное слово громко и отчетливо, стул, баррикадировавший соседнюю дверь, задвинулся, половинки двери как-то жалобно заскрипели и, вдруг совершенно неожиданно – так, что я едва успел подхватить стул, чтобы он не упал под ноги батюшке, – с шумом распахнулись, и на пороге стеснилась многоголовая разноголосая толпа, жадно следившая за малейшим словом и движением отца Иоанна.

– Батюшка... скоро ли к нам?– вырвался из толпы женский вопль.

Отец Иоанн встал, встряхнул головой и прошел в общую горницу.

Начался молебен.

Но толпа так теперь стеснилась вокруг отца Иоанна, что совершенно его от меня заслонила, и все время молебна мне не пришлось его видеть, а только слышать. Впрочем, я не терял надежды еще раз повидать близко отца Иоанна и, когда молебен окончился и поверх голов молящихся показалась знакомая рука с кропилом и стала кропить вокруг святой водой, я стал протискиваться, чтобы приложиться ко кресту. Как по Евангелию, первые всегда бывают последними, так и я очутился теперь в хвосте богомольцев одним из последних.

Мне едва удалось приложиться ко кресту, потому что бабы, окружавшие отца Иоанна, до того его стиснули со всех сторон, что ему, как тогда в церкви, пришлось отступить в противоположный угол комнаты.

– Ну, зачем так?.. Ну, пустите! – кротко протестовал отец Иоанн.

Но ничего не помогало, и давка только усиливалась: одна баба пихала ему какие-то письма “из губернии, от болящих сродственников”; другая – рублевую бумажку на помин души какого-то Кондратия, вероятно, покойного мужа; третья, по видимости торговка, для чего-то совала целый узел с яблоками и тому подобное. Словом, без нашей хозяйки отцу Иоанну пришлось бы совсем плохо. Бесцеремонно расталкивая верующих баб и ласкательно приговаривая: “Милые, так нельзя! Так даже совсем невозможно!.. Дайте батюшке передохнуть! Дайте дорогому хоть чашечку чаю выкушать!” – она протискалась к батюшке, осторожно взяла его под локоть и провела до чайного стола. Псаломщик тем временем отбирал от баб письма и деньги и расспрашивал у каждой, в чем дело. Наконец, не без

некоторой опасности, пронесен был над головами богомольцев кипящий самовар – и чай налит. Но не тут-то было. Едва отец Иоанн поднес чашку к своим губам, толпа, охваченная новым порывом, шарахнулась в его сторону и чуть не опрокинула чайный стол. Отец Иоанн тотчас же поставил чашку обратно, мигнул псаломщику и стремительно направился к выходу.

Разумеется, толпа бросилась за ним следом, через кухню и коридор на луговину двора, где у ворот дожидались отца Иоанна одноконные дрожки.

Боже мой, кого тут только не было! Весь просторный двор был заполнен людьми, начиная от барынь с плюшевыми ридикюлями и шляпками и кончая кучкой полуголых и испитых бродяг, совершенно свободно прохаживавшихся перед воротами. Эта кучка босовиков среди остальной нарядной толпы оставляла глубокое впечатление. Невольно чувствовалось, что все эти отверженцы мира, едва осмеливающиеся показать на свет Божий свои нищенские лохмотья и прячущиеся в другое время в отдаленных и темных закоулках, здесь, под рукой отца Иоанна, как бы признавали себя равными братьями по Христу, и в их исподлобья сверкавших глазах я улавливал радостную искорку мимолетного торжества.

Нечего говорить, что добраться отцу Иоанну до своего экипажа было не так-то легко. Наскоро благословляя народ, оделяя мелочью протиснувшихся к нему бродяг, отвечая бегло на сыпавшиеся на него со всех сторон просьбы и вопросы, очутился он наконец около дрожек. Молодой псаломщик, сопутствовавший отцу Иоанну, ловким движением подхватил его и усадил в дрожки. В одно мгновение ока он очутился на дрожках сам и, крепко обхватив батюшку в виду волновавшейся вокруг толпы, крикнул кучеру: “Пошел!”

Этот быстрый маневр, однако, не помешал взобраться на дрожки и усесться в самых ногах отца Иоанна какому-то горбатому бродяжке с оторванным воротом и уцепиться сзади, за сиденье дрожек какой-то плачущей бабе в раздувавшейся красной юбке.

Лошадь рванула, толпа отхлынула... и пролетка с отцом Иоанном, молодым псаломщиком, ободраным бродягой и плачущей бабой, повисшей сзади со своей красной юбкой, исчезла из глаз публики.

Отец Иоанн уехал.

Немного очнувшись от наплыва испытанных впечатлений, я осведомился, когда отходит пароход в Петербург. Пароход отходил ровно в четыре; в моем распоряжении оставалось всего полчаса – мешкать было некогда.

Я расплатился с хозяйкой, поблагодарил ее за хлопоты и, собрав свои пожитки, сопутствуемый ее низкими поклонами и великими пожеланиями, вышел из дома. У ворот нагнала меня Феодосия Минаевна и, не без задней мысли, разумеется, вызвалась донести мой саквояж до первого извозчика.

Проходя по совершенно пустынному теперь переулку, я невольно остановил мои глаза на знакомом оконце, принадлежавшем скромной квартирке кронштадтского пастыря.

– Вы не знаете, где теперь отец Иоанн? – любопытствовал я у Феодосии Минаевны.

– А теперича он молебствует в гостинице, у одного приезжего генерала.

– А затем куда он едет?

– А затем отслужит он молебна два-три “у городских” и отъедет на пароходе в Рамбов.

– А из Рамбова – в Петербург?

– А из Рамбова – в Петербург.

– А когда же он вернется обратно?

– Да часу во втором пополуночи, не ранее. А только беспрерывно вернется, потому он служит завтра раннюю обедню в “Трудолюбии”.

– Да полно, Феодосия Минаевна, уж спит ли отец Иоанн?.. Право, что-то не верится!..

Феодосия Минаевна на мой вопрос как-то загадочно усмехнулась.

– Ну, вот уж этого никак нельзя определить... Это как когда придется. У него, знаете, совсем особый сон, как говорят промеж народа, – “сытый сон”. Другой раз сидит со своими мыслями на пароходе, вдруг закинет голову и так с полчаса крепко-накрепко заснет... Да что вы думаете? И тут-то дорогому батюшке не дадут покоя. Зачнут это ходить около и шепчут:

“Батюшка заснул! Батюшка спит!..” А вот как раз и извозчик едет к нам навстречу, – неожиданно заключила Феодосия Минаевна и бросилась вперед торговаться.

Через четверть часа я уже подъезжал к паровой пристани...

Н.Н. Животов

«Строй...»

Начинается рассвет. Спит еще Кронштадт и только “посадская голь” начала вылезать из своих “щелей” – грязных вонючих углов, в низеньких ветхих домишках. – Боже, неужели здесь живут люди, думал я, обходя в первый раз посадские трущобы, точно вросшие в землю. Оказалось, что не только живут, но живут плотнее и скучнее, чем, например, в богадельнях или казармах. Нары понаделаны рядами, а местами еще в два этажа! Голые доски, полутемная нетопленая изба, смрадная, нестерпимо пахучая атмосфера – вот общие признаки посадских “щелей”. Не стану описывать подробнее отвратительную обстановку кронштадтской нищеты, потому что в ней нет ничего исключительного и особенного: такую же обстановку и бедность и если бедность, но непременно антисанитарную грязь можно встретить везде в России и везде, где нищета, там и грязь, где бедность, там и вонь; парадной, “нарядной” нищеты, как, например, в Германии, у нас нет. Хотя чистота в сущности *ничего не стоит*, но у русских она составляет исключительное достоинство богатых...

Только что пробило пять часов утра, как из убогих посадских избушек начали выскакивать фигуры, мужские и женские, в каких-то “маскарадных” костюмах: кто в кацавейке и больших калошах, кто в зипуне с торчащими клоками ваты; на голове остов цилиндра, соломенная в дырах шляпа и тому подобное. Все торопятся, точно по делу бегут...

– Не опоздать бы, не ушел бы...

Только это у всех и на уме, потому что если “опоздать” или “он” ушел – день голодовки и ночлега под открытым небом.

Конечно, этот “он” – отец Иоанн, “отец” и единственный печальник всей кронштадтской подзаборной нищеты... Без него половина “посадских”, вероятно, давно извелась бы от холода и голода.

– Куда же вы так торопитесь? – спросил я одного оборванца, когда первый раз знакомился с “золотой ротой Кронштадта”.

– В “строй”, – отвечал он, – кто опоздает к раздаче – после не получит.

Я пошел тоже за бежавшими...

На дворе было холодно и совсем еще темно; фонарей в этих улицах в Кронштадте нет, так что ходить приходится почти ошупью. Мы прошли несколько улиц, пока на горизонте обрисовался купол Андреевского собора.

– Где “строиться?” – спрашивали золоторотцы друг друга...

– У батюшки, у батюшки... Он сегодня не служит в соборе.

Когда я подошел к дому, в котором живет отец Иоанн, там собралось уже несколько сот оборванцев и народ продолжал стекаться со всех сторон.

– Стройся, стройся, – слышались голоса.

Сотни собравшейся голи начали становиться вдоль забора, начиная от дома отца Иоанна по направлению к “Дому трудолюбия”. На одной стороне становились мужчины, на противоположной панели – женщины. Меньше чем в пять минут образовалась длинная лента из человеческих фигур, примерно в полверсты. Бедняки стояли в три колонны, то есть по три человека в ряд, так что занимали всю панель, женщин было гораздо меньше мужчин.

Все ждали...

Долго я ходил по линии “строя”, всматриваясь в эти изнуренные лица, исхудалые, оборванные фигуры... На лице каждого можно было прочесть целую житейскую драму, если не трагедию... Были тут молодые, почти юноши и седые старцы, попадались на костылях, убогие, с трясущимися головами, с обезображенными лицами...

Да, такую коллекцию “сирых” трудно подобрать; если каждый из них в отдельности не способен тронуть сердце зрителя, то коллекция этих “детей отца Иоанна” может заставить дрогнуть самое черствое сердце! Пусть большая часть их пьяницы или люди порочные, пусть сами они виноваты в своем положении, но ведь это *люди*... люди страдавшие, страдающие и не имеющие в перспективе ничего, кроме *страданий*! Вот бывший *студент* медицинской академии, вот надворный советник, поручик, бывший купец миллионер, вот родовой дворянин громкой фамилии... У этого семья и больная жена, у того старуха мять, сестры... Мне показали старика, который двадцать лет питается одним хлебом и водой, у него высохла правая рука, он лишился возможности работать и двадцать лет живет подаванием отца Иоанна. Двадцать лет он не имеет собственного угла, не видал тарелки супа и если бы не отец Иоанн, то давно умер бы с голоду.

Я просил показать мне этого старика. Несчастный стоял в хвосте “строя” в первой колонне.

– Любоваться пришли, – ядовито обратился он ко мне с укором, когда я остановился против него...

Вид старика был суров; нависшие седые брови почти закрывали глаза, а всклокоченная седая борода спускалась на грудь; глубокие морщины и желтый отлив кожи красноречивее слов свидетельствовали о пережитом старцем... Его высокая фигура как-то сгорбилась, а правая рука висела без движения...

– Возьми, старец, – протянул я ему руку с кредитным билетом.

– Оставьте себе или дайте вот им, – отвечал он, мотнув головой в сторону “строя” и не принимая моей руки, – я не нищий, моя правая рука высохла, а левая не принимала еще милостыни...

– Да ведь ты же двадцать лет живешь подаванием?

– Ложь! Двадцать лет меня питает отец Иоанн, но милостыни я не просил и подавания не принимал.

– Так если ты берешь от отца Иоанна, почему же не хочешь взять от меня?

– Я не знаю тебя и знать не хочу, а отец Иоанн – мой *отец*, он не свое дает, а Божие, дает то, что он получает для нас от Бога. Ты даешь мне двугривенный, как нищему, а отец Иоанн дает мне, как родному; как другу дает любя... Он тысячу рублей дал бы, если бы нас меньше было, для него деньги не имеют той цены, как вам, господин...

Я на этом прекратил разговор, но потом ближе познакомился со стариком; история его так интересна, что я впоследствии вернусь еще к нему...

Еще не было шести часов, когда из калитки хорошо знакомого “золоторотцам” дома, вышел батюшка... Толпа заколыхалась, но все остались на местах, обнажив только головы.

Отец Иоанн снял свою шляпу, сделал поклон своим “детям”, перекрестился на виднеющийся вдали храм и пошел по “строю”.

– Раз, два, три... десять... двадцать...

Двадцатый получил рубль для раздела с девятнадцатью коллегами. Опять: “раз, два, три... десять... двадцать” и опять рубль. Так до самого конца “строя”. Только что кончился счет, вся толпа бросилась со своих мест к батюшке. Кто становился на колени, кто ловил руку батюшки для поцелуя, кто просил благословения, молитвы; некоторые рассказывали свои нужды... И отец Иоанн всех удовлетворил, никому не отказал; видно было, что почтенный пастырь сроднился с этой средой, понимает их без слов, по одному намеку, точно так же, как и толпа понимает его по одним жестам...

Окруженный и сопровождаемый своими “детьми”, отец Иоанн медленно движется к собору Андрея Первозванного (или церкви “Дома трудолюбия”) для служения ранней обедни. Исчез батюшка в дверях храма и толпа рассеивается по городу, лишь ничтожная часть остается на паперти для сбора подаваний. Это уж профессиональные нищие, которых, однако, сравнительно очень немного, и напрасно некоторые полагают, будто отец Иоанн размножает нищих.

“Строй” золоторотцев, как я называю нищих отца Иоанна, образовался давно уже, лет тридцать, но дисциплинировался, развился и приумножился за последние годы. По самому

умеренному расчету, число бедняков, живущих на счет отца Иоанна, достигает тысячи человек, причем все они *ежедневно утром и вечером* получают несколько копеек. Независимо от этого для них устроены на средства кронштадтского пастыря ночлежный приют, рабочий дом и двенадцать благотворительных заведений. Я упоминал прежде, что содержание приютов, лечебниц, мастерских и других заведений при кронштадтском “Доме трудолюбия” обходится отцу Иоанну в пятьдесят–шестьдесят тысяч рублей ежегодно, не считая утренних и вечерних раздач, а также случайных выдач, более или менее крупных.

Бедняки привыкли смотреть на заботы о них почтенного пастыря, как на что-то должное, почти законное. Если иногда случается, что при разделе “строй” получает по две копейки на человека, вместо ожидавшихся трех, то раздаются громкие протестующие голоса:

– Не брать, ребята, ничего не брать, не надо. Этак завтра батюшка по копейке даст. Что ж мы будем на улице ночевать, что ли (в ночлежном приюте взимается по три копейки с человека).

– Митрич, ступай депутатом к батюшке; скажи, что меньше трех мы не берем.

Впрочем, эти голоса никогда не одерживали победы и оставались в ничтожном меньшинстве. Ни “Митрич” и никто другой никогда не решились бы идти с протестом, а так погалдят, пошумят, возьмут, конечно, то, что дают, и разбредутся по домам.

Отец Иоанн и сам смотрит на заботы о кронштадтских бедняках, как на свою обязанность. Последние годы он не имеет времени оделять “стройка”, но поручает это, кому-либо из приближенных, а когда уезжает в Москву или на родину, то оставляет на все дни определенную сумму с тем, чтобы бедняки ежедневно утром и вечером получали по три или пять копеек (смотря какими ресурсами располагает пастырь).

“Строй” обожает своего “отца” и “кормильца”, нравственное влияние батюшки на него громадно.

Однажды имел место следующий случай. Бывший полицеймейстер Головачев сообщил отцу Иоанну, что его нищие занимаются грабежами и что один из них сорвал с господина Б. дорожную бобровую шапку, когда тот проезжал вечером по одной глухой улице. В тот же день по получении этого известия отец Иоанн собрал свой “строй” и объявил ему неприятную весть. “Строй” молча выслушал батюшку, и десятки голосов отвечали:

– Не наших это, батюшка, рук дело. Сегодня же мы разузнаем и найдем виновника.

Действительно, в тот же день вечером бобровая шапка была представлена отцу Иоанну...

Вообще, довольно батюшке намекнуть о каком-либо желании, чтобы бедняки немедленно приняли все меры к выполнению воли своего “отца”.

“Строй” подвергается довольно частым видоизменениям. Можно назвать несколько десятков (а может быть, и сотен) бедняков, которые под влиянием пастырства отца Иоанна и при его материальной поддержке и помощи сделались теперь если не богатыми, то сравнительно достаточными тружениками: некоторые получили хорошие места, другие сделались торговцами, третьи покинули Кронштадт и Петербург, отправившись на заработки в провинцию. Но прибывающих всегда больше выбывающих, почему численность “стройка” растет с каждым годом. Конечно, в массе есть люди порочные, есть и профессиональные нищие, но можно утверждать, что хороших больше, чем худых, и несчастных больше, чем порочных, даже много больше. Отец Иоанн знает про плевелы своей паствы и старается игнорировать их по возможности, но никогда не выделяет их из “стройка” при разделе подаяния, руководствуясь общим правилом: “просящему у тебя дай”. А если этот “просящий” снесет подаяние в кабак – это дело его совести, он за это отвечать будет.

Отец Иоанн, как мы видели выше, отправляет в течение долгого тридцатипятилетнего периода все священнические обязанности, до законоучительства включительно, наравне со всеми другими иереями у него есть *свои* прихожане, требы и так далее, как и во всех других церквях с одним или несколькими священниками; но та деятельность, о которой мы будем говорить ниже, выходит из пределов “прихода” кронштадтского Андреевского собора, как вообще она выходит из пределов *обязанностей* духовного отца и пастыря церкви. Эта деятельность “вне-нормальная”, если можно так выразиться, “или сверх-нормальная”, и она-

то дает отцу Иоанну тот нравственный облик, который подобно магниту притягивает к себе сердца людей, заставляя их искать скромного и ничем по внешнему виду или положению не выделяющегося священника.

В своем месте мы говорили о необыкновенной популярности отца Иоанна, представляющего собой образец, как добродетели, так и скромности чисто-христианской, и здесь мы хотим только протестовать против упреков некоторых скептиков, ставящих отцу Иоанну чуть ли не в вину его популярность. Мы можем засвидетельствовать, что у отца Иоанна Сергиева *постоянно* правая рука не знает, что, делает левая. Он избегает всякого проявления благодарности, прячется от разных депутаций или демонстраций и неоднократно, при виде встречающей его тысячной толпы, он восклицал:

– Что мне с ними делать? Научите, куда от них укрыться...

Пробовал отец Иоанн просить своих почитателей с церковной кафедры держать себя скромнее и не устраивать ему триумфов, при редких беседах с представителями печати он просто умолял не печатать о случаях исцеления его молитвами и вообще не писать о его деятельности; наконец, придумывал он разные потаенные входы и выходы, но все напрасно! Чем больше избегал он огласки и популярности, тем больше его преследовали, так что, махнув в конце концов на все рукой, он сделался совершенно равнодушен ко всему окружающему и не замечает, кажется, что происходит вокруг. Затрут ли его толпой, он будет стоять и ждать, пока кто-нибудь не высвободит его, или сами осаждающие не сделаются снисходительнее; встречают ли, провожают ли его, он раскланивается, терпеливо все выслушивает и как посторонний свидетель идет далее своей дорогой. За все тридцать пять лет священнослужения отец Иоанн не только ни разу не вызвал какой-либо демонстрации, но не дал даже малейшего повода заподозрить его в желании стать предметом демонстративного чествования. Мало того, когда он замечал только желание с чьей-либо стороны эксплуатировать его популярность (а таких поползновений было множество), он резко и решительно обрывал свои отношения.

Мы говорим все это, чтобы поставить благотворительную деятельность кронштадтского пастыря в надлежащем виде. Человек, который сам спрашивает “Дом трудолюбия”, сколько он ему прислал или пожертвовал тогда-то; который, получая одной рукой запечатанный пакет с деньгами, тут же передает его просящему, не распечатывая; наконец, который отдает неимущим *все*, что получает с имущих, а это “все” равняется нередко сотням тысяч рублей, такой человек не может искать популярности просто потому, что она ему ни на что не нужна. Человек, который отказывает в посещении предлагающему ему тысячу рублей, а идет в подвал к нищему, которому, кроме посещения, надо еще дать из своего кармана помощь материальную, не может быть заподозрен в какой-нибудь корысти... Здесь нет места мелочным целям земного тленного богатства.

Переходим теперь после этой оговорки к подробностям благотворительности отца Иоанна. Мы видели десятки случаев, когда молитва отца Иоанна совершала даже чудеса, перерождала душу и сердце человека, совершала нравственный подъем упавшего духа, исцеляла телесные недуги и так далее. Легкомысленно было бы думать, что всякий больной, обратившийся в критическую минуту к молитве отца Иоанна, получал непременно исцеление. Тогда это была бы какая-то клиника, в которую обращались бы все “на случай”, как теперь обращаются к барону Вревскому и разным знахарям.

– Поможет – хорошо, а не поможет – все равно умирать надо – доктора отказались лечить...

Если мы знаем сотни случаев, когда молитва отца Иоанна спасала больных и помогала умирающим, то мы знаем также тысячи случаев, когда к нему писали и ездили “на авось”, но никакой помощи ни получали.

Молитесь, Господь поможет вам *по вере вашей*,— говорит всегда отец Иоанн и в этом смысле молится сам.

Очевидно, если к молитве обращаются “на случай”, как к соломинке, за которую хватается утопающий, то нечего и ждать от отца Иоанна какой-либо помощи, потому что он

прежде всего человек искренно и глубоко верующий, живущий по букве и духу евангельского писания.

Напротив, те сравнительно немногие, которые находили нравственное или физическое исцеление у отца Иоанна, были все без исключения люди, или набожные, или проникшиеся в ту минуту, когда они говорили с отцом Иоанном, твердой и непоколебимой верой в возможность чудесной силы Божией, ниспосылаемой по молитве людей, сильных верой и благочестивой жизни. Правы они или нет, имеем ли мы здесь дело с Промыслом Божиим или простой случайностью – оставим на совести каждого. Наша задача – правдиво передать только одни факты, не пытаясь давать им научного или канонического толкования.

Перейдем теперь к другой не менее интересной и почтенной отрасли благотворительной помощи отца Иоанна. Здесь уже двух мнений не может быть.

Официальная благотворительная деятельность отца Иоанна сосредотачивается главным образом на кронштадтском “Доме трудолюбия”, и частью на устроенном по тому же типу “Доме трудолюбия” в Санкт-Петербурге.

С самого вступления своего на пастырское поприще отец Иоанн стал заботиться об улучшении быта беднейшей части населения своего прихода и всего Кронштадта. Еще в шестидесятых годах он заговорил в печати об учреждении “Домов трудолюбия”. В 1874 году, по его инициативе, было учреждено при Андреевском соборе приходское попечительство. “Церковное попечительство, – говорил отец Иоанн при его открытии, – есть учреждение первых христиан времен апостольских, которые, по братской любви, так заботились друг о друге, что *не бьяше нищ ни един из них* (Деян. 4, 34). Оно особенно необходимо у нас. Дай Бог, чтобы оно было и у нас в таком же духе единомыслия и любви”.

Вскоре при церковно-приходском попечительстве возникло замечательное благотворительное сооружение, в основе которого положены незыблемые начала: “труд и любовь”. Благодаря поддержке таких деятелей (как барон Буксгевден, генеральша Лапшина, доктор Дворяшин и другие), из “Дома трудолюбия” разрослось дерево, прикрывшее своими ветвями до двадцати городов России, в которых теперь бедняки-труженики могут получить помощь не как подаяние, а как плату за труд...

Мы имеем отчеты за все годы существования кронштадтского “Дома трудолюбия” и из них особенно характерно видна основная черта деятельности отца Иоанна – поразительная скромность. Отец Иоанн не состоит в правлении “Дома” ни председателем, ни почетным управителем или распорядителем; все почетные звания и должности розданы другим, а между тем участие этих “других” и отца Иоанна выражается такими цифрами: “другие” полторы, много две тысячи рублей в год вносят в кассу общества, а отец Иоанн пятьдесят – шестьдесят тысяч... Нужно выстроить флигель или здание для помещения ночлежного приюта – “другие” составляют планы, сметы, заведуют постройкой; а отец Иоанн в стороне... он дает деньги на постройку... только!

1891 г.

Е. Духонина

Из моих воспоминаний об отце Иоанне Кронштадтском

Предисловие

Будучи возмущена тенденциозными сообщениями, распространяемыми в либеральных газетах еврейского пошиба о батюшке Иоанне Ильиче Сергиеве, об этом глубокочтимом и всеми уважаемом пастыре и молитвеннике, я решила написать то, что по его молитвам совершилось со мной и моими близкими. Пишу одну чистую правду.

Как этот светильник спас мою жизнь, свел с ложного пути, на котором могла совсем погибнуть, увлекшись страшно спиритизмом, как он взял меня под свое руководство, как духовную дочь, и, поставив на настоящий путь, сделал меня искренней христианкой.

Теперь только кратко излагаю то, что имело особенно сильное влияние на укрепление моего молитвенного чувства; позднее имею намерение издать свой дневник полнее, потому что в последние четыре года, проживая при устроенном батюшкой Санкт-Петербургском

Иоанновском женском монастыре, видела много других случаев, показывающих, что это действительно великий молитвенник и великий пастырь Церкви Христовой.

Е. Духонина

19 февраля 1907 года

Первый раз я услышала о батюшке Иоанне Ильиче Сергиеве в 1888 году, в городе Выборге, при таких обстоятельствах: мой муж служил в финляндском округе, занимал место выборгского коменданта, и ему, как искреннему русскому патриоту, страшно тяжела была эта служба, потому что постоянно приходилось сталкиваться со шведами и финнами, противниками всего русского, и когда он стал просить о переводе его в Россию и из предложенных ему двух дивизий, по моему совету, выбрал худшую, расстроенную, вместо другой, блестящей, чем вызвал в своих товарищах удивление, что не умеет пользоваться обстоятельствами и сам будто бы портит себе карьеру – он стал волноваться и унывать, стал винить и меня, что посоветовала неправильно. Я впала в отчаяние и стала подумывать, что не стоит жить. Моя приятельница, видя меня в таком настроении, посоветовала мне прибегнуть к молитвенной помощи отца Иоанна Кронштадтского. Я написала ему письмо в Кронштадт, прося помолиться за нас. И когда получила от него телеграмму – “молюсь, Господь милостив, успокоит и утешит вас”, – я воскресла душой, побежала с телеграммой к мужу; а он, еще не видав ее, сказал: знаешь ли, со мной произошла перемена, я совершенно успокоился и убежден, что правильно поступал. Что слушать людей, ведь не они, а Господь все устраивает. Когда же прочел телеграмму, сказал: вот почему со мной такая перемена, Господь услышал молитвы этого праведника! Сейчас же мы с ним поехали в церковь и отслужили благодарственный молебен и помолились за дорогого батюшку.

В 1890 году, находясь в Орле, мне опять пришлось обратиться к батюшке Иоанну Ильичу Сергиеву и по его молитве я снова получила утешение. Заболел мой племянник двенадцати лет: корь осложнилась воспалением легких; доктора приговорили его к смерти, которой и ждали с часу на час. Я послала ответную телеграмму батюшке, прося помолиться, и не успели еще принести ответ, как мальчик вдруг заснул хорошим покойным сном, личико его оживилось, мертвенная бледность пропала, доктор, находившийся при нем, пришел в изумление и сказал мне: смотрите, какие хорошие признаки, еще, пожалуй, поправится; тут подали телеграмму батюшки такого содержания: Бог милостив – пошлет исцеление. И с этой минуты началось выздоровление.

Познакомилась я с дорогим батюшкой Иоанном Ильичом в Москве, в 1892 году, когда муж занимал должность начальника штаба Московского округа. Познакомившись случайно у кавалерственной дамы В. Е. Чертковой с С. Я. Бурхарт и узнав, что она ездит с батюшкой, мы с мужем упросили ее привезти к нам, если пожелает, 19 февраля. И вот в этот день мы имели счастье принимать этого светильника и молитвенника у себя. С этого дня я избавилась совсем от страшных мигреней, которым подвергалась каждые две недели с окончания турецкой войны. Мы устроили батюшке торжественную встречу, поставили на лестнице прекрасный хор певчих, к нам собрался весь штаб, чтобы получить благословение, и когда он приехал, мы с мужем выбежали на улицу, батюшка благословил нас и, поднимаясь по лестнице, все время держал свои ручки на моей больной голове; певчие встретили его пением. Войдя в залу, он поздоровался со всеми, благословил, поговорил с моим мужем и еще одним генералом, прошел в гостиную, где все было приготовлено для молебна; за молебном как-то особенно чудно молился, и у нас явилось молитвенное настроение и с душой что-то делалось особенное, и певчие пели с необыкновенным воодушевлением. Освятив воду, всем дал приложиться ко кресту, по моей просьбе, окропил всю квартиру святой водой; затем прошел в столовую, где был приготовлен чай и закуска, батюшка помолился, благословил меня и заговорил с мужем, расспрашивал о службе и относился к нему необыкновенно ласково. Спросил меня, чем я занимаюсь, и, узнав, что вся поглощена спиритизмом, сказал, что это занятие вредное, у вас нервы совсем расстроятся! И на мое заявление, что это так увлекательно, что я могу знать будущее не только свое, но и других, сказал: это занятие не угодное Господу, потому что с вами говорят недобрые духи; я бы вам

посоветовал бросить эти занятия. Я сказала, что я никак не могу расстаться с этим, я с тоски умру, потому что света я не люблю, все удовольствия мирские мне противны; что мое давнишнее желание – это поступить в монастырь! Батюшка вдруг как-то неожиданно для всех сказал: что же, под конец вашей жизни, может быть, вы и будете в монастыре, а теперь все-таки поменьше занимайтесь спиритизмом. Поговорив с мужем о политике, выразил ему удовольствие, что познакомился с ним, хорошо так благословил всех нас, а с мужем поцеловался; я от всего сердца расцеловала С. Я. Б., что она доставила нам такое счастье. Мы проводили батюшку до кареты, садясь в которую, он еще благословил меня и опять положил ручку на голову. Певчие пропели концерт. Проводив батюшку, мы с мужем весь день блаженствовали.

Затем батюшка несколько раз был у нас в Москве; но последний раз он видел мужа моего в 1895 году, когда мы попросили к себе батюшку, чтобы посоветоваться с ним и получить его благословение на новую жизнь и на переезд в Минск для командования 4-м армейским, бывшим Скобелевским, корпусом и чтобы поблагодарить его, что по его святым молитвам я совершенно излечилась от мигреней. Батюшка приехал такой благодатный, веселый, отслужил молебен, за которым мы со слезами молились, дав приложиться ко кресту, окропил нас обильно святой водой. И затем, придя в столовую, спросил меня, продолжаю ли я все заниматься спиритизмом, я сказала, что продолжаю; он покачал головкой и сказал: ох, нехорошее это занятие, совсем не угодное Господу; вы совсем расстроите свое здоровье! Затем мой муж сказал: дорогой батюшка, ей совсем не хочется ехать в Минск, да и я не прочь остаться еще пожить в Москве; не благословите ли вы мне отказаться от предлагаемого мне назначения. Батюшка особенно ласково посмотрел на моего мужа, обнял его и сказал: ведь вы знаете, ваше превосходительство, что все делается по воле Божией – значит, Господь предназначает вас на этот пост, и мой вам совет: взять предлагаемое место. Господь знает, что вам нужно и полезно для вашего спасения, то и посылает. Впрочем – простите меня, что я так высказал вам мое мнение, вы опытнее меня и сами лучше знаете, как вам поступить. Муж был глубоко тронут сердечностью батюшки, поклонился ему в ноги и от всего сердца поблагодарил за совет; тут и я поклонилась ему в ножки и просила принять мою глубокую благодарность за излечение моих головных болей. Батюшка стал говорить, что не он вылечил, а Господь исцелил по моей глубокой вере. Тогда мой муж сказал: и так благословите, дорогой батюшка, на перемену моей жизни и на переезд наш в Минск. Батюшка благословил и крепко поцеловал его, как любящий отец; но я заметила, что лицо у батюшки сделалось грустное, как будто он в последний раз смотрел на него. Затем, поговорив о Скобелеве и о текущих делах, батюшка еще благословил нас и уехал.

22 декабря 1895 года

Вчера похоронила бесценного мужа, с которым прожила счастливо целых тридцать пять лет, будучи любима, как только можно любить в этой жизни. Он умер 17 декабря скоропостижно и не дома, в Минске, а в Москве, в Лоскутной гостинице, и в момент самой хорошей жизни и в ожидании еще высшего назначения по службе. Как я перенесла это горе, одному Господу известно, молитвы батюшки и тут помогли мне. С. Я. Б., узнав о постигшем меня горе, приняла живое участие во мне и тот же час просила телеграммой батюшку помолиться об умершем и обо мне. И не оставила меня, пока совсем меня не устроила. Батюшка приехал сегодня, обласкал меня, утешил, отслужил панихиду, благословил иконой Иверской Божией Матери. Затем исповедал меня; я ему рассказала всю мою жизнь и выразила желание идти в монастырь. Но он еще строже преосвященного Тихона, который опускал гроб моего мужа в могилу, велел не переменять образа жизни и не думать о монастыре; сказал, чтобы не смела и думать об этом, а продолжала жить, как жила, даже не лишая себя некоторых удобств и привычек, благословил съездить в Минск, устроить там все и переселиться жить в Москву, не велел даже продавать лошадей, а пока подержать и их. Одно только прошу и даже умоляю – бросьте ваши занятия спиритизмом и с сегодняшнего дня, чтобы вы уже больше не разговаривали с вашим мужем, да и ни с кем. Это я вам

запрещаю, и прошу вас не читать ничего из написанного вами, да лучше всего, сожгите все ваши писания. Это был для меня такой удар, как я и сказать не умею, потому что я уже начала беседы с мужем и они меня ужасно увлекали. И когда я сказала, да как же мне отказаться от этого, когда меня только и поддерживают эти беседы, он так строго сказал: это не поддержка, а погибель, молитесь Господу усерднее, Он вас поддержит и привлечет к Себе, а если вы не оставите, то смотрите, чтобы Господь не отвернулся от вас. Я сказала, что постараюсь не писать, а только тетрадок позвольте не уничтожать, да вот возьмите и посмотрите, как там хорошо написано. Он взял тетрадку, ласково благословил и сказал – прочитать я прочитаю, но разрешения заниматься все-таки не дам; обещаю вам, что буду за вас молить Господа, чтобы он поддержал вас и дал вам сил хорошо перенести это горе. И уехал. Мне стало легко и спокойно.

16 сентября 1897 года, Москва

О, счастье! Молитва моя услышана! Батюшка отец Иоанн посетил меня сегодня; отслужив молебен с водосвятием, освятил всю мою квартиру, которая ему очень понравилась. Сегодня я упросила батюшку взять меня в свои духовные дочери.

Когда я обратилась к нему с этой просьбой, он очень милостиво посмотрел на меня и спросил:

– А ты будешь меня слушаться всегда и во всем?

– Батюшка, ведь вы меня знаете, вот уже два года, как, по вашему приказанию, я бросила заниматься спиритизмом.

– Да! Да! Знаю! – и задумался. Тогда я, встав на колени, стала умолять его следующими словами:

– Возьмите, дорогой батюшка, прикажите что-нибудь делать, если в чем виновата, наложите епитимью – все выполню с радостью.

Батюшка, ласково улыбнувшись, сказал:

– Ишь какая приткая, – затем очень серьезно прибавил, – в духовные дочери я тебя беру, а о жизни... да вообще все это слишком серьезно, дай мне подумать.

И, поцеловав меня в голову, он прошел в столовую, где я его упросила взять на память от меня моей работы вязаное одеяло. Батюшка принял, сказав:

– Да какая же ты рукодельница, спасибо, спасибо тебе.

Я подала батюшке полученную телеграмму от игуменьи Орловского Введенского монастыря, в которой она приносит глубокую благодарность батюшке за ее исцеление.

Он сказал:

– Слава Богу, когда я был в Орле, мне сказали, что она сильно заболела; я служил в соборе и послал ей сказать, чтобы она не смела болеть, а сам от всего сердца просил об этом Господа, и вот Он, Милосердный, услышал мою молитву.

Затем батюшка благословил меня и уехал.

Капитан Гранга С.П. Бурачок

К прославлению памяти великого угодника Божия батюшки отца Иоанна Кронштадтского

В один из своих проездов из Петергофа в Кронштадт на корабль я, подходя к пароходу на Ораниенбаумской пристани, увидел чрезвычайное скопление народа и особенно на самом пароходе. Тут же я узнал, что едет отец Иоанн.

Считая неудобным навязывать свое общество человеку, и так уже утомленному преследованиями разных просителей, в каковых условиях постоянно находился этот удивительный и исключительный человек, я решил идти на свободный от людей мостик парохода, чтобы этим исключить возможность встречи, и каково же было мое удивление: навстречу мне шел батюшка, которого я так избегал, и с чувством любви и внимания

преподал мне благословение Божие со словами: “Что ж ты, Степан, не приходишь ко мне, приходи к ранней обедне, как и отец твой раньше приходил”.

Госпожа Е. Н., болезненная, слабая женщина, горя желанием построить храм Божий на одной из окраин России, при встрече с батюшкой просила его влияния на имущих людей, для сбора пожертвований. Отец Иоанн благословил Е. Н. со словами: “Иди и строй!”

– Да как же, батюшка, я построю без всяких средств?

– Я тебе говорю: иди и строй, все будет хорошо, – строго и внушительно сказал батюшка.

Е. Н. побоялась входить в пререкания и послушалась, результатом чего, к большому удивлению Е. Н., храм действительно беспрепятственно был выстроен при неожиданно большом участии и сочувствии жертвователей.

Батюшка не переносил курения табака, называя это одной из страстей, пагубных для души человека, аналогично пьянству. Так он отучил моего отца, так отучил и меня. Будучи избалованным не только обстановкой жизни, но и самим собой, мне почти никогда не приходило в голову оставить эту удобную и симпатичную привычку, тем более что попытки бросить приносили всегда испорченное настроение и лишали того излюбленного комфорта “покурить”, который у меня длился в течение восемнадцати лет. Курил я много. И вот однажды во время случившихся со мной тяжелых переживаний, как сейчас помню, 9 декабря 1913 года я пришел на гробницу отца Иоанна, и молитва у меня была одна: “Да будет воля Твоя”. Через три дня я серьезно заболеваю двухсторонними нарывами в горле, стоившими мне чуть ли не жизни, появляется желание оставить любимую привычку курить, о чем я и сказал доктору профессору Богданову-Березовскому, последний с недоверием отнесся к этому желанию, узнав, что я уже восемнадцать лет подвержен этой страсти, и, улыбнувшись, сказал: “Смотрите, поправитесь и закурите снова”.

Теперь прошло уже двадцать лет, как я совершенно легко, несмотря на свою избалованность, оставил эту сильно владеющую людьми страсть.

Не только сам по себе описанный факт, но и мое личное создавшееся внутреннее убеждение привели меня к ясному заключению, что Воля Божия, на которую я оперся в своей краткой, из глубины души исшедшей молитве, по святым молитвам Праведника Божия батюшки отца Иоанна избавила меня от сильно развитой страсти, которую мы, люди, из личного удобства и распущенности не любим видеть и признавать, предпочитая быть в этом отношении слепыми.

Про силу молитвы отца Иоанна мне пришлось слышать из многих случаев, это случай исцеления бесноватой, которая ужасно поносила батюшку, не перенося даже его присутствия, ее держали несколько человек. Когда отец Иоанн стал на колени перед святыми иконами и, весь согнувшись, ушел в молитву, больная забилась в судорогах, посылая хулу и проклятия на него, издеваясь над Богом и им, но потом затихла и потеряла сознание. Когда отец Иоанн встал с молитвы, все его лицо и голова были покрыты потом, как водой, и подошел к больной, благословляя ее, то больная открыла глаза и, разрыдавшись, приникла к ногам батюшки, она была сильно ослаблена, но совершенно здорова.

На присутствующих это ясное для всех происшедшее исцеление произвело потрясающее впечатление.

Счастливи свидетелем истинное, связанное со святой памятью современного нам большого Праведника, на котором так ощутительно и для постороннего почилась благодать Божия.

Помню случай, когда был болен мой брат. Отец Иоанн благословил яблоко и Приказал брату съесть, и к вечеру, к удивлению всех, брат оказался совершенно здоров.

Отличительные черты отца Иоанна – это были произносимые слова молитвы; и в этих как бы дерзновенных возгласах, в движениях было столько веры, любви и искренности, что казалось, как будто не только сердцем, но и всей душой он обращается к безграничному милосердию Божию, прося помощи и заступления для слабых, маловерующих людей.

Батюшка сам говорил: “Чувствую часто, как легко поднимается молитва, а иногда как тяжело по земле стелется и нелегко поднимается”, – и в этих случаях говорил, жаловался словами:

“Ох, как сатана борет”.

Отец Иоанн воистину избранник Божий, горевший верой в Бога, являя благороднейший пример человеческой жизни ради спасения людей.

И какой гнусной оказалась секта иоаннитов, напущенная на него, как на светильник Божией благодати, чтобы своими извращенными, кощунственными пониманиями очернить его. Воистину и диавол существует и не дремлет, стараясь светлое очернить по возможности руками нашей же просвещенной интеллигенции, считающей часто Божественную Правду за предрассудок и старающейся развенчать ореол святости, видя в секте иоаннитов обвинение светлой памяти почившего пастыря.

Но Правда всегда восторжествует, хотя бы зло и могло временно победить.

Так и тут случилось: после всех ниспосланных нам испытаний, в каком ореоле и святости горит светоч Православия в лице святой памяти отца Иоанна.

Из воспоминаний Н.Т.

В первый раз увидел я отца Иоанна у тетушки, графини Тизенгаузен. Старушка жила в антресолях Зимнего дворца со своей племянницей Ниной Пиллер, которая была безнадежно больна. Помолиться об ее выздоровлении и был приглашен отец Иоанн, который произвел на меня сильное впечатление. Он обратился к больной, а затем и к присутствующим с речью, убеждая всецело положиться на волю Божию и отдаться с покорностью Его благому Провидению. После этого он пригласил всех помолиться о больной и начал читать импровизированную и прочувствованную молитву, тронувшую всех до слез. Плакала больная, плакали присутствовавшие, плакал и сам отец Иоанн. После молитвы он благословил больную, обещал о ней еще молиться, когда будет служить Литургию, и ободрил всех ее близких. Всем он советовал молиться, но не ждать чуда и не видеть в христианской кончине чего-нибудь ужасного, а каждому быть всегда готовым к смерти, только бы это была смерть праведная.

Вскоре после этого, недели через три, больная умерла, и отец Иоанн служил о ней панихиду, причем всех снова растрогал своим добрым пастырским словом. Кто хоть раз видел вблизи Кронштадтского пастыря, тот никогда не забудет его кроткого взора и его мягкого, теплого голоса, когда он произносил слова утешения. От него веяло миром душевным и чувствовалась особая благодатная сила в его речах. Он производил неотразимое впечатление, и я помню, как один мой родственник, увлекавшийся лордом Рэдстоком и модными в то время лжеучениями штундистского характера, встретив в нашем доме отца Иоанна, бросился целовать его руки, и одного взгляда отца Иоанна оказалось достаточным, чтобы он остановил свое увлечение и выразил желание отправиться в Кронштадт исповедаться и причаститься Святых Тайн, к которым не приступал больше десяти лет. После этого он стал искренно верующим человеком и перестал чуждаться Церкви и ее служителей.

Чем более росла слава отца Иоанна, тем труднее становился к нему доступ. Помню, во время болезни моей матери я тщетно писал и телеграфировал отцу Иоанну, и мой призыв до него не доходил. Тогда я собрался к близко знавшему его генералу Богдановичу, отцу моего товарища по корпусу, и тот написал мне телеграмму, заставив подписать: “Паж Двора Его Величества”, и действительно на этот раз телеграмма дошла. В ответ на нее отец Иоанн приехал сам и помолился о нашей дорогой больной, умиравшей от неизлечимого недуга.

Ездил я, будучи пажом, к отцу Иоанну в Кронштадт вместе с одним товарищем. Когда мы садились в Ораниенбауме на пароход, оказалось, что с тем же пароходом возвращается к себе отец Иоанн, к которому мы тотчас же и подошли и имели счастье всю дорогу с ним беседовать и поучаться его наставлениями.

Когда пароход пристал к Кронштадту, оказалось, отца Иоанна уже там ждали. На улице, прилегающей к пристани, в два ряда стояли шпалерами нищие, человек около двухсот. Отец Иоанн, выйдя на берег, подошел к ним и начал оделять их милостыней. При этом нам посчастливилось быть очевидцами прозорливости отца Иоанна. Кто-то около нас из пассажиров, молодой интеллигент довольно развязного типа, шепнул своему соседу студенту вполголоса, указывая на отца Иоанна, раздающего деньги на другом конце улицы: “Поощрение тунеядства!” Когда отец Иоанн окончил раздачу, то вернулся к пристани, где еще стояли те молодые люди, дожидаясь извозчика, и произнес, обращаясь к ним: “Все мы должны быть милостивыми к нищим, ибо сказано в Писании: блажен, кто призывает на нищего и убогого, в день лют избавит его Господь, но мы, священники, обязаны еще более заботиться о бедных, так как там же сказано, тебе оставлен есть нищий!” И, проговорив эти слова, он отошел, оставив молодых людей в большом смущении.

Перед домом отца Иоанна стояла толпа, через которую нельзя было протискаться. Поэтому мы не решились туда проникнуть, тем более, что имели уже счастье видеть отца Иоанна и беседовать с ним, и направились в Андреевский собор, где тоже уже была масса народа, так как ожидали, что отец Иоанн туда придет служить вечерню. Через несколько времени прибыл отец Иоанн, и народ бросился к нему с такой силой, что, не стой тут наряд полиции, батюшку бы смяли. После вечерни отец Иоанн долгое время благословлял народ, причем мы были свидетелями таких сцен: подходит прилично одетый господин и сообщает отцу Иоанну, что он разорился и ему грозят позор и тюрьма, так как он растратил чужие деньги. В это время какая-то плохо одетая женщина в платке передает батюшке через головы других какой-то белый узелок. Отец Иоанн берет узелок и, не взглянув на него, передает прилично одетому господину. Женщина вскрикивает: “Батюшка, тут три тысячи!” Отец Иоанн к ней обращается со словами: “Ведь ты жертвуешь Богу? Господь принимает твой дар, и твои деньги спасут человека”. А человек с узелком в руках уже стоит на коленях перед иконой Спасителя и сквозь слезы повторяет: “Три тысячи, три тысячи! Как раз та сумма, которую я должен!” После вечерни отец Иоанн принял нас у себя, благословил и, наскоро напутствовав, так как его ждали многие, обещал за нас молиться. Остаться до другого дня мы не могли, так как должны были вернуться в Красносельский лагерь в тот же вечер, и потому уехали из Кронштадта, унося в душе самые светлые воспоминания.

После этого я часто встречался с отцом Иоанном, когда я жил в Москве, а он туда приезжал и бывал у князя Долгорукова. Князь оказывал Кронштадтскому пастырю знаки большого внимания и уважения, каждый раз оставляя его у себя обедать, причем, зная, как дорожит временем отец Иоанн, предоставлял ему в его распоряжение свой экипаж и просил не стесняться и уходить тотчас же по окончании обеда, если ему некогда. Один раз князь поручил мне, в то время молодому офицеру, проводить отца Иоанна на Николаевский вокзал и распорядиться, чтобы открыли парадные комнаты. У вокзала стояла несметная толпа, так что экипажу пришлось ехать шагом, и при выходе из кареты мне едва удалось отца Иоанна провести до дверей парадных покоев, до того нас стиснула толпа. Так как опасались, что такая же давка будет на перроне, где толпа окружила вагоны первого класса, начальник станции распорядился провести отца Иоанна потихоньку через колею и усадить его в вагон с противоположной стороны. Для отвода глаз перед вагоном на перроне стояли шпалерами жандармы, как бы ожидающие его прихода, и публика их обступила. В самый момент отхода поезда жандармы разошлись, а перед изумленной публикой в окне вагона поднялась штора и появилось лицо любимого пастыря, который, ласково улыбаясь, благословил присутствующих. Князь очень смеялся, когда я ему докладывал, каким образом нам удалось усадить в вагон отца Иоанна.

Что опасность давки была не шуточная – показывает то, что в предыдущий отъезд отца Иоанна из Москвы вокзальная публика до такой степени смяла его, что погнула его золотой наперсный крест.

Отец Иоанн, бывая в Москве, посещал и командующего войсками генерала Костанду, и один раз, приехав туда на второй неделе Пасхи, похристосовался со всеми

присутствующими, так как, по его словам, Пасха не прошла, а приветствовать друг друга словами: “Христос воскрес!” – можно не только всю Пасху, но и круглый год.

Один раз мне посчастливилось ехать с отцом Иоанном из Петрограда в Москву со скорым поездом в одном вагоне. Узнав, что в купе рядом с моим путешествует отец протоиерей Сергиев, я постучался к нему, и он любезно пригласил меня войти и дозволил провести в своем назидательном сообществе несколько незабвенных для моей памяти часов. На следующее утро, подъезжая к Москве, отец Иоанн пригласил меня в свое купе, и мы продолжали вчерашний разговор, который закончился только тогда, когда поезд въехал под стеклянный навес Николаевского вокзала первопрестольной столицы. Последними словами, обращенными ко мне любвеобильного Кронштадтского пастыря, было обещание вспоминать меня молитвенно за Литургией и увещание – я в то время уже был священником, – как можно чаще совершать Литургии и взаимно молиться за него.

Встретился я еще один раз с отцом Иоанном в Крыму, куда он приезжал осенью 1894 года, вызванный к болезненному одру Царя-Миротворца, и удостоился быть приглашенным им к сослужению в Ялтинском соборе.

Сначала отец Иоанн служил утреню, причем сам читал тропари канона, и по окончании утрени произнес проповедь. После Литургии отец Иоанн, по обыкновению, несмотря на сослужение дьякона, потреблял Святые Дары, а затем совершил молебен о здравии Государя Императора Александра III.

Скромность отца Иоанна была поразительная. Он никогда не заботился лично о себе, никогда не старался выдвинуться вперед, никогда не приписывал получаемых милостей Божиих своим молитвам, а всегда говорил, что исцеление дается Богом по вере самого страждущего и по молитвам всех с ним молившихся, а не его одного. Чем более он высказывал христианского смирения и старания стужеваться, тем более Господь выдвигал Своего праведника, прославлял его. Помню такой случай. Когда он первый раз явился к князю Владимиру Андреевичу Долгорукову, его еще никто не знал из генерал-губернаторской прислуги: его провели в переднюю и там оставили ждать. Никто его не замечал; чиновники проходили мимо него в приемную, не обращая внимания, и никто о нем и не думал доложить князю, и сам он о себе не напоминал, скромно стоя в уголке, в рясе и камилавке. В таком виде я его застал в передней и сейчас же сказал о нем дежурному чиновнику, который поспешил доложить о нем князю, и князь его немедленно велел привести к себе. С этих пор князь постоянно приглашал его к себе и выказывал знаки уважения; помню, раз в присутствии архиепископа Амвросия князь подошел к отцу Иоанну под благословение, и тот не отказался ему его дать, хотя не принято, чтобы священники благословляли в присутствии архиерея.

Отношения отца Иоанна к людям, которые к нему обращались за помощью, были трогательны: он страдал со страждущими и плакал с плачущими, но строго и гневно обличал упорных еретиков и сектантов, вроде Льва Толстого и его последователей. За это последние его ненавидели той непримиримой ненавистью, какой сатана ненавидит ангелов света. А между тем батюшка Иоанн Кронштадтский вовсе не мог быть назван узким фанатиком, так как благодетельствовал одинаково и православным, и иноверцам, причем мне известен такой случай как раз в Крыму, когда отец Иоанн посоветовал одному позвавшему его больному – поляку, который долго не был у исповеди, исповедаться и причаститься Святых Тайн у своего священника, и когда тот исполнил совет батюшки, то выздоровел.

Я знаю, что отец Иоанн благодетельствовал даже евреям и знал евреев, которые его высоко уважали и почитали святым.

За границей слава отца Иоанна возросла с тех пор, как Ванутелли написал о нем в своей книге о России, причем сравнил его с тезоименитым ему жившим в эпоху Наполеона Арским приходским священником Иоанном Виан-ней, причисленным католической церковью к лику святых. Лев XIII тоже очень интересовался личностью отца Иоанна и много меня расспрашивал о нем. Точно также интересовались им и французское духовенство, и английское (протестантское), и мне в бытность мою за границей и в Париже, и в Лондоне, и

в Америке постоянно приходилось говорить о Кронштадтском пастыре как об идеале священника.

Один раз я, по просьбе пассажиров, прочел об отце Иоанне целую лекцию на пароходе в Тихом океане, и его имя нередко фигурировало в моих проповедях среди иноверцев.

Должен, к сожалению, сказать, что даже в России встречались люди, относившиеся к отцу Иоанну отрицательно. Так, один почитаемый иеромонах одного подгородного монастыря, который я намеренно не называю, выразился в разговоре об Иоанне Кронштадтском: “Он у нас не в ходу”. Мне кажется, это говорила известного рода монашеская ревность, что такой подвижник не принадлежал к монашеству, а украшал собой ряды белого духовенства.

Мне часто приходилось выступать в защиту отца Иоанна, особенно когда его упрекали как раз в таких вещах, которых он всего более избегал. Ему ставили в упрек его дорогие бархатные рясы, которых он никогда себе не заказывал, а носил потому, что ему их дарили почитатели, чтобы их не обидеть, – раз, а во-вторых, потому, что сыновне помнил преподанный ему покойным митрополитом Исидором урок, когда он явился к нему в простой шерстяной рясе. “Неужели, – сказал митрополит, – вы и во дворец показываетесь в такой рясе?” На ответ, что это его лучшая выходная ряса, митрополит заметил отцу Иоанну, что являться в таких простых одеждах к высоким особам показывает признак недостаточного уважения. Как раз после этого отцу Иоанну подарили новую рясу, и он стал ее носить, когда ему приходилось посещать высокопоставленных особ.

Точно так же отец Иоанн не мог считаться ответственным и за то, что его тесным кольцом окружали и опекали его почитательницы, почитание которых выразилось впоследствии в уродливой форме особого обожания сектантского характера. В сущности это было то же чувство, которое окружает каждого уважаемого в приходе священника, но доведенное до апогея ввиду обаятельности самой личности отца Иоанна и его все возраставшей популярности. Ни один монарх в мире не получал столько писем и приношений, как отец Иоанн: эти кипы писем и телеграмм сортировались окружавшими отца Иоанна, и только наиболее важные, по их мнению, передавались Батюшке. Здесь, конечно, были злоупотребления, но сам отец Иоанн тут был ни при чем, так как не мог лично, при массе дел, перечитывать в день по несколько сот писем. Впоследствии он завел себе секретаря, и тогда дело пошло глаже, и злоупотребления прекратились.

В заключение скажу, что я видел отца Иоанна в последний раз уже после моего возвращения из-за границы незадолго перед его праведной и мирной кончиной. Он отнесся ко мне так же сочувственно и доброжелательно, как и прежде, подарил мне на память свою “Жизнь во Христе” и благословил мои труды, которые я ему почтительнейше поднес. Отец Иоанн всегда был моим идеалом доброго пастыря, и, когда я служил на приходе, то так же, как и многие мои товарищи в то время по служению, такие же почитатели отца Иоанна, как и я, мы старались ему подражать и всегда ставили его перед собой образцом всех пастырских добродетелей и нередко в затруднительных случаях спрашивали себя, как бы отец Иоанн поступил в данном случае, и старались поступать так же.

Отец Иоанн покинул нас, но память о нем и пример его жив между нами, и мы можем с уверенностью надеяться, что душа этого доброго пастыря и ныне предстательствует за нас перед престолом Всевышнего и молитвы его о нас, грешных и скорбных, стали еще более Действенны, чем они были при его жизни.

Отец Василий Шустин

Отец Иоанн Кронштадтский

Наша семья познакомилась с отцом Иоанном при вступлении моего отца во второй брак, когда мне было семь лет. Молодая невеста очень хотела, чтобы брак был благословлен отцом Иоанном; отец Иоанн приехал и с тех пор стал бывать у нас каждый год на квартире в Петербурге...

Я видел, что вокруг отца Иоанна всегда собирались огромные толпы и, буквально, рвали его одежду, но я не понимал такого стремления людей к нему. Сердце мое было закрыто до семнадцати лет. Не только христиане шли к отцу Иоанну, но и иноверцы: магометане, буддисты... И действительно, у отца Иоанна была всеобъемлющая душа, сыновняя Богу, дерзновенная.

Когда батюшка приезжал к нам – и, бывало, неожиданно – тотчас же накрывали маленький столик скатертью, ставили миску с водой и клали крест, привезенный из Иерусалима; Евангелие, кадило и кропило были у нас свои. Особенно любил батюшка молиться в столовой, перед образом Спасителя, который он считал чудотворным. Бывало, он встанет и минут пять, молча, смотрит на этот образ. Когда увидит, что все приготовлено около него к молебну, становится на колени и начинает молиться. Он всегда молился импровизированными молитвами, произнося некоторые слова очень резко, с особенным ударением, дерзновенно прося у Господа нам милости. После такой молитвы, довольно длинной, где он, так же как всегда, поминал об искупительной жертве Иисуса Христа, он пел сам: “Спаси Господи люди Твоя”, и освящал воду. Затем, обязательно, ходил по всем комнатам и окроплял их и все постели святой водой. Батюшка говорил, что воздух нашими действиями и нашими мыслями загрязняется и надо его очищать – святая вода отгоняет и уничтожает этот нечувствуемый смрад. После обеда всегда накрывали чай. Батюшка любил чай самый крепкий, почти черный, и всегда просил сполоснуть чай и первую воду слить, – как он в шутку говорил: “Надо смыть китайскую нечисть”. К чаю ставили какую-нибудь рыбную закуску. Мяса батюшка совсем не ел. Иногда выпивал полрюмки сладкого вина и, окинув взором присутствующих, давал кому-нибудь допить свою рюмку. Затем ставили перед ним ряд стаканов с крепким чаем, целую стопку блюдец и глубокую тарелку с кусковым сахаром, и он, благословив, брал сахар целыми горстями и рассыпал по стаканам. Быстро мешал ложкой, разливал по блюдецкам и раздавал присутствующим. Он любил такое общение. К этому времени, обыкновенно, к нам на квартиру набиралось много квартирантов из нашего дома; все стремились к батюшке и, во время трапезования, спрашивали о своих нуждах. Иногда он, задумавшись, ничего не отвечал, а другим давал советы или молитвенно поминал. После чая всех благословлял и торопился в другое место. У подъезда опять собиралась толпа, и приходилось батюшку прямо протаскивать к карете.

Часто обвиняли батюшку, что он ездил в карете, что женщины иногда с ним там сидят... Как люди злы, в своей извращенной природе, – кто как не женщины окружали Господа нашего, кто как не они служили Ему своим достоянием? Так и здесь находились богатые люди – женщины, из духовных детей отца Иоанна, которые считали своим счастьем предоставить свою карету в пользование батюшки. А ему лично было все равно, в чем он едет, – он был выше этого.

Когда я был еще совсем юным, отец мой серьезно заболел горлом. Профессор Б. М. Академии по горловым болезням Симановский определил, что у него горловая чахотка. Все горло покрылось язвами, и голос у отца совершенно пропал. Я помню, на Рождество, по случаю такой болезни отца, не делали нам и елки. В доме царил как бы траур, все говорили шепотом, царило уныние; нас, детей, не пускали к отцу. Только в первый день Рождества нас подвели к нему, и он, скорбно и молча, раздал нам подарки. Симановский заявил, что ему осталось жить дней десять, а если увезти, с большими предосторожностями, теперь же немедленно в Крым, то он, может быть, еще протянет месяца два. В это время как раз вернулся в Кронштадт из одной своей поездки отец Иоанн. Послали ему телеграмму. Дней через пять он приехал к нам. Прошел к отцу в спальню, взглянул на него и сразу воскликнул: “Что же вы мне не сообщили, что он так серьезно болен?! Я бы привез Святые Дары и приобщил бы его”. Мой отец умоляюще смотрел на батюшку и хрипел. Тогда батюшка углубился в себя и, обращаясь к отцу, спрашивает: “Веришь ли ты, что я силой Божией могу помочь тебе?” Отец сделал знак головой. Тогда отец Иоанн велел открыть ему рот и трижды крестообразно дунул. Потом, размахнувшись, ударил по маленькому столику, на котором стояли разные полоскания и прижигания. Столик опрокинулся, и все склянки разбились. “Брось все это, – резко сказал отец Иоанн, – больше ничего не нужно. Приезжай завтра ко

мне в Кронштадт – и я тебя приобщу Святых Тайн. Слышишь, я буду ждать”. И батюшка уехал. Вечером приехал Симановский, а вместе с ним доктор Окунев, тоже специалист по горловым болезням. Им сказали об отце Иоанне, и что завтра повезут моего отца в Кронштадт. Симановский сказал, что это безумие, что он умрет дорогой. (Нужно было из Ораниенбаума ехать на санях по морю, а была ветреная морозная погода.) Но отец верил батюшке, и на следующий день закутали его хорошенько и повезли в Кронштадт.

Батюшка приехал на квартиру, где остановился отец, и приобщил его Святых Тайн. Еще два дня прожил отец в Кронштадте, каждый день видясь с батюшкой. Когда он вернулся домой, Симановский был поражен: в горле все раны оказались затянуты; только голос отца был еще слаб. Симановский во всеуслышание заявил: “Это невиданно, это прямо чудо!” – Так совершилось дивное исцеление моего отца по молитвам батюшки. Отец прожил после этого двадцать пять лет.

Через три года после исцеления моего отца родилась у моей второй матери дочь. Еще заранее просили отца Иоанна быть крестным отцом ребенка. Батюшка согласился. Сестра родилась летом, когда мы жили на нашей даче в Финляндии. Отец Иоанн, по нашим сведениям, в то время должен был быть у себя на родине. Решили крестить сестру и записать, как это в некоторых случаях делается, крестным отцом отца Иоанна, так как он дал на это свое согласие. Крещение было назначено на воскресенье после обедни. Вдруг накануне в субботу к нашей даче подъезжает извозчик-чухонец, из экипажа легко прыгивает священник. Мы смотрим – это отец Иоанн. “Вот и я на крестины”, – заявляет он, распахивая двери. Мы были поражены, началась, конечно, суматоха. Батюшка велел послать за местным, дачным священником и принести из церкви купель. Сам же он пошел по нашему саду и восторгался лесом, который окружал нашу дачу. Через час все уже было готово к крестинам. Началось таинство, которое совершал местный священник отец Симеон Нялимов. Отец Иоанн сам держал мою сестру на руках, отрекался сатаны, читал, дерзновенно читал Символ веры, – все исполнил, что полагалось крестному отцу. После таинства он сел на балконе в кресло и говорил: “Ну, теперь радуйтесь. Поздравляю вас с новорожденным младенцем... Теперь я ваш родственник, сроднился с вами. И посмотрите, как я нарядно одет, точно к царю приехал...” И, действительно, батюшка был при звездах и крестах. Со всеми нами он перецеловался и радовался вместе с нами. В это время в саду уже собралась толпа народа, и батюшка с верхнего балкона благословлял эту толпу. Потом он пообедал вместе с нами. Я снял его своим фотографическим аппаратом. И он стал спешить в Петербург, чтобы в этот же день попасть в Кронштадт. Местный помещик прислал ему свой экипаж, и мы его проводили на вокзал, где дачники и финны уже теснились, прося его благословения. Когда подошел поезд, кондуктора взяли его на руки и поместили в отдельное купе. Впоследствии дьякон моей гимназической церкви рассказывал, что он, тот раз, ехал в том же поезде, в котором отец Иоанн ехал к нам. Дьякон, увидав батюшку совсем одного, удивился очень и, сев рядом, спросил, куда он едет. “К Ш. на крестины. Они просили меня, и теперь время ехать”. Батюшке никто не говорил, что у нас родился ребенок, да и не мог сказать, потому что сестра родилась ранее предполагаемого срока.

Впоследствии эта сестра Аня, семилетним ребенком, заболела черной оспой. Отец Иоанн безбоязненно провел по ее лицу своей рукой и погладил ее. А лицо ее в это время все было покрыто язв ми, девочка очень страдала. По ее выздоровлении не осталось никакого следа от этих язв. Одна только маленькая яминка около глаза.

Один раз мой отец предложил мне проехаться в Кронштадт вместе с ним, так как он захотел исповедаться и причаститься у отца Иоанна. Я поехал с ним. Батюшка приехал в Кронштадт к нам, отслужил молебен, выслал всех из комнаты и исповедал отца. После исповеди мне отец говорит: “Исповедуйся и ты у отца Иоанна” – и просит об этом батюшку. Но я не готовился к Причастию и ел в этот день мясо; поэтому я сказал батюшке, что и хотел бы приобщиться, да не могу. Тогда батюшка мне говорит: “Значит, ты не хочешь”. А я опять отвечаю: “Батюшка, я не подготовлен”, – он же, не слушая меня, спрашивает, категорически: “Хочешь или не хочешь?” Я, конечно, хотел и сказал ему это. Тогда он опять выслал всех из комнаты и сказал: “Маловвер, что ты сомневаешься” – и исповедал меня.

На следующий день я приобщился в храме у него и, с легкой душой, вернулся домой.

Другой раз мне пришлось приобщаться у отца Иоанна в Великом посту. Я приехал и пробыл в Кронштадте несколько дней. Батюшку трудно было залучить к себе, и мне пришлось исповедаться на общей исповеди. Пришел я с отцом к Андреевскому собору еще до звона. Было темно – только четыре часа тридцать минут. Собор был заперт, а народу стояло около него уже порядочно. И нам удалось накануне достать от старосты билет в алтарь. Алтарь в соборе был большой, и туда впускали до ста человек. Полчаса пришлось простоять на улице, и мы прошли через особый вход, прямо в алтарь. Скоро приехал батюшка и начал служить утрению. К его приезду собор был уже полон. А он вмещал в себя несколько тысяч человек. Около амвона стояла довольно высокая решетка, чтобы сдерживать напор. В соборе уже была давка. Во время утрени канон батюшка читал сам. После утрени началась общая исповедь. Сначала батюшка прочел молитвы перед исповедью. Затем сказал несколько слов о покаянии и громко на весь собор крикнул: “Кайтесь!” – Тут стало твориться что-то невероятное. Вопли, крики, устное исповедание тайных грехов. Некоторые стремились – особенно женщины – кричать как можно громче, чтобы батюшка услышал и помолился за них. А батюшка в это время преклонил колени перед престолом и положил голову на престол и молился. Постепенно крики превратились в плач и рыдания. Продолжалось так минут пятнадцать. Потом батюшка поднялся – пот катился по его лицу – и вышел на амвон. Поднялись просьбы помолиться, но другие голоса стали унимать эти голоса – собор стих. А батюшка поднял одной рукой епитрахиль, прочитал разрешительную молитву и обвел епитрахилью сначала полукругом на амвоне, а потом в алтаре, и – началась Литургия.

За престолом служило двенадцать священников и на престоле стояло двенадцать огромных чаш и дисков. Батюшка служил нервно, как бы выкрикивая некоторые слова, являя как бы особое дерзновение. Ведь сколько душ кающихся он брал на себя! Долго читал предпричастные молитвы, – надо было много приготовить частиц. Для Чаши поставили особую подставку около решетки. Батюшка вышел, приблизительно около девяти часов утра, и стал приобщать. Сначала подходили те, которые были в алтаре. Среди них подошел и я. Батюшка поднял лжицу, чтобы меня приобщить, поднес ко рту и вдруг отвел и опять опустил в чашу. Меня захолоснуло, и я застыл: значит, я не достоин Святого Причастия, недостаточно каялся на этой общей исповеди (меня действительно все оглушило)... Я стою перед Чашей, и батюшка мне ничего не говорит, а смотрит внутрь Чаши и как бы мешает что-то, потом поднял лжицу, уже с двумя частицами Тела Спасителя, и приобщил.

Я отошел на клирос и стал смотреть, как приобщается народ. Около решетки стояла страшная давка, раздавались крики задыхавшихся. Батюшка несколько раз окрикивал, чтобы не давили друг друга, грозя уйти. Перед батюшкой, чтобы не выбили у него Чаши, была поставлена другая решетка, и народ пропускаться между двумя решетками. Тут же стояла цепь городских, которые осаживали народ и держали проходы для причастившихся. Народ причащался. Довольно часто батюшка прогонял от Чаши и не давал Причастия; главным образом женщин. “Проходи, проходи, – говорил он, – ты обуяна безумием, я предал вас анафеме за то богохульство, которого вы придерживаетесь”. Это он говорил иоанниткам, той секте, которая считала батюшку Иисусом Христом, пришедшим второй раз на землю². Много было батюшке неприятностей и горя от этих иоанниток. Они кусали его, если это можно было, для того, чтобы хоть капля крови его попала им в рот. Батюшка в соборе обличал их и предавал отлучению от Церкви. Но они, как безумные, лезли к нему и ничего не слушали. И даже от Чаши приходилось их оттаскивать городовым. Несмотря на то, что еще два священника приобщали одновременно в пределах храма, батюшка с Чашей, которую он несколько раз менял, простаивал на ногах с девяти утра до двух с половиной дня. Надо было дивиться его энергии и силе. Я достоял до самого конца обедни. По окончании ее Святые Дары еще остались, и батюшка позвал в алтарь всех, кто был там, приобщался, но не

² Сколь более эта оценка может относиться к людям, считающим разных бесплодных индусов новым воплощением Сына Божия.

запивал. Поставив всех полукругом перед жертвенником, держа Чашу в руках, он стал приобщать людей вторично, прямо из Чаши. Удивительно трогательная это была картина! Вечерня Любви. Батюшка не имел на лице ни тени усталости, с веселым, радостным лицом поздравлял всех. К большому для меня огорчению, я уже съел просфоры и не мог войти в этот святой полукруг. Служба, Святое Причастие давали столько сил и бодрости, что действительно мы с отцом не чувствовали никакой усталости. Испросив у батюшки благословение на возвращение домой, мы, наскоро пообедав, поехали на санях в Ораниенбаум.

Когда я стал студентом, все глубже и глубже я начал понимать отца Иоанна и духовно привязываться к нему. Стали мне вдруг труднее даваться науки, ослабела память, – приезжаю в Кронштадт, говорю об этом батюшке; батюшка объясняет мое состояние чрезмерными моими занятиями в гимназии и велит дать отдых мозгу. Я начал духовно привязываться к батюшке, но это были уже последние годы его жизни. Нас он уже стал принимать на своей квартире, как родственников. Однажды я приехал к нему, а он был, очень болен. Матушка, жена его, говорит, что завезли его в какую-то трущобу и там жестоко избили. Матушка вообще мало рассказывала нам про жизнь отца Иоанна. Называла она его “брат Иван”, так как и в действительности он никогда не был ее мужем. Она хотела даже разводиться с ним и подавала на него в суд. Но он был непреклонен, и она смирилась. Теперь она так же состарилась, у нее болели ноги, она не могла самостоятельно передвигаться, но о себе не заботилась, – а только о “брата Иване”.

Она меня просила, если сделается отцу Иоанну хуже, привезти к нему доктора. “Ведь брат Иван докторов не любит, и трудно заставить его принять доктора. Но один доктор Александров ему понравился; когда я вас извещу телеграммой, вы его привезите. Адреса, где он живет, я не знаю, но вы так узнайте...” И, действительно, спустя недели три получаем мы от матушки телеграмму с просьбой привезти доктора. Я уже заранее просмотрел по книге “Весь Петербург” адреса всех докторов Александровых, съездил к ним и узнал, кто из них был у отца Иоанна. После телеграммы я отправился по определенному адресу. Но оказалось, что доктор уехал на Кавказ. Что тут делать? Сейчас же послал ему телеграмму с просьбой указать заместителя. Тотчас же он нам ответил телеграммой и указал другого доктора. Я отправился по новому адресу, тот согласился ехать в Кронштадт, но так как было уже одиннадцать часов вечера, то мы решили выехать уже утром, и утром же были в Кронштадте. Батюшка чувствовал себя немного лучше, как сообщила нам встретившая нас матушка. Доктор присел, чтобы обогреться. Вдруг дверь из комнаты батюшки открывается, батюшка выходит и идет прямо к нам, подходит к доктору и, неожиданно, говорит: “Христос воскрес!” – и троекратно христосуется. Я в недоумении – смотрю на батюшку. Потом он подошел ко мне, благословил меня и позвал доктора к себе в кабинет.

Около часа доктор пробыл вместе с батюшкой. Потом выходит батюшка радостный и говорит: “А ведь вот доктор велел мне воздухом подышать. Пускай заложат лошадь. Спасибо тебе, – батюшка повернулся ко мне, – большое спасибо за такого хорошего доктора”, – и поцеловал меня крепко в щеку. Это для меня было так неожиданно и вместе с тем так радостно, что у меня слезы выступили. Я рад был, что хоть сколько-нибудь услужил батюшке. А он говорит своей жене: “Хозяйка, распорядись накормить В. В. всем, что у нас есть лучшего, накорми обедом, пирогом, который сегодня принесли!” Усадил меня за стол, а сам отправился кататься, вместе с доктором.

На обратном пути в Петербург, когда мы с доктором сели в Ораниенбауме в поезд, доктор мне говорит: “А ведь отец Иоанн действительно подвижник, и все, что про него пишут, все это ложь. Почему он меня встретил возгласим “Христос воскрес!”? – Он воскресил во мне Христа. Я теперь вспомнил: отец Иоанн есть тот священник, который исцелил мою жену от истерических припадков, которые называют беснованием. Она не могла выносить близости креста и икон. Я был тогда молодым врачом в Вологде. Проезжал тогда через Вологду к себе отец Иоанн. Я был ветреным молодым человеком, неверующим, а теща моя была очень верующая, и она попросила батюшку заехать к нам. Он побывал у нас, помолился, возложил на голову моей жены руки, и припадки прекратились. Но я считал это

случайностью, самовнушением; был, конечно, доволен, что жена моя стала здоровой, но не придавал никакого значения силе молитвы отца Иоанна. Даже не поинтересовался, кто он такой и откуда он. И вот теперь, благодаря вашему случаю, я встретил его и убедился, что это действительно подвижник. Мой случай в Вологде батюшка, оказывается, помнит. Там, конечно, было не самовнушение, а исцеление...” Мне было особенно радостно слышать это признание врача.

Это свидание с батюшкой было нашим последним свиданием. Как мне передавали, со слов батюшки, Господь потому не дал ему исцеления, что он сам исцелял многих, а исцеляя, брал болезни на себя, и *должен был выстрадать*.

При втором моем приезде в Оптину пустынь старец Варсонофий сказал мне: “А мне явился отец Иоанн Кронштадтский и передал вас и вашу семью в мое духовное водительство”. И добавил потом: “Вижу я батюшку отца Иоанна, берет он меня за руку и ведет к лестнице, которая поднимается за облака, так что не видать и конца ее. Было несколько площадок на этой лестнице, и вот довел меня до одной площадки и говорит: “А мне надо выше, я там живу – при этом стал быстро подниматься вверх...””

Потом отец Варсонофий рассказал про свою встречу с отцом Иоанном в Москве. “Когда я был еще офицером, мне, по службе, надо было съездить в Москву. И вот на вокзале я узнаю, что отец Иоанн служит обедню в церкви одного из корпусов. Я тотчас поехал туда. Когда я вошел в церковь, обедня уже кончалась. Я прошел в алтарь. В это время отец Иоанн переносил Святые Дары с престола на жертвенник. Поставив Чашу, он, вдруг, подходит ко мне, целует мою руку и, не сказав ничего, отходит опять к престолу. Все присутствующие переглянулись, и говорили после, что это означает какое-нибудь событие в моей жизни, и решили, что я буду священником. Я над ними потешался, так как у меня и в мысли не было принимать сан священника. А теперь видишь, как неисповедимы судьбы Божии: я не только священник, но и монах”. При этом батюшка отец Варсонофий сказал между прочим: “Не должно уходить из церкви до окончания обедни иначе не получишь благодати Божией. Лучше прийти к концу обедни и достоять, чем уходить перед концом”.

Другой Оптинский иеромонах, Варсис, рассказал мне, что с ним произошел тот же случай, что и со мной, когда отец Иоанн меня приобщил двумя частицами Тела Господня. Это, по его мнению, было указанием его монашества. Отец Варсонофий не мог объяснить сего случая, но сказал, что он, несомненно, означает что-то важное. Вообще старец большое значение придавал поступкам священника после того, как он приобщится. “Бывало со мной несколько раз, – говорил старец, – отслужишь обедню, приобщись и затем идешь принимать народ. Выказывают тебе свои нужды. Другой раз сразу затрудняешься ответить определенно, велишь подождать. Пойдешь к себе в келью, обдумаешь, остановишься на каком-нибудь решении, а когда придешь сказать это решение, то скажешь совсем другое, чем думал. И вот это есть действительный ответ и совет, которого, если спрашивающий не исполнит, навлечет на себя худшую беду. Это и есть невидимая Божия Благодать, особенно ярко проявляющаяся в старчестве, после приобщения Святых Тайн”.

В. Ильинский

Около отца Иоанна Кронштадтского

Отца Иоанна я видел два раза.

Впервые мне пришлось видеть отца Иоанна в Киевской духовной академии.

Одиннадцатого сентября в конце девяностых годов я, по окончании лекций, был в числе других студентов в академической библиотеке, когда узнал, что отец Иоанн находится в Киеве и собирается посетить академию. Говорили, что он должен быть в академии сейчас же. Мы, все бывшие в библиотеке студенты, поспешили сдать свои книги и вышли во двор Братского монастыря. Весть о приезде отца Иоанна обошла уже всю академию, и студенты отовсюду собирались группами и оживленно говорили между собой по поводу этого приезда. Однако точно никто ничего не знал. Говорили, что он приехал в Киев по

приглашению генерал-губернатора графа А. П. Игнатьева и что он прибыл еще накануне, но когда он будет в академии и будет ли, это достоверно никому не было известно.

Видно было, что весть о посещении академии отцом Иоанном живо затронула всю студенческую массу.

Студенты не могли похвалиться своей религиозностью и вообще идеалистической настроенностью. Скорее даже напротив. Дисциплина в академии в то время была довольно строгая. Студенты более или менее аккуратно посещали утренние и вечерние молитвы, ходили ко всенощной и на обедню в положенное время и вообще более или менее точно выполняли все требования академического устава, но их внутренняя настроенность далеко не отвечала их внешним действиям. Даже постоянный чтец часов за архиерейским богослужением отличался крайней циничностью, смеялся в своей среде над всем церковным и религиозным и к своему аналою для чтения часов на Литургии являлся нередко после ночи, проведенной в разгульном кутеже, с заспанными глазами и с запахом перегара изо рта; во время богослужения многие студенты усаживались в церкви на полу и читали газеты или книги, а то и просто вели домашние разговоры; на библейские рассказы сочиняли всякие пародии, и так далее, и так далее. Кроме того, в общем, они отличались крайней подозрительностью как в отношении друг к другу, так и вообще в отношении чистоты намерений и действий отдельных лиц. Глубокое противоречие между словами и делами, между теоретическими задачами и практикой воспитания вообще – между тем, что говорят педагоги в духовной школе и как они ведут воспитание здесь, та атмосфера раздвоения, тупого высокомерия и всякой фальши, в которой пришлось каждому из нас провести более десятка лет, при том – в период наибольшей душевной восприимчивости, все это налагало на студентов глубокий отпечаток нравственного пессимизма и нравственной слабости и вместе развивало в них узкий практицизм. Но... лев и мертвый – все же лев, и юноша искалеченный все же носит в самой крови своей задатки высокого идеализма. Под влиянием вести о приезде отца Иоанна у студентов открылись, так сказать, новые нравственные ощущения. Мы как-то сразу почувствовали, что к нам приближается что-то большое, высокое, необыкновенное, но в то же время дорогое всем нам и от этой близости необыкновенного человека в нас самих зажегся огонек новых нравственных порывов. Все другие интересы как-то сами собой теперь отошли на задний план, стали маленькими и ненужными. Наши мысли были заняты всецело отцом Иоанном, тем великим делом, которому он служит: его постоянной готовностью идти на помощь труждающимся и обремененным, его неустанной благотворительностью, наконец – его непрестанным молитвенным горением. О деятельности отца Иоанна каждый из нас много слышал и читал, но доселе отец Иоанн был для нас одной из тех больших исторических фигур, которые из своей дали представляются существами почти что абстрактными. Теперь же, ввиду осязательного его приближения к нам, все мы почувствовали в себе разнообразные живые отзвуки на то, что ранее почти что не трогало или мало трогало нас. Облик прежде хотя и светлый, но в то же время бледный, бесплотный и далекий, почти что внежизненный, теперь материализовался в наших глазах, начинал сиять и влечь нас к себе своей глубокой реальностью... Душевный подъем был – несомненный и совершился он очень быстро. Как лепестки цветка навстречу свету, раскрывались теперь наиболее интимные уголки молодых, но искалеченных сердец, и в этих уголках обнажались семена высоких мыслей и великих дел...

Однако такое состояние продолжалось недолго. Вскоре стали говорить среди студентов, что отец Иоанн не будет у нас. И этому мы также скоро поверили. Имелось налицо и вероятное объяснение. С начальством в академии в то время происходили непрерывные “недоразумения”. Дошло до того, что инспектору стали бить стекла в окнах; стреляли даже в него, правда – из резинового прибора, но все же так, что пробили стекла в двойных рамах. Говорили, что отец Иоанн не захочет посетить среду, столь непочтительную к своим начальникам, и студенты один по одному перешли в столовую – на вечерний чай. Начиналось что-то вроде разочарования. “Если отец Иоанн в самом деле по этим причинам не будет у нас, значит, он не хочет или не может заглянуть в душу поглубже”, – говорили студенты. Мало-помалу в нашей среде об отце Иоанне совсем перестали говорить.

Автор этих строк также отдался впечатлениям, не имеющим, пожалуй, ничего общего с отцом Иоанном. В гардеробной комнате три моих товарища пели Римского-Корсакова “Надоели мне ноченьки”. Я зашел послушать. Чисто русская грустная мелодия рисовала моему воображению и чисто русскую картину: девушку у окна за прялкой, изливающую свою скорбь о покинувшем ее друге, – скорбь с обычным русским терпением, в котором слышится и самообвинение, и примирение с горькой долей, притом особенное примирение, тоже, быть может, чисто русское – без раздирающих душу криков и стонов, проникнутое сознанием неизбежности страданий. Теперь я уже не помню всех слов песни, но память живо хранит заключительную фразу вместе с ее музыкальной передачей: “Я сама ли то его, дружка, прогневала”. В этой фразе сказывается целое мировоззрение и законченная бытовая картина – тяжелая, но в передаче нашего талантливого композитора высокохудожественная и захватывающая...

В скором времени мы все сидели по своим комнатам за своими обычными делами, и маленькие наши текущие интересы совсем отодвинули и заслонили собой переживания, связанные с ожиданием отца Иоанна. Мы были уверены, что его нам не придется видеть. Однако мы ошибались.

В девять часов к нам в комнату зашел студент иеродиакон (болгарин) – почему-то всегда хорошо осведомленный касательно особенно интересующих нас в тот или другой момент вопросов общей важности – и сообщил нам, что отец Иоанн сейчас же должен быть в ректорской квартире. Мы немедленно отправились к зданию, занимаемому ректором, ныне покойным епископом Сильвестром.

На ступеньках крылечка здесь сидел пожилой полицейский чин, украшенный разными знаками отличия. Тут же толпились студенты, пришедшие раньше нас, – сторонних лиц почти не было. Рассказывали, что публика собралась было часов около шести, но ее уверили, что отца Иоанна не будет, и она разошлась. (Позднее я узнал, что к подобной мистификации прибегали почти всюду, где ждали отца Иоанна, – для того, чтобы предупредить большое скопление народа.) Настроение у всех было сосредоточенное, более или менее напряженное. Говорили все вполголоса. Духовные студенты – иеромонахи, иереи и дьяконы – выстроились по сторонам у крылечка. Наиболее освещенное (фонарем) место занимал иеромонах И., в клобуке, с длинной и густой бородой, если не вполне выглядевший анахаретом, то, во всяком случае, производивший довольно цельное впечатление хорошего монаха. Его фигура с лежавшей от нее длинной тенью придавала особый характер всему собранию и не оставалась бесследной для подвижной психики собравшегося здесь юношества. У всех было настроение такое, с каким обыкновенно верующие люди встречают святыню, и как-то само собой вышло, что наши мысли, все наши душевные движения снова оторвались от нашей обыденщины и обратились к чему-то внепространственному и вневременному.

Послышался вблизи топот лошадей. Мягко подкатила карета, щелкнула ручка дверцы. Мы все стали одним вниманием. Никто нам не говорил, но мы знали, что из кареты должен выйти отец Иоанн. Мы ждали, что увидим величавую фигуру или по крайней мере человека с величавыми манерами и медлительной речью, также зовущей в сторону от этого мира, – короче, думали, что встретим святого, как он обыкновенно рисуется воображению русского человека, воспитанного на четь-минеех и аскетической литературе. Но оказалось иное.

Молча благословив несколько человек, ожидавших у самой кареты, отец Иоанн скорым шагом направился к квартире ректора среди расступившихся студентов. Дойдя до иеромонаха И., он вдруг обернулся к нему с приветствием:

– Честь имею кланяться. Вы не инспектор будете?

Сказано это было твердым, звенящим голосом, отрывисто и выразительно, без всякой слащавости, столь обычной в духовной среде.

Отец И. едва успел ответить “нет”, как отец Иоанн, поцеловав его в руку и губы, уже бежал по ступенькам крылечка, слегка побряхтывая, живой, бодрый и веселый. Впечатление получилось неожиданное. Прежняя напряженность у нас исчезла, и мы как-то сразу почувствовали, что в нашу среду вошел человек, далеко не чуждый нам, и что он вошел не из

другого мира, а именно из этого, из того самого мира, в котором мы сами живем и которым мы все, заурядные люди, так интересуемся.

Некоторые из студентов прошли в ректорскую квартиру следом за отцом Иоанном, большинство же осталось ждать его снаружи. Вскоре вышел инспектор и объявил, что отец Иоанн будет в академическом корпусе. Студенты собрались в зале, и сюда действительно через двадцать минут пришел отец Иоанн в сопровождении ректора и инспектора. Студенты встретили его пением тропаря празднику (Рождеству Богородицы). Мне удалось видеть отца Иоанна сверху, когда он только поднимался по лестнице. Наш уже достаточно обремененный годами преосвященный Сильвестр поддерживал отца Иоанна под руку с левой стороны. Высокий и представительный инспектор величаво двигался справа. На половине лестницы отец Иоанн сказал преосвященному Сильвестру: “Мне надо поддерживать вас”, но как они шли дальше, мне было невидно. Одет был отец Иоанн в черную шелковую узорчатую рясу. Студенты говорили позднее, что он был “обрызган” духами, но сам я этого не заметил.

Когда окончилось пение тропаря, отец Иоанн обратился к нам с речью.

– Здравствуйте, однокашники! Я рад видеть вас, побыть хотя короткое время среди вас... Далее он говорил о православии, о Царе, о Синоде, о необходимости твердо держаться заветов Церкви. В своей речи студентов он часто называл друзьями. Говорил он громко, отчеканивая слова, торопливо, даже нервно. Он бросал слова в окружающую его толпу с уверенностью, что они все будут собраны с большой тщательностью. В его металлическом голосе звучала настойчивость и сила убежденности. О форме речи, видимо, отец Иоанн совершенно не заботился. Для него самое главное было – высказаться. Во время речи он нервно оборачивался в разные стороны, и вообще нервность его выступала довольно заметно, но нервность эта была особого рода, казалась возбужденностью торопящегося человека, а не органической слабостью. Получалось впечатление, это он и речь свою говорил на ходу, в движении, с опасением, что ему не дадут высказать все, что нужно. Даром слова отец Иоанн, однако, не обладал. Он останавливался почти после каждой фразы, и часто можно было слышать в его речи: “гм”, “гм”. В конце речи отец Иоанн благодарил студентов за их доверие к нему и уважение и назвал себя счастливым, что видит нас. И это он повторил несколько раз.

После речи студенты стали подходить к нему под благословение. Благословляя, отец Иоанн произносил иногда: “Именем Господним”. Благословлял он так же торопливо, как и говорил. Под благословение подошли решительно все, не исключая и заведомых религиозных скептиков.

Из зала отец Иоанн с группой окружавших его тесным кольцом студентов двинулся в квартиру инспектора, где у подъезда снаружи ждала его карета. Дорогой на лестнице один из студентов протискался к нему с просьбой помочь его больному брату.

– Он немой, – сказал студент.

– Зато вы богоглаголивы, – ответил отец Иоанн.

Вышел из академии отец Иоанн через квартиру инспектора, почти не задерживаясь в ней.

Разумеется, среди студентов, отец Иоанн долго был темой оживленных разговоров. Скептицизм, однако, в конце концов одержал верх в душах студентов и захваченное на момент религиозным движением большинство их скоро перешло к разрушительному анализу, так что в глазах очень многих светлый ореол, окружавший образ отца Иоанна, оказался рассеянным. Эти скептики указывали на то, что отец Иоанн вращается исключительно почти в высших кругах и среди богатых классов, что он привык игнорировать людей низших классов, слишком суров и резок, что в нем нет искренней сердечности, много деланности и светских манер; не нравилось многим, что у отца Иоанна целовал руку архиереев и так далее, и так далее. Были, конечно, и такие, у которых высокое впечатление от отца Иоанна оказалось стойким, но эти высказывались мало. Я по крайней мере не слышал, чтобы кто из них так же громко и решительно говорил за отца Иоанна, как говорили другие против него.

В другой раз мне пришлось видеть отца Иоанна в Кронштадте – года через два.

По личным обстоятельствам мне пришлось в то время быть в Петербурге и даже долго жить здесь.

В Петербурге в то время был едва ли не в апогее своей славы отец Григорий Петров. Я вращался в духовной среде, и здесь о нем много говорили. Отец Григорий в то время читал лекции на курсах для учителей и учительниц, и, судя по тому, что я слышал от одной учительницы, все от него были в восторге. Эта учительница привела мне, между прочим, выдержку из его прощальной речи, которой он закончил чтение своих лекций, действительно красивую. Впечатление от этой выдержки было настолько сильное, что я теперь даже помню существенное ее содержание. Позволю себе воспроизвести ее здесь.

“Народный учитель в школе, – говорил отец Григорий, – это то же, что каменщик в руднике, которому приходится спускаться в глубокое подземелье и разбивать здесь своим тяжелым молотом твердые глыбы, чтобы извлечь из них небольшие блески драгоценного металла. Тяжела его доля. Как Остап кричит он из своего подземелья: “Слышишь, батько”? “Слышу”, – раздается сверху в ответ. На положение народного учителя теперь обращено внимание” и так далее. Я передал только существенные черты главных образов. Обработка их у отца Григория, была лучше моей передачи. Мне хотелось побывать и у отца Григория, и у отца Иоанна, и особенно – у отца Иоанна, хотя о нем около меня говорили меньше.

Я знал, что попасть к отцу Иоанну очень трудно; но один знакомый священник обещал мне содействие – написать одному из кронштадтских иереев, чтобы тот со своей стороны дал мне нужные указания на месте, в Кронштадте.

В Кронштадте я отправился на пароходе с Васильевского острова. Это было в половине мая. Дорогой я познакомился со священником, бывшим старообрядцем, из крестьян начетчиков, – личностью очень интересной по своему отношению как к старообрядчеству, так и к господствующей церкви. Оказалось, что он также ехал к отцу Иоанну и мы стали компаньонами. Вместе мы явились и к обещанному патрону – кронштадтскому священнику; но мои или, вернее, теперь – наши расчеты оказались напрасными. Священник этот принял нас довольно любезно, но вскоре же и отпустил – совершенно ни с чем. Отчасти это было, впрочем, и в порядке вещей. Из-за рясы моего спутника выглядел истый мужичок-землероб, с типичной крестьянской речью и крестьянскими манерами; я тоже не мог внушить к себе интереса; между тем батюшка жил широко, и в соседней комнате среди гостей я видел морских офицеров... Нас постеснялись показать в хорошем обществе...

Первым делом, когда мы вышли на улицу из-под негостеприимного для нас иерейского крова, мы стали искать для себя помещение. Зашли в “Дом трудолюбия”. Но тут слишком дорого запросили за отдельную комнату, а в общей нам не хотелось оставаться. Отсюда мы прошли к собору. Здесь одна женщина, узнав из расспросов, что мы приехали повидаться с отцом Иоанном, стала усиленно звать к себе. Она обещала дать нам отдельную комнату за рубль. Такая плата была посильна для наших тощих кошельков; к тому же женщина уверила нас, что она пользуется большим расположением отца Иоанна и что отец Иоанн непременно будет у нее, как только возвратится в Кронштадт.

– Я и квартиру содержу с благословения отца Иоанна, – говорила она. – Я не здешняя, – бедная вдова: сильно нуждалась после смерти мужа-офицера. Со своим горем я приехала к отцу Иоанну, а он и сказал мне: благословляю тебя держать квартиры для моих приезжающих, и ты будешь сыта. Я так и сделала. И, слава Богу, у меня добрые люди не переводятся...

У нашей хозяйки было несколько комнат. Нам досталась последняя свободная и самая маленькая из них. Хозяйка оказалась очень словоохотливой дамой. Она много рассказывала о прозрениях и чудесах отца Иоанна. Нам был представлен и живой пример исцеления от нервного расстройства девушки-служанки, подававшей нам самовар. Девушка эта, родом из Минской губернии, круглая сирота, очень охотно, последовательно и складно, изложила нам тяжелую историю своих скитаний и своих страданий – душевных и телесных. Из рассказа ее

видно было, что от своего недуга избавлялась она постепенно, да и в то время, по ее словам, она не настолько была крепка, чтобы браться за всякую работу.

Мы заснули очень довольные тем, что случай привел нас в дом, где мы непременно увидим отца Иоанна на другой день. Однако утром его еще не было в Кронштадте. Мы побывали в Андреевском соборе и после молебна (по случаю табельного дня) отправились осматривать стоявшие на рейде военные суда. Мы попали на броненосец “Полтаву”. Все здесь представляло для нас большой интерес: и распорядок жизни, и устройство отдельных помещений, и, наконец, разнообразные орудия для истребления людей и неприятельских судов. Мой спутник положительно был подавлен новизной впечатлений. Объяснения давал нам офицер, и отец Варфоломей то и дело вставлял в его речь свои замечания: “Господи, какая премудрость!”, “Какая премудрость, Господи!”, “До чего дошел человек! Ах ты, Боже мой! Ну и человек!” и тому подобное. А когда мы спустились в машинное отделение, где перед нами были огромные поршни и шатуны, бесконечное число винтов и отдельных механических приспособлений с различными цифровыми показателями – словом – главная двигательная лаборатория судна со своей мускульной и нервной системой и со своими артериями, проводящими пар в различные части металлического организма, отец Варфоломей только вздыхал и качал головой. В его глазах светилась уже растерянность. Было заметно, что все виденное им стало теперь печалить его, хотя смертоносные цели различных приспособлений совершенно затенялись искусством тонких и сложных расчетов механики, так что при осмотре броненосца внимание останавливалось не столько на том, для чего все было сделано, сколько на том, как было сделано..

В свою квартиру мы возвратились часам к шести. Отца Иоанна все еще не было. Мы снова пошли бродить по городу.

Около церковного дома, где жил отец Иоанн, двигались толпы народа. Мы узнали, что его ждут с часу на час, и мы примкнули к ожидавшим. Состав толпы был самый разнообразный; тут были и по праздничному одетые местные рабочие, пощелкивавшие семечки, более и менее веселые и жизнерадостные; эти держали себя “как дома”, хозяевами положения. Но было тут немало и приезжих лиц – в большинстве угрюмых и державшихся особняком. Были тут простые и кокетливые платочки, но были и яркие шляпки, хотя в незначительном количестве. В мужской половине преобладали картузы; котелков было совсем немного. Большинство ожидавших отца Иоанна ходило вдоль улицы, так что улица стала напоминать собой место общественных развлечений.

Около девяти часов разнесся слух, что отец Иоанн в этот день совсем не вернется в Кронштадт. Другие говорили, что он вернется к полуночи. Толпа стала редеть. Отец Варфоломей тоже ушел на квартиру, но я твердо решил ждать, хотя бы до полуночи.

Ночь была светлая, “белая”, по местному названию, напоминавшая ранние сумерки или время перед восходом солнца. Движение на улицах стало сокращаться, и группа ожидавших отца Иоанна растянулась теперь длинной лентой, один конец которой небольшим клубком упирал в открытые ворота его квартиры, а другой терялся вдали по направлению к паровой пристани.

Часов около одиннадцати послышался в конце живой линии человеческих фигур какой-то неопределенный шум. Шум этот быстро рос и приближался. Наконец стал слышен отчетливый крик: едет – едет. Лента колыхалась, свертывалась, запутывалась в большие клубки, снова распрямлялась. Когда все вокруг меня пришло в беспорядочное движение и послышались возгласы: “Батюшка!.. Кормилец наш!.. Вот он!..” – я был уже за воротами, на большом дворе церковного дома. В здание было несколько ходов. У одного из них, налево, стояла группа человек в десять. Нетрудно было догадаться, что через этот именно ход должен был пройти отец Иоанн, и я направился в эту сторону. Шум около дома на улице между тем как-то сразу оборвался. Сзади себя я услышал стук колес быстро движущегося экипажа. Я остановился. Ворота были уже на запоре, однако во дворе собралось много народа. Все бросились к пролетке-одноколке, в которой сидел отец Иоанн, поддерживаемый своим домашним секретарем. Он издали раскланялся со мной и что-то говорил при этом, но

что именно, я не мог разобрать. Когда он вышел из пролетки, мы поцеловались, и я сказал, что прошу его уделить мне пять минут для беседы.

– Только пять минут, – ответил отец Иоанн, – потому что в эти часы я никого не принимаю.

Я пошел за ним в толпе. Когда отец Иоанн поднимался по ступенькам крылечка в свою квартиру, у него стали просить благословения ожидавшие его здесь учащиеся.

– Экзамен у меня завтра. Батюшка, благословите! – говорил гимназист.

– Благословите и меня, у меня тоже экзамены, – говорила девочка в форменном платье.

– И меня благословите! И меня, – слышалось со всех сторон.

Отец Иоанн что-то говорил детям, но что, я также не мог разобрать. Видно было, что у него были отношения к ним самые сердечные, а мальчика-гимназиста он о чем-то расспрашивал.

Квартира отца Иоанна помещалась на втором этаже.

Первая комната, в которую я вступил, была кухня. Из нее дверь вела в столовую, небольшую комнату с обеденным столом по середине и большими киотами с иконами и зажженными лампадами в двух углах. По стенам стояли стулья различной формы без всякой выдержки не только в стиле, но даже и в цвете. Тут же стоял крашенный шкаф для одежды. Стол был покрыт белой скатертью. Из столовой еще две двери вели в две соседние комнаты, но внутренность этих комнат мне была не видна. В общем, обстановка напоминала помещение небогатого сельского священника: все было просто, без каких бы то ни было претензий на комфорт, но в то же время здесь веяло теплом и уютностью.

Когда я вошел в столовую, отец Иоанн был в соседней комнате. Он вскоре оттуда вышел и предложил мне сесть. Он снял с себя на ходу свои регалии и рясу и остался в шелковом небесного цвета подряснике. Рясу он сам же повесил в шкаф.

Светлый подрясник вполне отвечал вообще его светлому виду. Передо мной был человек среднего роста, довольно хорошо сложенный и очень цветущий на вид, с белым чистым лицом и ярким румянцем на щеках, которому никак нельзя было дать его семидесяти лет. Волосы на голове были не густые, короткие и с сильной проседью. Бровей у него почти не было. Небольшие голубые глаза смотрели и сосредоточенно, и живо. От глаз шли к вискам лучеобразные морщины. В общем, у него было большое сходство с известными его портретами. Двигался отец Иоанн быстро, но его ноги, видимо, тяжелели. Слышал он туговато. В движениях рук особенно сказывалась порывистость, но голос его по-прежнему был тверд, звучен, молодежав.

Раздеваясь, он сказал мне, что был на освящении санатория в Виндаве и что там была императрица Мария Федоровна.

Разговаривая со мной, он несколько раз выходил в соседние комнаты. Выходил он и на кухню и с кем-то разговаривал здесь. Я не видел его собеседника и не слышал, о чем он говорил, но было заметно, что тот был возбужден и по временам говорил с плачем. Отец Иоанн слушал молча и только изредка вставлял свои вопросы. И это, по-видимому, успокоительно действовало на говорившего. “Ну, не в деньгах счастье, – сказал наконец отец Иоанн, – ты это помни!” и отпустил собеседника, еще ранее дав ему поручение принести лафиту. Вероятно, это был местный купец.

Свою беседу с отцом Иоанном я начал сейчас же, как вошел в столовую. Говорил я спешно, чтобы не задерживать его. Выслушав меня, отец Иоанн распорядился, чтобы приготовили самовар.

– Мы с батюшкой чайку напьемся, – добавил он.

Сам он говорил мало: или только спрашивал, или вставлял короткие замечания в мои слова.

Служанка между тем подала самовар. Чай отец Иоанн сам принес из соседней комнаты, в бумажной обертке, и сам же заварил. Разливал чай тоже сам. Перед чаем распорядился подать хересу. Когда принесли бутылку, он отослал ее назад.

– Мы еще не обеднели, – сказал он шутливо и приказал подать какую-то другую. Когда подали новую бутылку, он налил две небольших рюмки.

– Пей! Это укрепляет, – сказал он, чокнувшись своей рюмкой о другую рюмку.

– Мне доктора запрещают пить, – сказал я, не столько, впрочем, для того, чтобы отказаться, сколько затем, чтобы выслушать его мнение.

– А я разрешаю, – сказал он решительно.

И действительно, я едва ли когда испытывал более хорошее действие от вина, как в этот раз.

Два стакана чаю отец Иоанн выслал кому-то в соседнюю комнату.

За чаем он спросил меня, где я остановился. Я сказал.

– Почему же не в “Доме трудолюбия”?

– Там дорогие комнаты.

– Вам должны и так дать номер. Скажите от моего имени, чтобы вам дали номер. (Таким добрым предложением я постеснялся воспользоваться, тем более что надеялся видеть его на другой день и на той квартире, которую занимал.)

Я пробыл у отца Иоанна около сорока минут. При уходе он предложил служить с ним наутро Литургию. Я сказал, что не был на вечерне и вообще не готовился.

– Это ничего, – сказал он. Еще когда я сидел у отца Иоанна, я слышал по временам стук в наружную дверь его квартиры. Выходя от него, я заметил у дверей на лестнице несколько мужчин и женщин из простонародья. Видимо, они следовали словам Евангелия: толцые и отверзется.

В квартире меня ожидали с большим нетерпением. О том, что мне удалось добиться у отца Иоанна приема, здесь уже знали и, как только я вошел в комнату, меня сейчас же осыпали вопросами.

Что батюшка говорил? Как принял? Как он себя чувствует и так далее, и так далее.

На другой день народ собрался к церкви в ожидании отца Иоанна еще до звона к утрени; но отец Иоанн приехал в церковь, когда служба уже началась, часов около шести. Во время утрени он часто выходил в соседний придел молиться. Выходил и на клирос. Из алтаря не было видно его, но, когда он показывался народу, это можно было заметить по тому волнению, какое сразу поднималось по временам среди молящихся. По временам слышались истерические выкрики: “Батюшка, дорогой, батюшка!” Одна женщина так громко кричала, что ее вывели из церкви. Канон отец Иоанн читал сам. Входную перед Литургией служащие иереи (нас было пятеро) читали без отца Иоанна.

Служил отец Иоанн своеобразно. Возгласы произносил, по-видимому, с крайним напряжением всего организма; слова не растягивал, по и не сливал, а произносил каждое слово отрывисто и отдельно. Два раза, заметил я, он во время Литургии вытер свои глаза платком. Произносил и свои молитвы. Движения его также были свободны и естественны и, по обыкновению, порывисты. На все окружающее, по-видимому, он мало обращал внимания. Причащал он сам. Двум отказал в причастии – без всяких объяснений. Одна была девушка, почти что девочка – лет пятнадцати-шестнадцати. Когда отец Иоанн сказал, что не станет ее причащать, она растерянно осмотрелась вокруг себя, сошла с амвона, потом снова стала в ряды идущих к причастию. После отпуска отец Иоанн обратился к участникам с поздравлением. “Имею честь поздравить вас с принятием Святых Тайн”, – сказал он и к этим словам присоединил несколько наставлений.

Когда окончилась Литургия, к отцу Иоанну стали подходить с разными просьбами: кто о молитве, а кто – о материальной помощи. С нами служил приезжий откуда-то молодой дьякон, больной и плохо одетый. Он просил помощи на содержание семьи. Отец Иоанн дал ему что-то около восьмидесяти рублей. О помощи просил еще какой-то светский человек; он много и со слезами говорил о своей больной жене. Отец Иоанн дал ему двадцать восемь рублей. Мой компаньон отец Варфоломей получил на свою новостроющуюся церковь сто рублей. Деньги отец Иоанн доставал из кармана своего подрясника, где они лежали в нераспечатанных еще конвертах. Благотворил он охотно и без какого бы то ни было

душевного смущения. Тут же в алтаре он диктовал своему секретарю ответы на телеграммы, получавшиеся в весьма большом количестве.

Вокруг отца Иоанна, в общем, все были в приподнятом душевном состоянии: кто переживал радость возрождающейся надежды, кто – облегчение теперь же удовлетворенной нужды, а кто переживал просто благоговейное чувство, при виде нравственной мощи человека, к которому устремлены взоры тысяч и тысяч людей с самыми разнородными и глубоко волнующими ожиданиями. Но хотя отец Иоанн был центральной фигурой и в алтаре и в храме вообще, все наполнял собой и был предметом исключительного внимания всех молящихся, так что все другие были незаметны при нем; при всем том отнюдь нельзя было чувствовать, чтобы он, единственно большой в среде других, кого-либо стеснял, пригнетал, подавлял. В его отношениях к другим не было заметно и в малейшей степени величия, сознающего свое достоинство и потому всегда если не высокомерного, то, во всяком случае, покровительственно-снисходительного. О нем нельзя даже сказать, что он был как отец в кругу близких ему членов семьи. Скорее тут шло бы другое сравнение – он был как старший и ответственный руководитель среди работников, занятых большим и важным делом. В нем не было заметно ни малейшей сентиментальности, столь обычной у людей недостаточно глубоких, хотя и нравственно-высоких. Работа, дело – вот атмосфера, которая, казалось, была наиболее сродна ему и которую он, казалось, всюду хотел бы создавать вокруг себя, – работа не в смысле, конечно, материальной производительности, а в смысле проявления лучших сторон нашей нравственной природы.

Наблюдения за деятельностью отца Иоанна после службы еще более убедили меня в этом.

По выходе из церкви он только на несколько минут заехал к себе на квартиру, а затем сейчас же отправился служить молебны по домам и причащать больных. В этот день я видел его в “Доме трудолюбия”. Здесь он служил молебны в каждом номере. Кое-где присаживался к столу, наливал себе чаю и угощал чаем хозяев номера. Подаваемый им чай принимался как святыня и сейчас же выпивался, судя по лицам, с глубокой верой в его особенную силу.

Стол с чаем и закусками я видел почти во всех номерах. Оставался отец Иоанн в номерах не более пяти-десяти минут. В коридорах и особенно на лестницах его окружали настолько плотно, что, казалось, люди сами его водили и носили, а он был совершенно лишен свободы движений. Иногда он делал усилия, чтобы освободиться от неловкого положения; в этих случаях он приподнимал голову, но его лицо всегда неизменно светилось радостным возбуждением. Служение молебнов в “Доме трудолюбия” он закончил к трем часам. Если считать, что он встал в пять часов, к утрени, то выходило, что он в этот еще далеко не окончившийся день провел на ногах десять часов подряд. При всем том я не заметил в его лице никаких признаков усталости или просто – чувства тяготы.

Из “Дома трудолюбия” отец Иоанн отправился на пароходную пристань и здесь сел на пароход, идущий в Петербург. Он занял отдельную каюту и не выходил из нее до самой остановки парохода. На нашей квартире, кстати сказать, он совсем не был.

В Петербурге на берегу его также ждала большая толпа народа и, как только он ступил на землю, сейчас же, по обыкновению, охватила его тесным кольцом. Провожавший отца Иоанна полицейский чин был оттерт, и отцу Иоанну пришлось прокладывать себе дорогу к карете собственными усилиями. И это было нелегко для него. Его не только давили люди своими телами, иные, быть может, поневоле стесняя его движения; но другие, особенно женщины, хватались за полы его рясы, цеплялись за рукава и, таким образом, намеренно удерживали его на месте. Я видел развевающиеся над головами окружавших его лиц то правый, то левый рукава его рясы. Это он вырывался из цепких рук излишне восторженных почитателей и – особенно – почитательниц. Можно было думать, что на небольшом пространстве, отделявшем пароход от кареты, он более устал, чем за десять часов служения, бесед и благотворительности.

Когда отец Иоанн сел, наконец, в карету и поехал, толпа и тут некоторое время двигалась следом за ним; а одна женщина бежала за каретой, когда лошади увозили отца Иоанна уже полной рысью. Мне хорошо была видна с парохода ее фигура. Высокая, с

вытянутыми вперед руками, она бежала длинными шагами. Платье на ней далеко отдавалось назад. Платок также развевался сзади ее. Вся ее внешность выражала стремительный порыв. Трудно было решить, чего тут больше – болезненной ли истеричности, когда человек теряет способность правильно расценивать впечатления, тяжелых ли душевных мук, оставшихся неисцеленными, или – быть может – глубоких нравственных запросов, для которых наконец найдена точка опоры? Над женщиной смеялись, но мне она казалась типичным выражением состояния, переживаемого сотнями тысяч и миллионами людей нашего времени, нравственно растерянных, страдающих и ищущих то с надеждой, а то и без всякой надежды, с одной мукой отчаяния...

С отцом Варсонофием я распрощался тут же на пристани. Еще в Кронштадте он убеждал меня перейти к старообрядцам. При прощании свои советы он повторял особенно настойчиво, рисуя передо мной заманчивые, на его взгляд, перспективы. Позднее он даже присылал ко мне и старообрядца для переговоров.

Теперь отец Варсонофий уже покойник, как совершенно случайно узнал я из одного миссионерского органа, где были помещены хвалебные отзывы о его глубокой преданности православию...

Мне довелось видеть отца Иоанна и третий раз, но уже мертвым, в гробу, или точнее – пришлось видеть траурную колесницу с его останками – у Вознесенского моста на дороге от Балтийского вокзала в Иоанновский монастырь. Народ с пением “Святой Боже” шел многотысячной толпой впереди колесницы и сзади ее, густо заполняя всю улицу и растянувшись на большое пространство. Я стоял на одном месте. Проходящие мимо меня ряды только заканчивали пение начальных слов Трисвятого, как подходящие новые ряды начинали пение тех же слов. Так на том пространстве, где я стоял, бесконечное число раз повторялось; “Святой, святой, святой”. Зрелище было очень внушительное. Высокая колесница блестела серебром. Духовенство также было одето в белые ризы. Развевались блестящие хоругви. Таким образом отец Иоанн и в могилу сходил таким же светлым, каким появлялся живым среди людей.

Из воспоминаний протоиерея Павла Левитского

Отец Иоанн скончался семидесяти девяти лет от роду. Возраст весьма преклонный, указанный еще Моисеем, человеком Божиим: *Дни лет наших, в нихже семьдесят лет, аще же в силах, осмьдесят лет* (Пс. 89, 10), но для отца Иоанна как будто небольшой. Кто видел его прекрасное молоджавое лицо, юношескую подвижность и изумительную кипучую деятельность его за девять лет до кончины, тот и подумать не мог, что батюшка уже недолгий житель на этой земле. Наоборот, всем почитателям отца Иоанна хотелось думать, что ему и веку не будет. Тяжелый недуг преждевременно свел отца Иоанна в могилу. По имеющимся у меня данным, любезно сообщенным мне нынешним настоятелем Кронштадтского Андреевского собора протоиереем П.И. Виноградовым в письме от 22 декабря 1911 года, “прихварывать дорогой батюшка стал с 18 марта 1902 года, в 1904 году болезнь его усилилась настолько, что 25 ноября этого года отец Иоанн за слабостью уже не мог служить в соборе, и так болезнь его, то ослабевая, то усиливаясь, продолжалась до февраля месяца 1905 года, когда батюшка опять мог служить”.

В начале января 1905 года болезнь отца Иоанна настолько усилилась, что он пожелал побороться и свое желание изложил в письме к отцу ключарю собора протоиерею А.П. Попову от 2 января:

“Ваше Высокопреподобие! Достопочтеннейший собрат отец Александр Петрович.

Пришло мне на мысль принять Святое Таинство Елеосвящения по чину Святой Церкви, которое и прошу соборную братию совершить завтра, после поздней Литургии, взяв с собой из храма обеденные Дары в потире. При этом моя покорная просьба всей братии совершить Святое Таинство, громко выговаривая все, чтобы я мог слышать, чувствовать и молиться с Вами”.

Согласно просьбе батюшки, соборовали его 3 января после поздней Литургии. Для совершения соборования назначены были три священника из причта Андреевского собора, именно: протоиерей Л.П. Попов, священники П.И. Виноградов и Н.В. Петровский, затем духовник отца Иоанна церкви при Кронштадтской военной тюрьме протоиерей Феодор Бриллиантов и церкви при “Доме трудолюбия” священник Андрей Шильдский. Наконец, по просьбе протоиерея Петра Петровича Преображенского и священника Николая Николаевича Вертоградского, служившего в то время в Кронштадте при кладбищенской церкви, соборный священник П.И. Виноградов хлопотал перед отцом Иоанном, чтобы им было позволено участвовать в соборовании, на что отец Иоанн выразил свое согласие. Таким образом, соборовали батюшку семь священников во главе с протоиереем П.П. Преображенским. Соборование происходило в кабинете. Молящихся здесь было немного, живущие на одном дворе с батюшкой и из Иоанновского монастыря игуменья Ангелина с начальствующими сестрами. Весь народ со слезами и с молитвой стоял стеной на Михайловской улице перед окнами квартиры отца Иоанна. В конце соборования батюшка устал и просил сократить. Час или два спустя после соборования мы с женой приходили проститься с отцом Иоанном: он лежал на постели в подряснике с закрытыми глазами и, казалось, сильно страдал. Все среди глубокой тишины по очереди подходили к нему, кланялись и целовали его руку, прощаясь с ним, может быть, навсегда, ибо надежды на выздоровление по человеческим соображениям почти не оставалось. Но, невозможная у человека, возможна суть у Бога, Единого Врача душ и телес, Который воздвиг от одра болезни раба Своего болящего протоиерея Иоанна и продлил жизнь его еще на четыре года. 27 февраля, в Прощеное воскресенье, батюшка служил первую Литургию после болезни, затем служил весь пост и Пасху, – все четыре года до своей кончины.

Что за болезнь была у отца Иоанна и где ее причина? Тяжелая и неожиданная болезнь отца Иоанна тогда же породила много толков в Кронштадте и в Петрограде. Сущность их сводится к следующему.

В день Святой Великомученицы Екатерины 24 ноября 1904 года отец Иоанн вечером возвратился из Петрограда и, не заезжая домой, проехал прямо к кронштадтскому купцу Я. К. М-ву, жена которого была в этот день именинницей. Ужасный, совершенно больной вид батюшки, еще накануне цветущего здоровьем, поразил и напугал всех. Отец Иоанн ничего не говорил о том, что с ним произошло, но был так слаб, что с трудом, в сопровождении Я. К. М-ва, доехал до дома и слег в постель совершенно больным. Оказывается, в этот день отца Иоанна в Петрограде пригласили якобы служить молебен в одну квартиру на Николаевской улице. Квартира принадлежала сектантам-пашковцам. Последние, когда отец Иоанн приехал к ним, вытолкали или даже не пустили в комнату лица, привезшего батюшку, заперли двери и начали батюшку мучить: бросили его на пол, топтали ногами, в нос набили нюхательного табаку, в рот вставляли папиросы, мяли и давили его так, чтобы повредить внутренние жизненные органы в области живота и через то причинить ему ежечасные страдания и ускорить смерть. Отец Иоанн молча переносил все. Замучить его до смерти, по-видимому, не входило в расчеты злодеев: они или боялись ответственности перед законом за вопиющее преступление, или успокаивали себя мыслью, что батюшка теперь уже не опасен для них и что смерть его есть вопрос недалекого будущего.

Как относиться к этому рассказу?

Теперь, когда прошло десять лет после описанной болезни отца Иоанна, трудно восстановить истину, тем более, что батюшки уже нет в живых. Желая быть беспристрастным повествователем, приведу некоторые соображения: а) как будто подтверждающие правдоподобность сих слухов о причине болезни батюшки и б) отрицающие возможность рассказанного случая.

а) Что случай истязания отца Иоанна имел место и был причиной его тяжелого заболевания в ноябре 1904 года, это подтверждают:

1) удивительное совпадение идущих из разных источников сведений об усилении болезни батюшки к 25-му ноября 1904 года, в каковой день за слабостью он уже не мог служить в соборе, причина же слабости была в том, что батюшка претерпел накануне;

2) характерные признаки болезни: как будто бы все отдавлено внутри и оборвано, что-то попорчено в желудочной области, почему батюшка после болезни почти ничего не ел, совершенный упадок сил, указывающие на механическое повреждение, нанесенное батюшке *совне, со стороны;*

3) распространенность и живучесть рассказов о сем случае до настоящего времени среди лиц, близко знавших отца Иоанна. Так, на двух торжественных довольно многолюдных собраниях почитателей отца Иоанна в 1911 и 1914 годах здесь в столице я оглашал вышеприведенный рассказ о причине болезни батюшки, и никто из присутствовавших не возразил мне ни слова и не сказал: “батюшка, вы говорите неправду” или “ничего подобного не было”, а между тем на собраниях было много лиц, близко знавших отца Иоанна по Кронштадту и по Петрограду и дороживших, как святыней, всеми подробностями его жизни. Наоборот, и во время своего сообщения я слышал неоднократные чистосердечные восклицания слушателей: “Верно, батюшка!”, и после сообщения, беседуя с ними, выносил убеждение, что переданный мной рассказ им известен даже с большими подробностями и что он относится ко второму случаю изуверства, учиненного над отцом Иоанном, а что... первый случай, более ранний, имел место в Вятке, где батюшка был “помят” изуверами.

4) Как дыма без огня не бывает, так и подобные слухи не появились бы, если бы не было самого факта.

5) С поущения Божия, сатана, этот “коварный старец”, как называет его Преподобный Варсонофий Великий, наученный тысячелетним опытом борьбы с христианскими подвижниками, воздвигает против них или свои темные бесовские полчища, как, например, против Преподобного Сергия, Радонежского Чудотворца, в самом начале его пустынного подвига, или злых людей, как против Преподобного Серафима, Саровского Чудотворца, на которого злодеи напали в лесу, повергли на землю, ударив обухом по голове, отчего изо рта и ушей страдальца хлынула кровь, и в беспомощности лежавшего потащили к сеням кельи, продолжая яростно бить кто обухом, кто деревом, кто своими руками и ногами. Врачи, свидетельствовавшие старца после этого истязания, нашли, что “голова у него была проломлена, ребра перебиты, грудь оттоптана и все тело по разным местам покрыто смертельными ранами”. Удивлялись они, как старец мог остаться в живых после таких побоев.

Не напоминает ли нам это мучение Преподобного отца Серафима злыми людьми такого же мучения батюшки отца Иоанна?

б) Против достоверности случая 24 ноября 1904 года говорит то обстоятельство, что рассказ о нем исходит не от самого отца Иоанна, а от других лиц, которые не были очевидцами.

Считаясь с указанным обстоятельством и желая узнать истину о причине болезни отца Иоанна, я обратился с письмом к хорошо известному мне по Кронштадту врачу А. В. К-му, лечившему тогда отца Иоанна и затем оказывавшему медицинскую помощь батюшке до самой его кончины. Служа здесь в Петрограде в Морском корпусе, Алексей Васильевич очень любезно сообщил мне 12 декабря 1914 года по телефону несколько сведений и между прочим о том, что тогда во время болезни он спрашивал отца Иоанна: “Насколько достоверны слухи, ходившие в Кронштадте, что вас, батюшка, помяли?” и что отец Иоанн ему ответил: “Друг мой! Все, что рассказывают, вздор: никто меня никогда не трогал. Был случай: одна женщина укусила мне палец, и только”. По словам Алексея Васильевича, болезнь отца Иоанна, объяснимая его старческим возрастом, требовала для лечения продолжительного времени и покоя, которых он не имел, к тому же и не любил лечиться. Приезжая из Петрограда поздней ночью, усталый, измученный и недугом, и дневными трудами, батюшка хотел отдохнуть часок-другой – вставал он около четырех часов, а между тем сейчас же необходима была ему медицинская помощь, лишь мучительным путем доставлявшая некоторое облегчение страдальцу. Болезнь его усиливалась и осложнялась другими, находя благоприятную почву в некрепком от природы старческом организме. Приглашенные к больному знаменитости медицинского мира, лейб-хирург Н.А. Вельяминов

и профессор Военно-Медицинской Академии С.П. Федоров находили нужным произвести операцию, но отложили ее из опасения, что отец Иоанн, ввиду почти восьмидесятилетнего возраста своего, не переживет операции, умрет во время ее, а ответственность за неблагоприятный исход и неизбежные нарекания падут на них; да и сам батюшка, по видимому, был против операции, предав себя воле Божией. Скончался он от старческой немощи 20 декабря 1908 года.

Вкратце изложенное сообщение представителя медицинского мира о ходе болезни батюшки заслуживает полного внимания за его спокойный деловой характер. Весьма ценно и приведенное здесь свидетельство отца Иоанна, что “его никто никогда не трогал” и что слухи о каком-то нападении на него, ходившие в Кронштадте, недостоверны.

Но возможно еще одно предположение: может быть, отец Иоанн не хотел говорить о нападении на него изуверов? Может быть, претерпев от них все по заповеди Господа: *не противитися злу* (Мф. 5, 39) и простив им от всего сердца как своим личным обидчикам, он оградил уста свои молчанием, дабы дать им возможность избежать наказания со стороны правосудия человеческого? Ведь одного слова, одной малейшей жалобы отца Иоанна было достаточно тогда, чтобы злодеяние их сейчас же было раскрыто, виновные найдены и понесли наказание, но отец Иоанн не обмолвился ни одним словом и предоставил отмщение Господу Богу, поступив так, как поступил преподобный отец Серафим Саровский с напавшими на него крестьянами.

Различие в том, что преподобный Серафим, придя в обитель, не мог скрыть от братии избитого лица, испачканных кровью волос на голове и на бороде, запекшихся кровью ушей и нескольких вышибленных зубов, измятых и окровавленных одежд и, по долгу иноческого послушания, рассказал обо всем случившемся настоятелю и духовнику, а батюшка отец Иоанн ничего не говорил и даже отрицал само нападение, ибо бросающихся в глаза наружных повреждений на его теле, как у преподобного Серафима, не было, о внутренних же более существенных повреждениях, только ему одному ведомых, старец Божий хранил молчание.

Кроме изложенного случая, если только он имел место в жизни отца Иоанна, при объяснении его болезни в 1904-1908 годах, надо иметь в виду то, что отец Иоанн не берег себя: живя для других, он не имел времени подумать о своем здоровье и не мог поддерживать его правильным образом жизни, например, чтобы в положенный час быть дома, обедать, заниматься или отдыхать. Почти целые сутки батюшка был вне своего дома, в разных домах, где должен был принимать угощение, чтобы не обидеть хозяев. Никакая погода его не останавливала от путешествий в Петроград – ни зимняя метель и стужа, ни буря на море весной и осенью. В дороге – на своем пароходике, в вагоне или в экипаже – батюшка забывался кратковременным сном, да и то не всегда, и это был его единственный отдых. Пятьдесят лет такой беспримерной жизни для других унесли с собой и силы, и здоровье отца Иоанна.

Но и другие, для которых он жил и которым вымаливал у Господа здоровья и всяких милостей, почитатели батюшки, не всегда относились к нему деликатно и бережно, сами того не замечая. Их любовь к дорогому батюшке проявлялась с такой неудержимой стихийной силой, что требовались и в церкви, и на улице меры для его охраны; без них можно было опасаться, что народ в своем неудержимом стихийном порыве может смять, придавить, сбить с ног и растоптать дорогого батюшку.

Встав с одра болезни в феврале 1905 года, батюшка не переставал болеть до самой кончины. Ежедневно служил, но только в Кронштадте, откуда выезжать стал редко. Под влиянием, с одной стороны, слухов о том, что батюшка по болезни не служит и приезжих не причащает, а с другой стороны освободительной печати, потоками грязи обливавшей безупречное имя Кронштадтского пастыря, меньше стало приезжать в Кронштадт и священников, желавших послужить с ним, и мирян богомольцев, уменьшился приток пожертвований на имя отца Иоанна, отчего сократилась его благотворительность, в печати реже появлялись сообщения об исцелениях по его молитвам. Такое уменьшение кипучей деятельности батюшки недоброжелатели его объясняли тем, что он отжил свой век и

пережил свою славу и что яркая звезда его померкла и закатилась. На самом же деле телесная храмина его, истонченная недугами, отказывалась служить великому духу, а своей славы отец Иоанн никогда не искал, а искал славы Божией.

Особенное ликование и злорадство в лагере врагов отца Иоанна вызвал его отъезд из Кронштадта 27 октября 1905 года, в день кронштадтских беспорядков. Но ликование было совершенно напрасным и обвинение отца Иоанна в том, что он проявил недостаток мужества, испугался и бежал из Кронштадта в минуту общей опасности, было неосновательным: обстоятельства и время отъезда отца Иоанна из Кронштадта свидетельствуют, что поведение его было вполне безупречным и исключавшим всякие нарекания.

В то время я еще жил в Кронштадте и могу подтвердить, что самой страшной была ночь с 26-го на 27-е октября и что 27-го ранним утром уже приняты были решительные меры к прекращению беспорядков и всякая опасность для мирных жителей миновала. Между тем ночь с 26-го на 27-е отец Иоанн провел в Кронштадте, осведомленный о том, что совершалось кругом, как видно из следующего.

Вечером 26-го некоторые из морских офицеров были у отца Иоанна, просили у него благословения и молитв и, что легко допустимо, поведали батюшке свои опасения относительно ближайшего будущего. Позднее у отца Иоанна были мои родные, которым он говорил: “Кажется, в нас стреляют!” – и утешал их, будучи в обычном бодром настроении. Возвращаясь от отца Иоанна по Николаевскому проспекту в одиннадцать часов вечера, они слышали в стороне гостиного двора ружейную пальбу и жужжание пуль. Это было начало беспорядков. Завладев ружьями, матросы вышли из экипажей и первым делом разбили буфет морского собрания и уничтожили его содержание, затем открыли беспорядочную стрельбу на улицах. Позднее ночью взбунтовавшиеся хотели идти к нам, в гражданскую тюрьму, для освобождения заключенных, которые, по-видимому, сего ожидали, но, смешав гражданскую тюрьму с военной, сбились с пути и пришли в совершенно другую часть города, на северный бульвар к военной тюрьме, где и были схвачены. Благодаря такой счастливой случайности и положению нашей тюрьмы на окраине города, мы ночь провели спокойно и только утром узнали, какая опасность – быть под выстрелами – нам угрожала. Когда около пяти часов утра духовенство Андреевского собора шло к утрени, то выстрелы еще продолжались; посему шли с опаской. Один из псаломщиков рассказывал, что видел на улице валявшихся убитых. Перед утреней, между четырьмя и пятью часами, отец Иоанн в сопровождении ключаря собора отца А.П. Попова *пешком пришел* к коменданту крепости, генералу Тимофею Михайловичу Беляеву (проехать по улицам в экипаже было невозможно), и просил его разрешить служение молебна в Андреевском соборе по поводу переживаемых событий, на что и получил разрешение. От господина коменданта отец Иоанн отправился в собор, в котором, по обычаю своему, служил и утреню, и Литургию. Еще ночью комендант крепости приказал у Северного бульвара поставить пушки и пулеметы и направить их вдоль Николаевского и Михайловского проспектов, чтобы в случае надобности продольным огнем очистить улицы, но надобности в этом не представилось. Принятыми мерами утром порядок в городе был окончательно восстановлен, и мирные обыватели, в том числе, конечно, и отец Иоанн, могли спокойно оставаться в нем, не опасаясь за свою жизнь. Отслужив Литургию, отец Иоанн около девяти часов утра ездил на Песочную улицу, в район морской Богоявленской церкви. Упоминаю об этой подробности потому, что она опровергает ходивший в Кронштадте слух, что батюшку еще до заутрени или насильственно, или обманом, сонного посадили в карету и увезли на пароходную пристань для следования в Петроград. Ничего подобного не было, а в двенадцатом часу дня отец Иоанн на обыкновенном извозчике приехал на пристань и затем на пароходе уехал из Кронштадта, через Сестрорецк, в Петроград. Таким образом, как добрый пастырь стада Христова, отец Иоанн стоял на Божественной страже в часы наибольшей опасности от вторжения хищных волков, именно вечером, когда успокаивал приходивших к нему, ночью, когда пламенно молился Господу, не смыкая очей, и ранним утром, когда под выстрелами пешком шел к коменданту крепости и от него в собор; не успел еще батюшка кончить Литургию и выйти из

собора, как явились помощь и избавление. Исполнив свой пастырский долг в Кронштадте, отец Иоанн, шесть дней перед этим не выезжавший из него, поехал туда, где присутствие его было более необходимо. Без него около часа дня в Андреевском соборе соборным духовенством, во главе с протоиереем А.П. Поповым, был отслужен молебен для искавших подкрепления в молитве.

28-го октября состоялось мое перемещение в Петроград. Надо было уезжать из Кронштадта, где в молитвенном общении с отцом Иоанном счастливо протекли первые годы моего священства. 12-го ноября вечером, накануне отъезда, я пришел к батюшке проститься. Никогда не забуду того трогательного радушия, с которым меня приняли в семье отца Иоанна все, начиная с его супруги, матушки Елизаветы Константиновны, в то время уже почтенной старушки, отличавшейся кротостью и смирением. В объяснение трогательного приема, естественного при прощании с отъезжающим, могу указать на то, что у меня в Реальном училище учился внучатый племянник матушки, прекрасный мальчик И. Ш., очень ко мне привязавшийся и очень сожалевший о моем уходе. Он постоянно бывал у своих “дедушки и бабушки”, как называл отца Иоанна и глубокоуважаемую матушку Елизавету Константиновну, рассказывал им об уроках Закона Божия, обо мне и о том, как утром 12-го ноября учащиеся прощались со мной и на прощании поднесли мне икону, а он при этом говорил речь своего составления. Матушка Елизавета Константиновна очень любила и баловала своего маленького внука, славного и способного второклассника реалиста и свою любовь перенесла и на меня, его законоучителя. Меня провели в столовую – небольшую комнату с двумя окнами, между которыми стоял стол, а над ним в простенке висел писанный красками во весь рост портрет отца Иоанна, сохраняющийся на этом месте и по сие время. С правой стороны стола у окна в кожаном кресле сидела супруга отца Иоанна, тут же был ее внучек. Через некоторое время из кабинета вышел отец Иоанн: он был в светлом шелковом стеганом на пуху подряснике. Струя холодного воздуха вместе с ним ворвалась из открытой двери кабинета. Вся фигура отца Иоанна дышала свежестью и небесной чистотой: он явился как светлый Ангел из Горнего мира, в сиянии неземной красоты, и принес с собой радость и счастье. Батюшка узнал меня и назвал по имени. Ласково поздоровавшись, посадил около себя, начал расспрашивать о моей новой службе и припомнил, что он бывал в Мариинском институте по приглашению начальницы института. Как радушный хозяин, отец Иоанн сам налил мне стакан чаю и положил в него сахару, затем налил рюмку прекрасного вина и угостил любимым кушаньем жителей Архангельской губернии – тресковыми котлетами. В разговоре и в угощении принимала участие и матушка. После чаю я попросил отца Иоанна подписать купленный мной его большой фотографический портрет. Батюшка сейчас же написал на нем: “Достопочтенному собрату и сослуживцу, отцу Законоучителю Мариинского Института, Иерею... в знак братского молитвенного общения. Кронштадтского Собора Настоятель, Протоиерей Иоанн Сергиев. 12 ноября 1905 года”. Затем батюшка пошел в кабинет и вынес оттуда две книги своих проповедей и дал мне их на память. Это были: третий том его сочинений (издание первое, Спб, 1892 год) и слова, произнесенные им в 1903 году (издание первое, Кронштадт 1904 год). При прощании отец Иоанн несказанно обрадовал меня тем, что изъявил полное согласие на исполнение моей просьбы частного, семейного характера. Те недолгие минуты, которые мне пришлось провести в семье отца Иоанна, были счастливейшими в моей жизни. Сам отец Иоанн, его ясные лучистые глаза, света которых невозможно было выносить, его голос и обращение; матушка Елизавета Константиновна в черном шелковом платье и с черной кружевной наколкой на голове, с любовью и внимательно слушавшая каждое слово своего супруга, с которым протекла вся ее жизнь; наконец, вся обстановка столовой с печатью достатка во всем, но без роскоши, живо встают перед моими глазами. Как будто бы их видел вчера, а не десять лет тому назад. Матушка Елизавета Константиновна ласково простилась со мной и уже простилась навеки. Мне не пришлось больше видеть ее в живых, а видел ее умершей, участвуя в служении заупокойной Литургии, в отпевании и погребении ее тела в ограде Кронштадтского Андреевского собора и в молитвенном поминовении ее в сороковой день после кончины, чем до некоторой степени отблагодарил ей за привет и гостеприимство. Вечная ей память!

13 ноября директора Тюремного Комитета подносили мне на прощание святую икону и адрес. Эти знаки внимания мне очень дороги, между прочим, потому, что соединяются с именем отца Иоанна: на адресе первая собственноручная подпись принадлежит ему, как директору Тюремного Комитета, точно также на обратной стороне святой иконы имя отца Иоанна стоит первым среди директоров Комитета, почтивших меня такой высокой честью.

18 ноября, согласно своему обещанию, отец Иоанн приехал ко мне на крестины моей дочери и был ее восприемником. Чин крещения предположено было совершать в моей бывшей тюремной квартире, куда батюшка и прибыл около часа дня со своим псаломщиком И.П. Киселевым. Для своей крестницы батюшка привез даже золотой крестик.

Все положенные для восприемника слова и действия он произносил и совершал истово, с глубоким благоговением, стоя около святой купели рядом с восприемницей. Особенно умилительна была минута, когда отец Иоанн, восприняв младенца от святой купели и с нежностью и любовью держа его на руках, предшествуемый священником, ходил кругом купели и пел вместе со всеми: “Елицы во Христа креститесь”... Пение было одушевленное и прекрасное, ибо собрались знатоки этого дела; голос батюшки как бы покрывал всех. В его голосе, как и во всем его существе, чувствовалась живая радость, что отроча, родившееся в мир, соделалось чадом Божиим, крестившись и облекшись во Христа. По окончании крещения сам батюшка отнес младенца к матери, поздравил ее, затем откушал чаю и вместе со всеми разделил трапезу. Рассказываю об этом случае потому, что он дает право увенчать преподобный лик отца Иоанна еще одним чудным благоуханным цветком: любовью к братьям – пастырям, готовностью доставить им радость и самому радоваться с радующимися.

С переселением в Петроград я лишился возможности часто видеть отца Иоанна и принимать его у себя в доме; виделся с ним лишь в Андреевском соборе, когда приезжал в Кронштадт послужить с батюшкой, но ни разу не встречал его в Петрограде и ни разу не беспокоил его просьбами посетить меня здесь, как бывало ранее в Кронштадте. С каждым приездом к батюшке замечал, что здоровье его становилось все хуже и хуже: розовый цвет лица его сменился темным и болезненным, продолжительные церковные службы были ему уже совершенно не по силам, служил он поспешу и причащал немногих. Тревожные вести об ухудшении его здоровья особенно в последний год жизни достигали до Петрограда, но не хотелось им верить; наоборот, хотелось успокоить себя мыслью, что болезнь еще не так опасна и что батюшка поживет. В последний раз мне пришлось служить с ним после Пасхи 1908 года, перед отъездом его в Вауловский скит, где отец Иоанн прожил с мая по август месяц. По словам матушки Евпраксии, игуменьи сего скита, отец Иоанн очень любил живописный Вауловский скит и по летам приезжал отдыхать сюда. О себе рассказывал, что умеет косить и жать, чему научился на родине в молодые годы, и что еще в детстве не любил сидеть без дела. По просьбе матушки Евпраксии – благословить жниц перед отправлением их в первый раз на жатву – отец Иоанн благословил серпы и сам раздал их всем, причем, вручая серп, каждой в отдельности говорил наставление. Молитвам батюшки сестры приписывают то, что имеют теперь хорошую воду для питья: узнав от сестер, что скит в первое время нуждался в хорошей воде, отец Иоанн помолился Богу и указал место, где надо было рыть землю: стали рыть и открыли источник хорошей питьевой воды.

Живя в Ваулове летом 1908 года, батюшка тяжело страдал от усилившейся болезни: целые ночи проводил без сна, сидя в кресле, ибо лежать не мог. Однажды, рассказывала мне матушка Евпраксия, я пришла к батюшке и вижу: сидит он в своем кресле с закрытыми глазами и творит умную молитву. Тяжело ему, но ни ропота, ни стоны. Жалко мне его стало до слез, а как помочь и утешить? Думаю: помолюсь за него. Читаю в уме тропарь Успению Божией Матери, у меня в угольнике икона этого праздника, и вижу, что батюшка лицо свое обратил к этой иконе и поклонился. Начинаю читать: “Заступнице усердная...” Батюшка поклон Казанской иконе Божией Матери. Видимо, дорогой батюшка читал в моей душе.

По возвращении из Ваулова в Кронштадт отец Иоанн среди тяжелых страданий прожил всего четыре месяца.

Известие о кончине его утром 20 декабря, с быстротой молнии в тот же день распространившееся в столице, побудило меня с семьей ранним утром 21-го выехать в Кронштадт. Я уже не застал выноса тела отца Иоанна из квартиры в Андреевский собор, а участвовал в служении панихид и парастаса, который со всей торжественностью и благолепием совершен был Преосвященным Кириллом, Епископом Гдовским. Всю ночь без перерыва у гроба служились панихиды кронштадтским и приезжим духовенством. Всю ночь непрерывной лентой прощались с почившим его духовные дети и прихожане. Весь Кронштадт от мала до велика перебивал у дорогого гроба. Каждому хотелось в последний раз приложиться к исхудавшей деснице батюшки с небольшим деревянным крестом в ней. Литургию в семь часов утра совершал Преосвященный Кирилл с сонмом духовенства. Мне Господь судил принять участие как в служении Литургии, так и в проводах тела почившего до столицы. Особенно трогательно было то, что почившему оказаны были воинские почести. С крестным ходом, под печальный перезвон колоколов, под величавые звуки “Коль славен”, духовенство, военные и светские власти и бесчисленное множество народа провожали смиренного служителя Церкви и вместе доблестного слугу Царя и Отечества. Путь пешком от Кронштадтских ворот до Ораниенбаума был не из легких, ибо лежал по неокрепшему и гладкому, как зеркало, льду, покрытому местами водой, при свежем ветре с моря. Дубовый гроб с телом почившего в городе везли на погребальной колеснице, а по льду – на дрогах, установленных на полозья. Когда подходили к Ораниенбауму, уже начинало темнеть. Местное духовенство, во главе с Преосвященным Кириллом, на берегу моря встретило погребальное шествие. Весь Ораниенбаум собрался к вокзалу. Стоявшие на площади перед вокзалом войска воздали усопшему военные почести. Гроб был внесен в траурный вагон, отслужена лития и поезд отошел в столицу по тому пути, по которому так часто отец Иоанн проезжал живым. В этом же поезде следовали Преосвященный Епископ Кирилл, духовенство, провожавшее гроб из Кронштадта, и родственники почившего. Не описываю встречи и проводов гроба в Петрограде: ибо не был очевидцем и не участвовал в них, утомленный как продолжительным богослужением накануне и в этот день, так особенно непривычным путешествием по льду из Кронштадта в Ораниенбаум.

Михаил Меньшиков

Памяти святого пастыря

Сегодня Петербург хоронит отца Иоанна Кронштадтского. В день смерти, как мне передавали, были такие сцены. Священник вышел после всенощной к народу и сказал: “Теперь отслужим панихиду по молитвеннике земли русской, по отце Иоанне Кронштадтском!” Как сказал он это, народ на минуту замер. Точно ветер шелохнулся тихий ужас, и раздалась рыдания. Бабы заревели, заплакали дамы в шляпках... Не стало “батюшки отца Иоанна”!

Умер человек воистину исключительный, можно сказать – единственный по близости к народному сердцу. Какие бы великие наши люди ни умирали – Достоевский, Тургенев, Чайковский, Менделеев, – их смерть производит впечатление лишь в небольшом культурном слое, совершенно не проникая в глубины народные. Гораздо обширнее чувствуется смерть замечательных полководцев, Суворова или Скобелева, носителей народного героизма, но и их имена почти чужды женской половине населения. Только “святой” объемлет все воображение народное, всю любовь, и особенно восторженную любовь наиболее любящей половины нации – женщин.

За эти тридцать лет ни один человек в России не сосредоточивал на себе такого всеобщего поклонения, как “кронштадтский батюшка”. Сколь ни громадна слава графа Л.Н. Толстого, он подавляющему большинству простонародья не известен вовсе. С именем его не соединено таинственных, заветных чувств, что связывают с “отцом Иваном” всякую деревенскую бабу, всякого пастуха, всякого каторжника в рудниках Сибири. Да, даже каторжники – кроме немногих, изгладивших имя Божие из своей души, – знают об отце Иоанне, и представление о нем в них светит, как свеча перед божницей совести.

Заслуженно или нет, отец Иоанн занимал, более чем кто-нибудь, психологический центр русской народной жизни. Он умер в преклонных годах. Преимущество великих людей – не умирать душой. Разве это не чудо последнее чудо святого священника, что хотя он умер, но именно теперь и ожил перед всеми, утвердился навсегда и один уже образ его, непрерывно возобновляемый, начинает нескончаемую работу? Разве святой Николай Чудотворец умер? Разве он не продолжает влиять существеннее, чем при своей жизни, на поступки, то есть на судьбу целых сотен миллионов народа?

Я помню отца Иоанна еще тридцать пять лет назад, до возникновения его шумной славы как чудотворца. Меня поразила прежде всего манера его службы, единственная, какую я слышал когда-нибудь. Все священники и дьяконы на ектениях возглашают нараспев, с установившеюся веками благолепной певучестью. Отец Иоанн возглашал просто, точно разговаривал с кем-то громко, то понижая, то повелительно возвышая голос в самых неожиданных местах. Вначале это мне казалось признаком эпилепсии. Потом я понял, что это от искренности, от самозабвения во время молитвы.

Впоследствии я не раз встречался с отцом Иоанном. Вторая его памятная черта – светлый взгляд и всегда как бы освещенное изнутри лицо. Глаза его – светло-голубые – были женские по яркой нежности; голос был простой, как у северян, несколько резкий, без всякой елейности. На моих глазах отец Иоанн выступил как угодник Божий. Одно из чудес (если их можно назвать чудесами) я видел – как, подобно Христу, простым наложением рук отец Иоанн остановил нервный припадок. Я наблюдал общую исповедь батюшки, необыкновенно трогательную. Ее сто раз описывали. Видел, как, благословляя тысячи народа и давая целовать крест, отец Иоанн молился вполголоса в сдержанном, высоком пафосе. Слышал проповеди отца Иоанна, не производившие, впрочем, на меня впечатления. К несчастью, он когда-то окончил духовную академию, и она наложила, сколько могла, свое мертвящее влияние даже на этот огромный дух.

Отец Иоанн проповедовал не столько словом, сколько “подвигом добрым”, примером жизни. Девизом его было: “Священницы Твоя облекутся правдой”. Я кое-что читал из ученых сочинений отца Иоанна, например, замечательное исследование о кресте, просматривал его знаменитый дневник “Моя жизнь во Христе” и находил там, как у Фомы Кемпийского, не только страстную, неугасимую веру в Бога, но иногда удивительную силу мысли, поэтическую, как в псалмах Давида. Живя в Кронштадте, я мог наблюдать отца Иоанна ближе, чем приезжие. Этот праведник был тем примечателен, что никак не слагался в театральные облик “святого”, не впадал ни в аскетизм, доходящий у нас (в лице юродивых) до цинизма, ни в святошество, ни в ханжество. Я знал, что отец Иоанн – подвижник, что он почти не спит и молится, встает рано – и у себя в садике при бедной квартире, гуляючи, все молится.

Скромность его доходила до того, что, например, он не позволял в бане мыть себя и сам скорехонько мылся, когда никого не было, и уходил. И это в то время, когда в ванну, из которой он вышел, считал за великое счастье сесть один бывший губернский предводитель дворянства. Я сам видел, как к недопитому батюшкой стакану чая устремлялись женщины и, крестясь, благоговейно допивали. И, уже зная, как он прославился на земле, он не то чтобы сохранял смирение, но действительно был скромнее до наивности.

Помню, сидя за завтраком после поездки в Берлин, куда его приглашали помолиться за хворавшего нашего посла, отец Иоанн совершенно по-детски описывал, с каким почетом его встречали. Видимо, вместе с народом он сохранял уважение к чину власти, к боярам и вельможам, хотя маловерные из знати терпели гнев его – прямо пророческий. Известно, с каким ожесточением отец Иоанн осуждал графа Л.Н. Толстого. С одним из учеников Толстого, князем Х., он не хотел даже говорить, почувствовав сразу его безверие.

Мне пришлось два раза обратиться к отцу Иоанну от имени погибавших приятелей. Один был революционер, присужденный к смерти и сосланный на каторгу, – ему нужно было освятить крест, посылаемый родителями. Другой был умиравший в чахотке поэт Надсон. Близкая ему М. В. В. просила меня устроить, чтобы отец Иоанн помолился о нем. В обоих случаях – особенно в первом – отец Иоанн был ласков и прозорлив в своем участливом

молчании. Он точно видел и слышал что-то тайное – не факт, а суть факта. Последний раз я встретил отца Иоанна при посещении им чайной общества трезвости, где я когда-то работал с сенатором Барыковым. Всегда он был крайне прост и лишен всего показного.

Хулители отца Иоанна утверждали, будто его деятельность была направлена на добывание денег, что все его молебны и благословения будто бы оплачивались. Грубая клевета! Сколько мне известно, он никогда ничего не просил. Что предлагали, брал, но для передачи нищим. Весьма возможно, что его обманывали и около него наживались. Ведь через его руки проходило более миллиона в год. Сам он ходил в последние десятилетия в роскошных, подаренных ему шубах и рясах, снимался в орденах и митре, но, я думаю, он делал это не для своего удовольствия, а чтобы не обидеть тех, кому это было приятно. Роскошь одежды иным резала глаза: какой же это святой – не в рубище? Но, может быть, тут было больше смирения, чем спеси. Помните слова Сократа цинику Антисфену: “Твоя гордость смотрит из дыр плаща”?

Подобно Христу, отец Иоанн ел и пил с грешниками, может быть, с блудницами, ел иногда тонкие блюда. Он, сын дьячка, выросший в крайней бедности, пил тонкие вина, но на моих, например, глазах он едва притрагивался ко всему этому. Веточка винограда, глоток вина, не более. Дома же ему почти не приходилось бывать, и в мое время обстановка его квартиры была очень скромная. Наконец, разве в этих пустяках человек? В одежде, в пище, в мебели? “Дух Господень на мне!” – вот что вместе с Исаией чувствовал с неизреченным счастьем покойный старец. В него веровали, как в чудотворца. Вообразите же безмерную радость знать, что ты избранник Божий, что Господь действительно тебя слушает и на мольбу сердца твоего снисходит!

В дневнике отца Иоанна записаны случаи чудес, им совершенных. Записи эти иногда отличаются детским чистосердечием. “Я молился о нем (некоем Василии), – пишет он, – Господу, чтобы Он исцелил его. Господи! – говорил я,– исцели раба Твоего от болезней его. Достоин есть, ему же даси сия, любит бо священников Твоих и дары своя присылает им”. Молился и в церкви у Престола Господня за Литургией, во время молитвы: “Иже общия си и согласныя даровавый нам молитвы...” и перед самыми Тайнами. Я молился, между прочим, так: “Господи! Животе Наш! Как мне помыслить легко об исцелении, так Тебе исцелить легко всякую болезнь; как мне помыслить легко о воскресении из мертвых, так Тебе легко воскресить всякого мертвеца. Исцели убо раба Твоего Василия от лютой его болезни и не допусти его умереть, да не предадутся рыданию жена и дети его”, – и благопослушливый Владыка помиловал. А то был на волосок от смерти. Слава всемогуществу, благодати и благопослушеству Твоему, Господи!”

Вот как бесхитростно молился праведный батюшка. Восхитительна эта наивность веры и интимность отношений к Богу. Вы чувствуете, что престол в алтаре для отца Иоанна был действительно Престол Господень и Святые Тайны действительно тайны – во всем грозном величии влагаемого в них верой чуда. Подумайте о претворении вина и хлеба в Кровь и Плоть Божию! Подумайте о перерождении природы человеческой в Божественную! Греческие мудрецы, зачинатели нашего культа, может быть, довольствовались символами, но вот чистое дитя Севера, как и весь наш северный народ: им мало символа, они верят в Бога реально, как в свою жизнь. Предстатель за народ свой перед Богом совершенно как добросовестный слуга, упрашивающий хозяина, действует доводами чисто практическими и наконец убеждает “благопослушливого” Создателя. Это, пожалуй, и есть настоящая вера, и иной, вероятно, быть не может.

Горе вам, — сказал Христос, — когда все люди будут говорить о вас хорошо! ибо так поступали со лжепророками отцы их (Лк. 6, 26).

Только фарисеи и лицемеры ухитряются не иметь врагов и быть всеми уважаемыми. Христос и апостолы имели много врагов и погибли от их лютой злобы. Не мог не иметь врагов и праведник Кронштадтский. Насмешливым презрением он пользовался со стороны нигилистов и интеллигентных безбожников, которых сам он насмешливо презирал. С оскорбленной завистью относилась к нему значительная часть духовенства, главным образом – высшего. Митроносцы со сверкающими бриллиантами на клобуках, украшенные

омофорами и панагиями, не могли не чувствовать, что при всем своем академическом либерализме, при всей тюбингенской светскости взглядов, при всем искусстве царедворства они бесконечно ниже кронштадтского священника, ниже в глазах Божиих и в глазах народных. Без долгих споров в народе установилось, что он настоящий, а они как будто не настоящие. При современном искусстве подделки алмазы Тэта изумительны: их трудно отличить от природных, но цена им все-таки полтора рубля. Этого никак не могли простить великому священнику земли русской, и его затирали долго, сколько могли. Лишь незадолго до смерти, когда он стал совсем немощен, он удостоился назначения в Синод – он, которого часть восторженных поклонников провозгласила живым Христом, сошедшим с Неба!

Отец Иоанн сурово порицал поклонение иоаннитов, предавал их анафеме, но, конечно, для него была еще большее затаенная ненависть к нему и антииоаннитов. Как я писал три года назад, более решительное, чем у нас, правительство воспользовалось бы драгоценным случаем, чтобы в лице отца Иоанна – признанного заживо святым – начать новую линию патриархов всероссийских, но разве чиновники Святейшего Синода заботятся о величии русской Церкви? Третьим, самым грязным и низким врагом великого священника явилась еврейская пресса. В течение трех лет она, пользуясь оплошностью господ министров-октябристов, ежедневно глумилась над благочестивым старцем, издевалась над его чудесами, над его милостыней, над благоговением его поклонников. Сочинялись клеветнические легенды, сквернилась женская к нему преданность, оплевывался народный порыв. Как известно, отец Иоанн мужественно выступил против нашей революции и в церковных проповедях напоминал власти ее долг подавлять смуту.

Не только народу, но и начальству отец Иоанн предложил к исполнению знаменитую 13-ю главу послания к римлянам. “Начальник не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое”. Начальство русское с изумлением узнало, что употреблять меч обязывает сам апостол. Евреи не простили этого отцу Иоанну. Взяв под свое покровительство Льва Толстого, отрицающего Церковь и государство, они обрушились целым извержением грязи на отца Иоанна, ставшего на защиту Церкви и на защиту государства.

Оба великих сверстника, кронштадтский и яснополянский старцы, полярно противоположные по духу, составляют гордость России, ибо оба выражают с исключительной силой наш национальный гений. Толстой воплотил в себе могущество оторвавшейся от народа аристократии: знатный, богатый, художественно одаренный Толстой вместил в себя все утверждения и все отрицания мира. Выросший под громадным влиянием Руссо и Шопенгауэра, Толстой доразвился в наитиях Будды и Лаоцзы.

Не то отец Иоанн: подобно Ломоносову, он вышел из народа, из глухих северных преданий, из той благочестивой старины, которая осталась в полузабытом прозвище: “Святая Русь”. Невдалеке от освещающих север, точно полярное сияние, гробниц угодников соловецких отец Иоанн воспринял свое озарение веры, свою глубокую приверженность к непостижимому Богу, свою страсть к Христу и к общению с ним через трогательные обряды, древние, как сам народ, священные, как родное прошлое. Бурно мятущийся и гневный Толстой – самое великое, что создала интеллигенция наша. Неподвижный и пламенный в своей вере отец Иоанн самое великое, что создал простой народ за последние восемьдесят лет.

Отец Иоанн – носитель народной культуры, от Антония и Феодосия Печерских, от Сергия Радонежского до Тихона Задонского и Серафима Саровского. Плоть от благороднейшей плоти народной, кость от кости его, кронштадтский старец не мечтал только о Святой Руси, как Толстой, а сам был Святой Русью, сам нес ее в своем сердце! Вот почему народ сразу признал его своим, как все сразу видят светильник на верху горы.

Не только Православие русское, мне кажется, в лице святого священника все христианство утратило величайшего своего предстателя. В самом деле, поищите в теперешнем павшем христианстве такое же горение веры и ту же для народа ощутимую благодать Духа Святого с прерогативами апостолов – исцелять тела и изгонять бесов! Poiщите этих евангельских даров Христа у восточных патриархов, у западных генерал-

суперинтендантов, у кардиналов и самого папы! Именно в России родился и умер последний христианин, какого знает мир. Да будет мир его святой душе! Пусть, помяная народного отца, своего батюшку Иоанна, все сильное и пророческое, что осталось еще в России, скажет словами Елисея к отходящему Илии: *Дух, который в тебе, пусть будет на мне вдвойне* (4 Цар. 2, 9).

1908 г.

Митрополит Вениамин (Федченков)

Отец Иоанн

Приступать к воспоминаниям о приснопамятном отце Иоанне мне всегда бывало особенно трудно: слишком он был высок; а я – грешный. И лишь ради пользы других принимаюсь за описание моих личных впечатлений о нем. Начинаю писать в больнице (в городе Бруклине), лежа от болезней.

Краткая биография

Буду записывать, что осталось в памяти из прочитанных книг и из виденного мною лично.

Отец его, Илья Сергиев, был простым псаломщиком в селе Сура Пинежского уезда Архангельской губернии. Мать его звали Феодорой. Насколько можно судить по разным данным, отец был человеком уравновешенного кроткого нрава, а мать, несомненно, была чрезвычайно энергичной женщиной, со взглядом орлицы. Отец обладал тонким каллиграфическим почерком, который передался по наследству и сыну, но от матери перешли в почерк будущего светильника порывы силы.

Кроме мальчика, были в семье и девочки. Ребенок родился хилым, поэтому его поспешили крестить в день рождения, 19 октября 1829 года, в день памяти болгарского подвижника Иоанна Рыльского, именем которого и назвали младенца. Когда он стал подрастать, его начали учить грамоте и отдали в школу. Но первоначальная мудрость сложения букв в слоги давалась мальчику с трудом. И вот, рассказывал потом сам батюшка, стал он на колени и начал горячо молиться, чтобы Господь открыл ему разум к учению. И вдруг в голове его точно сняли какую-то пленку, и он стал понимать все ясно. А Духовную семинарию он кончил уже лучшим учеником.

Тогда, не в пример моему времени (1900-е годы), студенты учились добросовестно, а Сергиев отличался особым прилежанием. До меня, между прочим, дошел учебник по философии, по которому проходил эту науку усердный студент. Книга сохранилась в удивительной чистоте, и только кое-где его красивым почерком были сделаны примечания к читаемому: видно, что он усваивал все серьезно, глубоко.

Но, кроме обязательных предметов, Иван Ильич читал и святых отцов. Особенно любил он творения святого Иоанна Златоуста. Иногда, сидя за чтением его поучений, он вдруг начинал хлопать в ладоши святому Златоусту: до такой степени восхищала его красота и глубина ораторства Великого Вселенского Учителя.

В это время отца уже не было в живых, и молодой студент, чтобы помочь матери и сестрам, определился писцом в канцелярию Духовной академии и получаемое небольшое пособие отсылал на родину. Здесь ему пригодился красивый наследственный почерк. А помещение канцелярии, закрытое для других, дало серьезному студенту еще большую возможность заниматься в уединении своим образованием и в особенности святыми отцами. Читая теперь (1948 год) Златоуста и отца Иоанна, ясно видишь, как близки они, в особенности – в вопросах о богатстве, бедности, любви, причащении, покаянии.

С товарищами, по-видимому, у него не было каких-либо особо близких отношений и дружбы, а тем более – веселых товарищеских пирушек. Подобно древнему святому Василию Великому, и он пользовался уважением и даже боязнью со стороны студентов: не до веселья и не до празднословия было ему. Учение, канцелярия и самообразование отнимали у него все время и внимание.

Зато в такой тишине и занятиях в нем рос дух родительской веры, укрепленной Словом Божиим, просвещенный к тому же православной наукою и святыми отцами, а вообще и в особенности – воспитанный Святой Православной Церковью.

К концу академии у него явилось сначала желание взять на себя подвиг миссионерства в монашеском чине. Но, присмотревшись внимательнее к окружающей жизни столицы, он узрел, что пастырско-духовной работы и кругом него – непочатый край. Поэтому передумал свое первое решение и остановился на пастырстве. Как известно, священник должен был сначала обвенчаться на девице: безбрачных пастырей тогда совсем почти не бывало; да это, в общем, – и правильнее, и мудрее.

В это время в городе Кронштадте скончался протоиерей Андреевского собора отец Константин; и от него осталась взрослая дочь Елизавета. По старым обычаям, особенно если после умерших оставались сироты, приход передавался кандидату, который женился на осиротевшей дочери. Обычай тоже добрый. Так Иоанн и Елизавета сочетались браком. Но с самого начала совместной жизни молодой муж упросил жену жить в девстве, как брат с сестрой. Подобные примеры, хотя и немного, знает история Церкви. Знал о них и Сергиев, но не они решили такой трудный вопрос, а чистая целомудренная душа и твердая воля будущего пастыря. Ему хотелось всецело отдать себя на служение Богу и ближним. Если уж отклонено было монашество, то нужно сохранить девство при браке. Всякий понимает, какую трудную задачу брал на себя молодой студент. Но он поднял ее с дерзновением.

Не так легко восприняла безбрачие в браке молодая жена. Предание свидетельствует, что она даже подавала жалобу на мужа епархиальному архиерею. Но молодой священник уговаривал ее добровольно согласиться с ним:

– Лиза! Счастливых семей и без нас с тобою довольно. А мы отдадим себя всецело Богу и ближним.

И она наконец согласилась. Я лично видел ее еще в доме при жизни отца Иоанна. При одном посещении батюшки на звонок мой вышла встретить нас глубокая седая старушка, вся в старческих морщинах. Я увидел ее впервые.

– Батюшка дома? – спросил я ее.

– Да, брат Иоанн дома, – кротко ответила она и тихо пошла доложить ему.

Тут я понял, что это и есть славная “жена”-матушка знаменитого на весь свет “отца Кронштадтского”. Какая она была простая и тихая! И всегда она была в тени, при такой славе “мужа”!

Рукоположенный в иереи, отец Иоанн отдался своему делу с присущей ему энергией: богослужения, занятия в школах, посещения прихожан на домах, составление проповедей, домашние молитвы, благотворение бедным – все это занимало у него и время, и силы. Скоро он начал записывать особенные мысли свои в дневник, под заглавием: “Моя жизнь во Христе”.

Богослужения все учащались и учащались; и он наконец стал совершать литургию ежедневно: это стало потребностью его души.

Все это постепенно создавало молву о нем, как о совершенно исключительном пастыре. Его начали чаще приглашать на частные требы по домам, особенно – где было какое-либо горе, больные и т.п. И начали совершаться по его молитвам чудеса. Но в этом последнем виде служения был один особенный момент. Пригласили его служить молебен о здравии болящего. По обычаю своему, он служил твердо и с верою. Но присутствовавшая тут одна почитательница его сказала, что батюшка не так молится, как нужно, и как он может молиться. Молиться следует ему с великим дерзновением, с несомненным упованием на исполнение просимого, а не просто, как все молятся.

Эти слова – по собственному признанию батюшки – произвели на него исключительное действие: он услышал в них глас Божий – и с той поры начал молиться дерзновеннее, как бы лично предстоя Богу и “требуя” от Него милосердия, милости и помощи несчастным, страдающим, бедным земным детям Небесного Отца.

Чудес в его жизни совершено множество. Счета им никто не знает. Но весь православный и даже инославный мир знает Кронштадтского чудотворца. И сам в своем

дневнике он не раз открыто свидетельствует, что Господь через него творил чудеса. Поэтому становится понятным: почему его стали звать во все места, где была нужда, горе, страдание. И прежде всего его стали приглашать в многомиллионный Петербург. Но и со всей России ехали и ехали многочисленные группы богомольцев, по телеграфу текли ежедневно сотни просьб о молитвах или о советах. Слава его росла все более и более. И его начали вызывать и в другие города: в Москву, Харьков, Казань, Киев, Вильно, Уфу и т.д.

Знала его и Царская Семья. Когда заболел Царь Александр III, то великого молитвенника вызвали в Крым, в Ливадийский дворец. Царь принял его с почитанием и любовью. Отец Иоанн отслужил Литургию, причастил больного. И хотя дни Царя были сочтены, но по молитвам батюшки он получил некоторое облегчение.

Наконец, слава его возросла до такой степени, что образовались по разным местам России ячейки его особенных почитателей и почитательниц, которые дошли даже до сектантского увлечения, что батюшка есть воплощение самого Бога. Такие секты назвали себя по имени батюшки “иоаннитами”. Пришлось принимать против них церковные меры. И сам отец Иоанн публично и печатно осуждал этих безумцев, но и это не всегда помогало...

Подходили дни революции. Батюшка выступал со своими речами против поджигателей ее. Особенно он обличал Льва Толстого за его безбожные и антихристианские мысли и пропаганду.

Зато церковная слава его поднялась до такой высоты, что Царь Николай II назначил отца Иоанна членом Святейшего Синода: награда единственная. Но отец Иоанн был так занят и считал себя недостойным заседать среди архиереев, что не воспользовался таким своим положением и ни разу не принял участие в заседаниях Святого Синода.

Время же делало свое дело. Отец Иоанн близился к концу восьмого десятка. Незадолго перед смертью его постигла болезнь. А 20 декабря 1908 года он отдал Богу свою святую душу. Точно удар громовой раздался по всей России. Но об этом еще будет речь впереди. А теперь прибавим, что несколько месяцев спустя тихо почил и его духовная “сестра”, раба Божия Елизавета. Я поминаю их обычно вместе.

У отца Иоанна

Вероятно, уже во второй, а не в первый год моего студенчества (то есть в 1904 году) мне удалось поехать к батюшке. Почему же не в первый?— естественно, спросит читатель. Да, стоит спросить об этом. Объясняется это общим духовным, точнее, недуховным состоянием России. Теперь, после потрясений революции, принято у многих хвалить прошлое. Да, было много прекрасного. Но вот беда: мы сами не хотели замечать его. Так было и с отцом Иоанном. По всему миру славилось имя его. И мы, студенты, знали об этом. А теперь мы и живем рядом с Кронштадтом: через час-два можно было быть в гостях у отца Иоанна... Но у нас, студентов, и мысли не было об этом. Что за загадка? Нужно сознаться, что внешность религиозная у нас продолжала быть еще блестящей, но дух очень ослабел. И “духовные” сделались мирскими. Чем, например, интересовались сначала мы, новые студенты? Неделями ходили по музеям, забирались под самый верх купола “Исаакия”, посещали театры, заводили знакомства с семейными домами, где умеющие танцевали. Лекциями интересовались очень мало: ходили лишь по два-три “дежурных” для записи за профессорами и чтобы не было полной пустоты в аудиториях. Службы тоже посещали по желанию. И лишь небольшая группочка покупала себе столики и керосиновые лампы с абажурами, ставили мы их не в “занятых”, где не было тишины, а в аудиториях, по стенам. По крепко установившейся традиции, здесь уже не разрешалось говорить. В этой тишине всякий занимался любимым предметом: кто святыми отцами, кто вавилонскими раскопками, кто политической литературой (таких было очень мало). А еще образовалась группочка богомольцев, эти ходили и на будничные богослужения: утром – на Литургии, а вечером – на вечерню с утреней. Во главе этой группы стояли сам ректор академии, тогда – епископ Сергей (впоследствии патриарх), и инспектор архимандрит Феофан (скончавшийся во Франции беженцем). Но здесь были буквально единицы. А общестуденческая жизнь шла мимо религиозных интересов. Совершенно не нужно думать, что духовные школы были

питомниками отступников, безбожников, ренегатов. Таких были тоже единицы. И они опасались даже перед товарищами показывать свой атеизм, ибо все мы хорошо знали друг друга и не придавали никакой серьезной цены этим атеистам.

Но гораздо опаснее был внутренний враг: религиозное равнодушие. Большинство из нас учились не для священства, а чтобы получить места преподавателей, иногда – чиновников, и лишь десять процентов шли в пастырство, то есть на пятьдесят-шестьдесят человек курса каких-то пять-шесть человек.

При таком равнодушии вообще, к пастырству в частности, должно быть понятным и равнодушие студентов к всероссийскому светильнику, отцу Иоанну. А тут еще подошли революционные времена: студенты интересовались политикой, забастовками; а отец Иоанн попал на “доску” правых: не по времени уже был он.

И даже профессора, более ответственные люди, чем мы, молодежь, ничуть не интересовались отцом Кронштадтским. Однажды мне, как регенту хора, пришлось завести разговор с ученым профессором, протоиереем Орловым, о богословии. Я сослался на отца Иоанна. А он иронически сказал мне:

– Ну какой же это богослов?!

Пришлось прекратить разговор. Была некоторая часть столичного духовенства, которая, вместе с паствами своими, почитала отца Иоанна. Еще более почитало его духовенство в провинции.

Но самым главным почитателем – как всегда – был наш так называемый простой народ. Не обращая никакого внимания на высших, он тысячами и за тысячи верст и шел, и ехал, и плыл в Кронштадт. К тому времени уже вполне определилось разделение между народом и интеллигенцией, а отчасти – и духовенством, которое скорее можно было отнести к интеллигенции, чем к простонародью. Это разделение было и в наших школах... Мало того: даже архиереи не проявляли особого интереса к отцу Иоанну. Мне, впрочем, известно несколько имен, которые почитали его и старались быть с ним в общении... Но в глубине души и архиереи, и иереи чувствовали высоту батюшки. Очевидцы рассказывали мне, как огромная зала Дворянского Соборания, во главе с тремя митрополитами, ждала обещавшего приехать на духовный концерт отца Иоанна. И когда он вошел туда, то тысячи людей встали, в потрясавшем до слез благоговении, как один человек. Архиереи облобызались с ним, предложили сесть рядом на приготовленное ему место... И концерт начался.

Среди глубоких почитателей отца Иоанна был и архиепископ Финляндский Сергей, впоследствии – Патриарх всея Руси. Я в то время (1908—1910 годы) был у него личным секретарем. И помню, что он завел у себя и в Выборге, и на Ярославском подворье обычай – читать ежедневно вместо всяких поучений слова батюшки. И один из монахов, отец В-фий, читал нам его простые, но православные беседы. Это уже было начало прославления. А другой богослов, архимандрит Феофан, ставил его творения наряду со святыми отцами и советовал их изучать так же серьезно, как и древних отцов.

А мы, студенты и профессора, не интересовались. Боже, как горько! Как стыдно теперь! И сейчас вот плачется от нашей нищеты и от окамененного нечувствия. Нет, далеко не все было благополучно и в Церкви. Мы становились теми, о коих сказано в Апокалипсисе: “Так как ты ни холоден, ни горяч, то изблюю тебя из уст Моих...” Пришли скоро времена, и мы, многие, были изблеваны даже из Родины... Не ценили мы святынь ее. Что посеяли, то и пожали.

Вот почему и я не на первый год поехал в Кронштадт, а уже на второй, вместе с двумя другими товарищами, младшими по курсу.

То был холодный ноябрь. Но снегу почти не было. Извозчики ездили еще на пролетках.

Приехали в гостиницу “Дома трудолюбия”, созданного отцом Иоанном. Там нас, как студентов академии, приняли со вниманием. Утром нужно было вставать рано, чтобы в четыре часа уже быть в храме. Нас провели в алтарь собора. Андреевский собор вмещал, вероятно, пять тысяч человек. И он уже был полон. В алтаре, кроме нас, было еще несколько человек духовных и несколько светских лиц.

Утреню начал один из помощников отца Иоанна. А скоро через узкую правую боковую дверь алтаря вошел и батюшка в меховой шубе – дар почитателей. Отдавши ее на руки одному из сторожей (их было много в соборе, как увидим), он, ни на кого не глядя, ни с кем не здороваясь, быстро и решительно подошел к престолу и также быстро пал на колени перед ним... Не помню: перекрестился ли он на этот раз? После я заметил, что он не раз падал ниц, не крестясь: очевидно, так требовала его пламенная душа. Иногда, вместо креста, всплескивал руками, а иногда и крестился. Ясно, что для него форма не имела связывающего значения, – как и должно быть у людей, горящих духом: “не человек для субботы, а суббота для человека”, – говорил Господь. Конечно, это право принадлежит не нам, рядовым и слабым людям, а окрепшим в благодати Божией; поэтому никому нельзя искусственно подражать таким великанам...

После этого батюшка обратился уже к присутствовавшим в алтаре и со всеми нами весьма ласково поздоровался, преподав мирянам благословение.

Потом быстро оторвался от нас и энергично пошел к жертвеннику. Там уже лежала целая стопка телеграмм, полученных за день и за ночь со всех концов Руси. Батюшка не мог их сразу и прочитать здесь. Поэтому он с тою же горячностью упал перед жертвенником, возложил на все эти телеграммы свои святые руки, припал к ним головою и начал тайно молиться Всевидящему Господу о даровании милостей просителям... Что потом делалось с этими телеграммами, я лично не знаю: вероятно, секретарствующие лица посылали ответы по адресам, согласно общим указаниям, данным батюшкою. В особых случаях им самим составлялись тексты для телеграмм. Да ведь, собственно, и не в этих ответах было главное дело, а в той пламенной молитве, которая возносилась им перед жертвенником или в других местах, где захватывали его просьбы...

Между тем утренняя продолжала идти своим порядком. После шестопсалмия, во время великой ектений, батюшка в одной епитрахили быстро вышел на правый клирос. На этот раз ему показалось, что недостаточно света. И он, подзвав одного из церковных служителей, вынул из кармана какую-то денежную бумажку и вслух сказал:

– Света мало! Света!

Очевидно, полутемнота храма не соответствовала его пламенному духу: Бог есть Бог светов! Бог славы и блаженства! – и потому отец Иоанн послал за свечами...

Подошло время чтения канонов. По Уставу, полагается читать два очередных канона дня недели; а сверх этого, третий канон – в честь святого, память которого о совершалась в тот день. Была среда. А праздновалась, как сейчас помню, память преподобного Алипия, 26 ноября. И как читал батюшка! Совсем не так, как читаем мы, обыкновенные священнослужители: то есть ровно, без выражений, певучим речитативом. И это мы делаем совершенно правильно, по церковному учению с древних времен: благоговение наше пред Господом и сознание собственного недостойнства не позволяют нам быть дерзновенными и в чтении; бесстрастность ровного, спокойного, благоговейного совершения богослужения – более пристойна для нашей скромности. Не случайно же подчиненные вообще разговаривают с начальствующими не развязно, не вольно, а “почтительно докладывают” ровным тоном. Особенно это заметно в военной среде, где воины отвечают начальникам, подобно церковному речитативу, на “одних нотах”.

“...закон положен, – говорит Апостол Павел, – не для праведника...”

И отцу Иоанну – при его горячей энергии, гремящей вере; при тысячах людей, жаждущих его дерзновенной молитвы; при сознании им нужд, горя, скорбей, грехов этих простых чад Божиих; даже при огромности самого храма, требующего сильного голоса, – отцу Иоанну нельзя было молиться так, как мы молимся. И он молился чрезвычайно громко, а главное: дерзновенно. Он беседовал с Господом, Божией Матерью и святыми... Батюшка не мог ни войти, ни выйти через храм, как это делаем мы все – и священники, и архиереи. Нам это можно; а ему было нельзя. Народ тогда бросился бы к нему массою и в порыве мог затоптать его. Мне пришлось слышать о давно прошедшем подобном случае, как толпа сбила его с ног, разорвала в клочки “на благословение” его рясу и едва оставила его живым.

И потому нужно было избрать иной путь: его из дома привозили на извозчике (а не в карете, как пишут иные) до сада, хотя тут было всего каких-то пять минут ходу. И на извозчике увозили. В саду не было ни души: высокие ворота были заперты. Батюшка быстро сажился на пролетку; извозчик сразу мчался по саду к воротам. А там уже стояли служители, они сразу открывали выезд, и лошадь мчалась прямо, хотя там стоял народ, ждавший батюшку “хоть еще разок взглянуть”. И лишь от страху попасть под копыта или под колеса, люди невольно раздвигались, и батюшка вылетал “на свободу”.

Но и тут не обошлось без инцидента. На моих глазах – мы из алтаря вышли за ним по саду – какой-то крестьянин бросился прямо в середину пролетки, желая, видимо, получить личное благословение. Но быстрой ездой он был мгновенно сбит с ног и упал на землю. Я испугался за него и, закрыв лицо руками, закричал инстинктивно:

– Ай, задавили, задавили!

И вдруг на мой испуг слышу совершенно спокойный ответ:

– Не бойся, не бойся! Батюшкины колеса не давят, а исцеляют!

Я открыл глаза: это сказала худенькая старушечка, действительно спокойная.

Поднялся и смельчак невредимым, отряхнул с себя пыль и пошел в свой путь, а люди – в свой: точно ничего и не случилось. Куда уехал батюшка, не знаю: говорили, что в Петербург.

Общая исповедь

В древности исповедь бывала открытой: грешник каялся пред всей Церковью. Но потом этот обычай был заменен теперешней тайной исповедью. Причина этого заключалась в том, что не у всякого хватало силы смирения бичевать себя публично пред всеми; а кроме того, подобная исповедь вводила в соблазн невинные души. Но вот бывают такие обстоятельства, что они вынуждают иногда пользоваться и общими исповедями. Главной причиной тут является громадное количество причастников, когда невозможно справиться не только одному, но даже и несколькими священникам. Остается одно из двух: или не допускать желающих до причащения, а это болезненно и неспасительно; или же сделать общую исповедь для всех. Что избрать? В древние времена христиане причащались вообще без исповеди, жили свято, за исключением особых случаев. И эта практика существует доселе в греческой, сербской, сирийской Церквях. Я лично наблюдал это в некоторых приходах Югославии; видел в Крыму, когда азиатские беженцы от турок молились в приделе Симферопольского собора, и в свое время их священник мерно обходил стройные ряды и причащал всех подряд, без исповеди. Слышал от очевидцев, как греческий смиренный священник после литургии шел еще со Святой Чашей по селу и причащал тех, кто по хозяйственным препятствиям не был в церкви: и эти – большей частью женщины – выбегали из своих хижин на улицу в чем были, кланялись в землю и с детскою верою причащались Святых Божественных Тайн. Картина такой первобытной чистой веры была умирительна. Эти и другие примеры показывают, что Церковь допускает возможность причащения и без исповеди и даже считает это нормальным порядком для добрых христиан; поэтому на всякой Литургии она приглашает всех “верных”:

– “Со страхом Божиим и верою приступите” к причащению...

Прежде и приступали. Святой Василий Великий говорит, что в его время люди причащались по три и по четыре раза в неделю. А Златоуст отвечает:

– Не спрашивай: сколько раз; а скажи: как ты приступаешь?

Конечно, и теперешний способ говения и причащения один раз в году тоже имеет свой смысл, чтобы верующие с большим страхом, благоговением, приготовлением, очищением, покаянием, ответственностью приступали ко святому причащению, именно со страхом Божиим. Но этот обычай совсем не есть закон, обязательный на все случаи. Во время трудного периода последних тридцати лет Церковь наша разрешала желающим и еженедельное причащение, при условии, если это благословляет местный духовник для желающих. И нормально – перед каждым причащением нужно исповедоваться каждому. А если таких желающих оказывалось бы много, тогда дозволялось духовнику делать и общую

исповедь. Но при этом внушалось, что имеющий какие-либо особые нужды духовные должен подойти после к духовнику и раскрыть ему душу, чтобы получить и особое разрешение.

Так иногда делалось в разных приходах. Но я хочу рассказать, как при мне происходила общая исповедь у отца Иоанна. Мы с юношеской простотою обратились к нему в алтаре:

– Батюшка! Нам бы хотелось видеть вашу общую исповедь.

Он с простотой и любовью ответил:

– Я только вчера совершил ее. Но ради вас я и ныне покажу вам, как она делается мною.

Перед причащением отец Иоанн вышел через Царские врата на амвон и сказал приблизительно следующую проповедь. Привожу ее в извлечении.

– Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь! – с силой начал он. – Царь и псалмопевец Давид сказал: *Бог с Небесе прииде на сыны человеческия, видети, аще есть разумевай или взыскай Бога? Все уклонишася, вкупе непотребни быша, несть творяй благое, несть до единого* (Пс. 52, 3—4). По-русски: “Господь посмотрел с Неба...” – и т.д. Батюшка перевел псалом на русский язык. Затем обратился ко всем с указанием, что и в наше время – все уклонились в грехи... И он начал перечислять их. В храме стали раздаваться всхлипывания, рыдания, потом восклицания:

– Батюшка! Помолись за нас!

Тогда батюшка на весь храм воскликнул:

– Кайтесь!

В храме поднялся всеобщий вопль покаяния: каждый вслух кричал о своих грехах; никто не думал о своем соседе; все смотрели только на батюшку и в свою душу... И плакали, и кричали, и рыдали... Так продолжалось не одну минуту... Затем отец Иоанн дал рукою знак, чтобы верующие стихли. Довольно скоро шум утих. И батюшка продолжал свою проповедь:

“Видите: как мы все грешны. Но Отец наш Небесный не хочет гибели чад Своих. И ради нашего спасения Он не пожалел Сына Своего Единородного, послал Его в мир для нашего искупления, чтобы ради Него простить все наши грехи. И не только – простить нас, но даже позвать нас на Свой Божественный пир! Для этого Он даровал нам великое Чудо, даровал нам в пищу и питье Святое Тело и Святую Кровь Самого Сына Своего, Господа нашего Иисуса Христа. Этот чудесный пир совершается на каждой Литургии, по слову Самого Господа: “Приимите, ядите. Сие есть Тело Мое!” и: “Пиите от нея (Чаши) вси, сия есть Кровь Моя”.

Как в притче, отец с любовью принимает своего прегрешившего, но покаявшегося блудного сына и устраивает ему богатый пир, радуясь его спасению, – так и ныне Отец Небесный ежедневно и каждому кающемуся учреждает Божественную Трапезу – святое причащение.

Приходите же с полною верою и надеждой на милосердие нашего Отца, ради ходатайства Сына Его! Приходите и приступайте со страхом и верою к святому причащению.

А теперь все наклоните свои главы; и я, как священнослужитель, властью Божией, данной нам, прочитаю над вами отпущение грехов”.

Все в благоговейной тишине склонили головы; и отец Иоанн поднял на воздух над всеми свою епитрахиль и прочитал обычную разрешительную молитву, совершая над всею церковью знамение креста при словах “прощаю и разрешаю” ... “во имя Отца и Сына и Святаго Духа”... Затем началось причащение.

Чтобы закончить об “общей исповеди”, я вспомню о нескольких подробностях и случаях в связи с ней. Когда я уже был иеромонахом, приходит ко мне один знакомый старый богомolec и почитатель отца Иоанна и сообщает мне следующее:

– Стоял я у батюшки в соборе; и он велел нам каяться. Я вслух рассказывал ему свои грехи. И вдруг мой сосед ударил меня, в какой-то злобе, по щеке. Я вспомнил Евангелие

Христово, чтобы подставить ударившему и другую мою щеку. А он ударил меня и по другой.

– Зачем вы рассказываете мне об этом?

Он замешался в ответе. Я подумал:

“Вероятно, ему хотелось похвалиться своим мнимым смирением”. – И тогда становилось несколько понятным, почему Бог попустил ему потерпеть дважды посярмление. Оказалось все же, что он пришел ко мне с вопросом:

– Хорошо ли я сделал, что подставил ему и вторую щеку?

– Не думаю, – ответил я. – Смирнее было бы подумать вам о том, что вы не доросли еще до такой высоты. А еще лучше, если бы вы чем-то не задели вашего соседа и не довели его до раздражения и до первой пощечины.

– Как так? – не ожидал он этого поворота.

– Мы, несовершенные, можем расстроить наших ближних даже своим благочестием. Бесы хорошо умеют различать истинную святость от неистинной. Первой они боятся, а над второй издеваются. Помните, в книге Деяний рассказывается, как бес поступил с семью сынами иудейского первосвященника Скевы, которые заклинали бесноватых именем Господа Иисуса: *злой дух сказал: Иисуса знаю, и Павел мне известен, а вы кто? И бросился на них человек, в котором был злой дух, и, одолев их, взял над ними такую силу, что они, нагие и избитые, выбежали из того дома. А апостолу Павлу духи повиновались* (Деян. 19, 13—16). Поэтому я думаю, – говорю ему, – нам, грешникам, лучше скрывать свое доброе, если оно и есть. Вот – мое мнение вам.

Потерпевший замолчал, но я не был уверен, согласился ли он со мною. Ему, по-видимому, хотелось лучше оставаться с хорошим мнением о себе и “пострадать” за правду, чем сознать себя недостойным ни того, ни другого.

Да, и в “добрых делах” каждому нужно весть свою меру. Без меры и добро не есть добро, – учит святой Исаак Сирий.

Когда мы возвращались в тот же вечер из Кронштадта в Петроград, то ко мне на пароходе обратился с вопросом какой-то простец из богомольцев, бывший на той же Литургии у отца Иоанна:

– Что-то я слышал, батюшка звал нас всех на обед, а обеда-то не было?! А-а?

Я понял наивность души этого посетителя и спокойно разъяснил ему, что под “пиром” батюшка разумел святое причащение. И повторил поселянину мысль поучения. Он понял и успокоился:

– Вот оно что! А я-то думал, он обедать позвал.

Много лет спустя, уже за границей, мне привелось самому быть участником подобной исповеди. Но должен откровенно признаться, что она на меня не произвела такого действия, силы и мира, какие почти всегда сопровождают отдельную, личную, тайную, обычную исповедь. А у отца Иоанна была особая сила Божия.

Чудеса отца Иоанна Кронштадтского

Задача этих записок заключается отчасти в том, чтобы писать о том, что я лично видел или по крайней мере сам слышал от достоверных свидетелей. Об этом и запишу.

О чудесах его знали по всей России. Одна мать привела своего сына, страдавшего глазами. Она попросила меня провести их к отцу Иоанну. Батюшка принял их со мною. Мать рассказала ему о десятилетнем сыне. Отец Иоанн взял его, поставил между своих колен и начал, молясь внутренне, гладить по закрытым его зеницам своими большими перстами. После, – говорила мать, – сын никогда не жаловался на свои глаза.

Другой случай мне сообщил сын о своем родном отце. Я уже печатал о нем в кратком листке об отце Иоанне. Вспоминаю снова.

Отец был из богатой купеческой семьи Шустиных. Сын его был потом слушателем богословских курсов, организованных мною в Югославии (Бела Церква). Это был чистый и добросовестный человек, неспособный на обман. Теперь он священствует. И вот что он рассказывал мне.

Отец заболел горловой чахоткой. Никакие доктора не могли помочь. Смерть была у дверей. Как раз время было к Рождеству. В прежнее время готовились к “елке”, теперь было не до нее: все ждали конца со дня на день. Больной уже не мог вслух говорить.

Послали за отцом Иоанном, как за последней надеждой. А он был восприемником одного из детей купца. Приехал батюшка и спрашивает, почему не послали за ним прежде? Около кровати больного был столик с бесполезными уже лекарствами. Он отодвинул его ногою, пузырьки попадали на пол.

– Ты веруешь в Господа Иисуса Христа всем сердцем?

– Верую, – прошептал больной.

– Веруешь, что Он волен и силен творить чудеса и теперь?

– Верую.

– Раскрой рот твой.

Больной раскрыл. Батюшка с молитвою трижды дунул ему в горло и сказал:

– Через три дня приезжай ко мне в Кронштадт: поговеешь и причастишься.

И уехал. Как везти такого больного зимою в Кронштадт? На верную смерть?

Но больной приказал исполнять повеление батюшки. Его свозили и привезли...

– И после того, – закончил сын, – отец прожил еще двадцать пять лет.

Третий случай произошел в Париже в 1933 году, второго апреля. В одно воскресенье назначено было совершить крещение взрослой еврейки. Она выразила желание, чтобы это было сделано после Литургии в пустом храме... Ушли все. Осталось лишь духовенство да восприемники. Кроме них, я вижу еще двух женщин среднего возраста. “Вероятно, – думаю, – это знакомые крещаемой”. На всякий случай подхожу к ним и спрашиваю, не знакомые ли они этой еврейки? “Какой?” – “А вот которую мы будем крестить сейчас”. – “Мы даже и не знали об этом”. – “Почему же вы остались?” – “У нас есть свое дело к вам”. – “Ну, в таком случае подождите до конца крещения”. Перекрестили. Назвали Евфросинией. Одели ее. Увели. Я подошел к двум женщинам. И вот что они сообщили. Одна из них была жена казачьего генерала О. А другая – жена полковника: фамилию этой теперь забыл. А она в эту ночь видела необычайный сон.

– Я прежде была верующей, когда училась в гимназии. А потом – высшие курсы, товарищество: я сделалась “неверующей” без особых оснований, так себе! Потом – замужество, революция, эвакуация: не до веры. И я просто перестала интересоваться всем этим. И не мучилась. Но вот ныне вижу сон. Является ко мне какой-то священник с золотым крестом на груди, а рядом с ним старичок, весь в белом. Священник грозно говорит: “Я – отец Иоанн Кронштадтский, а это – отец Серафим Саровский”. Затем он строго сказал мне: – Ты совсем забыла Бога. Это – грешно! Воротись к вере опять. Иначе тебе будет плохо!” – и они исчезли. Я проснулась. Утром побежала вот к моей знакомой генеральше О. А она – верующая. И показала мне иконочку Серафима, а потом нашла и картинку отца Иоанна. Я их именно и видела во сне. Мы теперь просим вас прийти ко мне в квартиру и отслужить там молебен.

Я взял певца, Бр. Г., и тотчас же исполнил их просьбу.

Кроме этих случаев, я слышал десятки подобных рассказов об отце Иоанне, но забыл их, а записать в свое время – не записал.

Давно пришлось слышать рассказ, записанный самим отцом Иоанном в Дневнике. Как известно, он возвращался из Санкт-Петербурга в Кронштадт поздно; иногда чуть не к полуночи. После молитв ложился спать.

“Если ты хорошо помолишься, – советовал он в Дневнике, – то выгадаешь два-три часа хорошего сна”.

Утром, не позже трех часов, он уже вставал, чтобы прочитать утреннее правило к причащению. Книжка эта – как и вообще все в небольшой квартирке его – была всегда в определенном месте. Но на этот раз она точно пропала куда.

“Долго я искал ее напрасно. И вдруг я заметил, что за все это время совсем забыл о Боге. И, остановившись, сказал в себе: “Господи! Прости меня, что я из-за твари позабыл о Тебе, Творце!” И тотчас книжка нашлась”.

Больше я не буду выискивать в памяти моей чудес. Чудеса ведь совсем не главное свидетельство о высоте или святости человека.

Апостол Павел говорит коринфянам, что если я и чудеса творю, а любви не имею, – то я ничто. Так мне можно сказать: чудеса без святости – тоже ничто.

Самое главное чудо – это был сам отец Иоанн! Пройти такую жизнь, благодетельствовать своими молитвами, жить непрестанно в Боге – это высшее чудо!

И притом как прожить? Будучи в Париже, я однажды посетил русскую библиотеку в католическом монастыре. И там попался мне Дневник отца Иоанна. Начав читать его, я скоро наткнулся на запись его под Новый, 1898 год. Он пишет благодарения Богу за многое. А в конце написал слова, способные потрясти кого угодно: он благодарит Бога за непорочное житие свое!!! “За непорочное житие!”

Боже, Боже! Кто из нас мог бы дерзнуть даже не только сказать, но и подумать подобные слова?! Буквально никто. А он изрек и записал навеки... Сколько же ему тогда было лет? Уже – семьдесят!.. Вот это – чудо! Дожить до старости в “непорочности”.

Чудо и его богослужение, особенно ежедневные Литургии. Дело даже не в том лишь, что он служил их ежедневно, а в том, что он возрос духовно до этой церковной высоты – до Литургии. Литургия есть вершина и средоточие всего христианства, Литургия есть полнота и завершение всех прочих богослужений. И если кто дошел до этой вершины и жил ею (а не служил только), тот, значит, дошел до вершины Церковной жизни! Вот это еще более высокое чудо! Человек не только сохранился от грехов, но и дошел до высоты небесной, ибо отец Иоанн считал и называл Литургию “Небом на Земле”.

И если бы мы не знали ничего больше об отце Иоанне, как лишь об этой высоте его Литургического богослужения, и тогда мы могли бы сказать о нем: “Это был святой служитель Церкви Божией!”

Последние дни

Насколько было известно, батюшка хотя и болел не раз, но сравнительно мало и редко. В нужных случаях обращался к врачам. Апостол Павел своему ученику Тимофею и то давал в болезни совет: ради желудка и частых твоих недугов пей мало вина с водою... Но не всегда отец Иоанн слушался предписаний врачей. Например, однажды доктора предписали ему в посту есть мясо: иначе грозят плохие последствия. Он отказывался. Доктора настаивали. Тогда батюшка заявил, что спросит телеграфом благословения матери. Эта духовная орлица ответила телеграммой: “Лучше умереть, а постов не нарушить!” Конечно, отец Иоанн беспрекословно послушался мать. Я думаю, что такой повелительный приказ могла дать одна из тысячи, а может быть, из миллионов матерей! И неудивительно, что от нее родился человек подобной силы духа. История великих святых свидетельствует нам, что у них были и великие матери: святые Василий, Григорий, Златоуст, Августин родились от славных матерей, преподобный Сергей Радонежский, святой Тихон Задонский, святой Серафим Саровский воспитаны были сильными и святыми по духу матерями. Филарет Московский, Феофан Затворник родились от благочестивых родителей. И вообще если мы просмотрим все Четьи-Минеи (я этим однажды занимался), то увидим, что или оба родителя святых были богоугодны, или кто-либо один из них, большей частью – мать, а иногда бабушка. И лишь в очень исключительных случаях святые дети имели дурных родителей; для Бога все возможно!

Недаром сказано в Слове Божиим, что за благочестие родителей Господь благословляет их потомков до двадцатого рода! А наказывает за грехи их – до третьего и четвертого колена (Исх. 20).

Но меня всегда удивляло в отце Иоанне другое: поразительная сила в несении невероятных трудов по пастырству. Ведь только подумать: с трех часов утра и до одиннадцати-двенадцати ночи он был занят. Занят с людьми. Мы сами, по своему опыту, знаем, как нелегко переносить людей вообще. Человек – существо тяжелое! Ибо греховное, изломанное, испорченное. Если уж Сам Господь однажды воскликнул: “...доколе буду с вами? доколе буду терпеть вас?” – то тем более трудно нам. И мы любим хоть на некоторое

время уединиться от людей, “отдохнуть” от них. Поэтому строят отдельные дома, отдельные комнаты, затворяют двери; работают в конторах, а спешат уехать домой, да и дома просят еще “не беспокоить” их.

А отец Иоанн не имел ни уединения, ни отдыха чуть не круглые сутки! Да и с кем бывал? С больными, с несчастными, со страдающими... Это особенно трудно.

В Париже мне пришлось посещать иногда дома для сумасшедших, вмещавшие до пяти тысяч больных. В одном из них главный доктор, верующий католик, сказал мне в кабинете

– Прошу вас: молитесь обо мне! С этими несчастными, мне кажется, я и сам начинаю сходить с ума!

Подумать лишь, какого напряжения вообще, и в особенности – молитвы, требовали люди от отца Иоанна: ведь почти все ждали чуда! Легко сказать! И в Евангелии сказано, что после исцеления кровоточивой Христос почувствовал “силу, исшедшую” из Него”. Вероятно, и в других чудотворцах происходит нечто подобное. Какая же нужна была громадная сила, чтобы переносить все это каждый день, месяцы, годы, почти до восьмидесяти лет! Вот что поражает больше всего в отце Иоанне.

Но Божественная благодать поддерживала его в таком непрерывном подвиге. Служение ежедневных Литургий, непрестанная сердечная молитва, призывание Божией силы во время молебнов – это укрепляло и, вероятно, обновляло его природную силу.

Кроме того, думаю, радовало его и то, что он постоянно пребывал в среде верующих, то есть среди лучших людей!

Зато какую же борьбу вел против него “ангел сатанин”! В Дневнике он постоянно пишет об этом! И неудивительно, что батюшка по временам уезжал на отдых: то на родину, то к друзьям... Даже и апостолы после проповеди нуждались в этом, и Сам Христос отводил их в уединенное от народа место.

Да и самая молитва его требовала огромной траты сил. Нам, обычным людям, служить легко; но так молиться, как он молился, – нужна сила! Или говорить проповеди: мы ровненько объясняем слушателям, точно урок в классе, а у него всякое слово горело. Однажды в Сербии старый и разумный богомolec спросил меня (по-сербски):

– Отче владыко! Что это значит? Один скажет “Бог”, и “нема ништа” (нет ничего); а другой скажет тоже “Бог”, и “огонь запалисе” (огонь загорится)?

Вот и у отца Иоанна все всегда было с “огнем”. И именно от этого были сильны и его молитвы, и действительны проповеди. Последние по содержанию своему и с ораторской точки зрения не представляли ничего чрезвычайного. Будучи преподавателем в Санкт-Петербургской академии, я однажды задал для доклада курсу тему: определить по проповеди проповедника. А автора я скрывал, конечно. На этот раз три докладчика дали, по проповеди, такой отзыв:

– Автор – священник какого-нибудь уездного городка. Ничего особенного.

Другой сказал:

– Обыкновенный проповедник. Обыкновенная проповедь.

И лишь третий сказал:

– Нет, я чувствую в авторе особого человека. Но понять его не могу.

– А ведь это – великий отец Иоанн Кронштадтский! – к общему удивлению всей аудитории, сказал я.

Тогда поднялся вопрос, почему же проповеди его так просты и обычны? Ответ был понятен: сила его слов была не в оригинальности мыслей и не в ораторском их изложении, а в силе его духа: у него слова дышали пламенем... Именно как сказал серб: один скажет “Бог”– и “нема ништа”; а другой скажет то же самое слово “Бог” – и “огонь запалисе”.

Апостол Павел тоже писал, наша сила не в убеждающих словах, а в явлении духа и силы!

И отец Иоанн тратил колоссальные силы в своем служении Богу и людям. Но при всем том дожил почти до восьмидесяти лет. По словам царя Давида, – “аще в силах”, то есть при особой силе, – восемьдесят лет может прожить человек. Всему приходит конец.

Незадолго перед смертью и он заболел. Перед этим мне удалось еще дважды быть с ним. Один раз, будучи уже иеромонахом, я был приглашен сослужить ему на Литургии. Он предстоятельствовал. Я стоял пред престолом с левой стороны. И как только он возгласил с обычною ему силою: “Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа”, меня, точно молния, пронзило ясное сознание, выразившееся в уме в таких словах: “Боже! Какой он духовный гигант!” И созерцая это с очевидностью, я, в размышлении, закрыл уста свои служебником. “Какой гигант”. Вдруг он протягивает ко мне левую руку, отодвигает книгу от уст, говорит властно:

– Не думай! Молись!

Вероятно, он прозрел мои тайные мысли о нем.

Последнее мое посещение было приблизительно за полгода до кончины его. Мы с сотоварищем по академии, иеромонахом Ш-м, посетили отца Иоанна по причине болезни моего друга. Батюшка вышел к нам уже слабеньким. Пригласивши сесть, он устало спросил нас:

– И чего вам от меня, старика, нужно?

– Батюшка, – вольно ответил я, прости меня за это, Господи! – если бы вы были простой старик, то к вам Россия не ходила бы.

– Ну, ну, – махнул он рукою, не желая спорить.

– Скажите нам что-нибудь во спасение души.

Тогда он взял в руки крест, висевший на груди моего товарища, и, смотря на него, стал молиться. Потом начал многократно и долго целовать его; прижимал его к своему лбу, опять целовал. Затем то же самое он делал с моим крестом... Все это творилось молча, несколько минут. Потом он сказал:

– Монахи, монахи! Не оглядывайтесь назад! Помните жену Логову!

Дальше я задал ему такой вопрос:

– Батюшка! Скажите, откуда у вас такая горячая вера?

– Вера? – переспросил он и на минуту задумался. Потом с твердой ясностью ответил:

– Я жил в Церкви!

– А что это такое – жили в Церкви? – спросил я.

– Ну, – с некоторым удивлением от моего вопроса продолжал он, – что значит жить в Церкви? Я всегда пребывал в церковной жизни... Служил Литургию... Любил читать в храме богослужебные книги, минеи. Не Четьи-Минеи (Жития святых), хотя и те прекрасны! – а богослужебные минеи, стихиры, каноны... Вот! Я жил в Церкви!

К сожалению, я не записал тогда подробнее всю беседу, но эти слова о значении Церкви врезались в память мою на всю жизнь.

Поблагодарив батюшку, мы ушли... Вскорости мой друг скончался в молодых годах. Я... еще живу, по милости Божией. И часто вспоминаю о его словах...

Болезнь отца Иоанна не проходила. Ждали конца. И 20 декабря (ст. ст.) 1908 года батюшка скончался. Весть эта мгновенно облетела всю Россию. Похоронили его в созданном им женском монастыре в Санкт-Петербурге, “на Карповке”.

Мне не удалось попасть в храм на отпевание, и я шел далеко за гробом в необъятной толпе народа. Всякое движение здесь было прекращено. Зато дышали сердца тысяч и тысяч людей: в одном месте пели “Со святыми упокой”, другая группа начинала “Вечную память”, третьи – “Святой Боже” – похоронное... Большой стон стоял над этими духовными детьми батюшки. Иногда приходилось слышать выкрики:

– Уж больше не видать нам такого отца!

Или:

– Дорогой батюшка! Помолись за нас!

И опять пение тьмы голосов... Трудно было сдержаться от слез среди этой общей печали и рыданий.

В подвальном этаже монастырского храма – светлом, облицованном белым мрамором – была приготовлена белая же мраморная гробница на полу. И здесь положили честные мощи святого батюшки. Теперь, вместо Кронштадта, началось паломничество “на

Карповку”. Ежедневные службы... Постоянные панихиды. Снова чудеса. Всеобщее почитание. Святой Синод постановил считать день смерти отца Иоанна – неучебным в духовных школах. Царь обратился к России с особым манифестом – о значении его и почитании. А народ унес о нем память в сердцах своих и записал в “поминаниях”...

Так началось уже прославление батюшки в Церкви. И недолго ждать, когда завершится это и канонизацией его во святые.

Три года тому назад (1948 году) я был в Ленинграде и узнал, что монастырь “на Карповке” закрыт, но там все, включая и гробницу, остается нетронутым.

Преподобие отче Иоанне! Моли Бога о нас, грешных! ...Вот я и записал, что помнил о нем. Как ни описывай, все же это не может дать о нем такого впечатления, как живые подлинные слова самого батюшки...

Епископ Арсений (Жадановский)

Отец Иоанн Кронштадтский

Господь судил мне принять монашество по молитве и заочному благословению отца Иоанна Кронштадтского. Поступив в Духовную Академию (в 1899 году), я стал искать случая повидаться с ним в Москве, куда он нередко приезжал для служения Божественной Литургии и посещения больных. Вскоре Господь исполнил мое желание. Мой товарищ Илия Абурус, впоследствии настоятель Антиохийского подворья архимандрит Игнатий, отправляясь однажды к своему покровителю Преосвященному Трифону, епископу Дмитревскому, у которого отец Иоанн вознамерился служить в крестовой церкви, захватил с собой и меня. В названном храме состоялось первое мое молитвенное общение с великим пастырем. Это было мне так дорого, что до сих пор я питаю чувство признательности к отцу Игнатию и всем тем, кто способствовал потом моему сближению с отцом Иоанном. Таковыми, между прочим, были Александр Семенович и Елена Михайловна Мироновы и особенно Вера Ивановна Перцова.

По переходе из Академии в Москву (в 1903 году) я уже довольно часто виделся и служил с батюшкой. О каждом его приезде мне сообщали благожелатели. Так, я имел утешение совершать с ним Божественную Литургию в общинах “Утоли моя печали”, Иверской, в Боевской богадельне и на Антиохийском подворье.

Припоминаю порядок и особенности служения отца Иоанна. Он приезжал прямо в храм, боковыми дверями входил в алтарь, опускался на колени перед престолом, возложив на него руки, находился в таком положении иногда довольно долго. Батюшка каялся в это время во всех грехах, содеянных им за прошедшие сутки, и вставал, когда чувствовал, что Господь прощает его. Обновленный и бодрый духом, он затем приветливо здоровался со всеми присутствующими, надевал епитрахиль, благословлял начало утрени и выходил на солею читать канон и дневные стихиры по книгам, которые приготавливал обыкновенно протоиерей храма иконы “Нечаянной Радости” в Кремле Николай Лебедев – друг и постоянный спутник отца Иоанна в Москве. Читал батюшка порывисто, делая на некоторых местах ударения, часто повторяя слова, а то и целые выражения. Видимо, он употреблял старание, чтобы все самому уразуметь и для присутствующих быть понятным. По той же причине он интересовался впечатлением, полученным от его чтения. После краткой утрени и входных молитв отец Иоанн начинал проскомидию, а иногда предоставлял совершать ее одному из иереев. Служил батюшка сосредоточенно, на глазах у него, особенно в важнейшие моменты, показывались слезы. Тогда ощущалась сила его молитвы и близость к Господу. После Литургии батюшка обыкновенно заходил к настоятелю храма или к начальствующим учреждений, где священнодействовал; здесь он выпивал чашку чая и подкреплялся трапезой.

При каждом свидании с ним приходилось убеждаться, что настроение отца Иоанна всегда и везде оставалось ровным, возвышенным, духовным, производившим на присутствующих нравственно-отрезвляющее действие. Там, где только появлялся он, атмосфера сейчас же становилась святой. Недопустимы были при нем веселые разговоры, шутки, курение табака и тому подобное. Может быть, вам случалось встречать чудотворный

образ, когда собравшиеся благоговейно ведут себя; то же наблюдалось и в присутствии батюшки: низменные, мелкие интересы отходили на задний план, а душу наполняло одно только высокое, небесное; все объединялись в этом светлом настроении духа, и получалась могучая волна религиозного чувства.

В 1906 году 24 июля отец Иоанн неожиданно посетил Чудов монастырь и прежде всего зашел в мое наместническое помещение. Сидя в кабинете на кресле у письменного стола, батюшка беседовал со мной, причем я давал ему читать его письмо от 1899 года, в котором он советовал мне принять монашество. Выразив удовольствие качанием головы, великий пастырь поднялся и стал уходить. Я просил благословить меня. Проходя по покоям, он рекомендовал мне чаще пользоваться свежим воздухом и не бояться открывать форточки.

Осматривая монастырь, батюшка заинтересовался ризницей, где обратил внимание на Евангелие, писанное митрополитом Алексием.

Долго держа его в руках, он прикладывал святыню к голове, лобызал ее и восторженно говорил: “Какое мне сегодня счастье – вижу и целую собственную рукопись великого святителя”. Затем, приложившись к честным мощам угодника, ласково простился со всеми и уехал. Это посещение было для нас, как чудный сон.

На другой день, 25 июля, я служил с отцом Иоанном в церкви при общине “Утоли моя печали”. После Литургии меня в числе других пригласили в квартиру начальницы, где за столом батюшка много уделял мне еды со своей тарелки и был весьма приветлив. Отсюда он направился к Мироновым, туда поспешили и мы с отцом Игнатием. Все близкие почитатели Кронштадтского пастыря обыкновенно всюду сопровождали его в Москве. У Мироновых мне пришлось быть свидетелем необыкновенной сосредоточенности батюшки в домашней обстановке.

Попив со всеми чаю, во время которого к нему подводили детей, показывали больных и спрашивали советов, он во всеуслышание объявил: “А теперь я почитаю Святое Евангелие и немного отдохну”. С этой целью батюшка перешел в другую комнату, сел на диван и углубился в чтение, несмотря на то, что взоры присутствующих были устремлены на него. Тут же, положив под голову подушку, он задремал. При прощании отец Иоанн подарил мне свой дневник “Горе сердца!” с собственноручной подписью и теплый подрясник на гагачьем пуху, покрытый шелковой розовой материей с цветами, а я, в свою очередь, поднес ему иконку святителя Алексия. Батюшка поцеловал ее и положил в боковой карман со словами: “Глубоко тронут”.

Вспоминаю, далее, мое пребывание у отца Иоанна в Вауловском скиту Ярославской губернии. Здесь мне отвели место в гостинице, но я в ней только ночевал, а остальное время проводил в домике батюшки. Молитвенно благодарю настоятельницу Петроградского Ивановского монастыря и вышеуказанного скита игуменью Ангелину, оказавшую мне большое гостеприимство и содействие в сближении с отцом Иоанном.

В Ваулове батюшка ежедневно служил, говорил поучения и причащал народ, во множестве наполнявший храм. Накануне очередными иереями отправлялась для богомольцев всенощная и предлагалась исповедь. По милости Божией в совершении Литургии с великим пастырем каждый раз принимал участие и я.

Помню, отец Иоанн сам подбирал мне митру, а однажды, запивая вместе со мной теплоту у жертвенника, спросил: “У вас в Чудове хорошее вино подают для служения?” Я ответил: “Среднее”. “Я же, – сказал отец Иоанн, – стараюсь для такого великого Таинства покупать самое лучшее”.

Когда батюшка выходил с Чашей, в храме происходило большое смятение: все стремились к солее; он, однако, строго относился к присутствующим.

Часто слышался его голос: “Ты вчера причащались, сегодня не допущу, так как ленишься, мало работаешь” – или: “Ты исповедовалась? Нужно перед Таинством всегда очищать свою совесть”. Бывало и так: видя натиск, а может быть, и недостойных, он уходил в алтарь, объявляя, что больше не будет причащать. Стоявшие по сторонам две монахини дерзали иногда опровергать замечания батюшки; охотно соглашаясь с ними, отец Иоанн говорил: “Ну тогда другое дело”, – и с любовью преподавал Святые Тайны желающим.

На одной из Литургий здесь же, в Ваулове, у запертых входных дверей поднялся страшный шум и вопль. Кричали: “Батюшка, вели пустить – причасти ты нас!” Это ломались так называемые “иоанниты”, которых пришедшая из Ярославля охрана решила не допускать в храм.

Нужно сказать, отец Иоанн от своих неразумных почитателей принял много огорчений и нравственных страданий; последние приобретали особую остроту и силу оттого, что непризванные радетели его чести и якобы заступники Церкви Христовой нередко в сгущенных красках передавали о злоупотреблениях его именем.

При мне был такой случай. Мы находились на террасе домика. Батюшка, сидя в кресле, отдыхал. Вдруг доложили о прибытии из Ярославля представителей православного русского народа, пожелавших видеть отца Иоанна. Последний разрешил им войти. Пришедшие стали говорить о злонамеренных действиях иоаннитов, указывая, что те собирают для батюшки деньги, отбирают дома, а главное, проповедуют, что в нем воплотилась Святая Троица, Сам Бог. С великим прискорбием выслушал отец Иоанн это заявление.

– А кто особенно распускает такую ересь? – допрашивал он.

– М<ихаил> П<етров>, находящийся сейчас в Ваулове.

– Позовите его ко мне.

Скоро на террасу вошел М(ихаил) П(етров). С поникшей головой он стал на колени перед батюшкой.

Отец Иоанн, помню, говорил ему так: “Скажи, пожалуйста, когда ты приносил мне даяния, не спрашивал ли я всегда тебя, доброхотные ли они, не вымогают ли их у кого? Ты мне отвечал: “Нет, батюшка, для Вас все рады жертвовать”. “Да, правда”, – подтвердил М(ихаил) П(етров). – “А теперь посмотри, какие идут разговоры: вы моим именем обираете людей, целые дома заставляете отписывать, да еще ужасную ересь проповедуете, будто я – Бог. Только безумцы могут так говорить: ведь это богохульство. Покайтесь, в противном случае проклятие Божие падет на вас”.

Здесь же составлен был акт обличения, его подписали присутствующие и сам отец Иоанн. Видно было, как во все время разговора он нравственно страдал.

Проходя по двору Вауловского скита, я был однажды задержан несколькими людьми, задавшими мне вопрос: “Разве вы не верите, что в отца Иоанна вселилась Святая Троица?” На мое недоумение, как понимать подобное вселение, одна из женщин в исступлении сказала: “А это значит – в нем воплотился Сам Бог”. Вскоре после смерти батюшки мною было получено такое письмо. “Ты, – писала мне какая-то особа, – почитаешь отца Иоанна Кронштадтского, говоришь: “Дорогой наш батюшка”, служишь по нем панихиды, но я видела сон, явился мне сам отец Иоанн и сказал: “Пойди в Чудов монастырь к отцу Арсению и скажи ему: зачем он называет меня только “дорогой батюшка”, – во мне ведь воплотился Сам Бог Отец; если он не станет так меня признавать, то ему будет плохо”.

Тут я убедился, что некоторые люди, не давая себе отчета, благодатное состояние отца Иоанна действительно смешивали с каким-то физическим воплощением в нем Божества, но таких встречалось мало.

Иоаннитство появилось вследствие чрезмерного почитания отца Иоанна, а так как он был истинный пастырь, молитвенник и верный сын Святой Православной Церкви, а его поклонники отличались глубоким религиозным чувством, Господь не допустил развиваться подобной ужасной ереси. Прошло немного времени после кончины батюшки, и по его молитвам так называемое иоаннитство почти рассеялось.

Станным было, однако, поведение ярославских защитников чести отца Иоанна. Нам передавали, что они, приехав с оружием, намеревались разогнать стрельбой беспокойных почитателей батюшки.

Время, проведенное мной у отца Иоанна в Ваулове, считаю дорогим, счастливым и исключительным в своей жизни. Здесь пришлось видеть великого пастыря в домашнем быту, изучать его характер и настроение. Прежде всего он отличался гостеприимством: за его

обеденным столом располагались все приезжие гости. Меня отец Иоанн усаживал около себя и усердно угощал.

Однажды я сказал ему: “Батюшка, Ваш прием и ласка напомнили мне родной дом и родителей, недавно умерших. Бывало, приедешь к ним на каникулы после трудных экзаменов, и начнут они подкреплять тебя всякими яствами”.

Батюшка приятно улыбнулся на это. Тут же мной было замечено его незлобие: по видимому, он гневался иногда, но очень мимолетно, и скорей от горячности сердца и пламенной души, чем от злобного чувства. Между прочим, я пожаловался ему на болезнь желудка. Отец Иоанн посоветовал пить чай с лимоном, причем сам клал его мне в стакан и размешивал. Как-то раз, желая сделать мне удовольствие, батюшка попросил передать стоявший на противоположном конце стола лимон, порезанный на кусочки, со снятой кожицей.

Ему не понравилось такое приготовление, и он резко спросил: “Кто же так неумело подает? Позовите виновницу”. Подошла смиренная послушница.

– Это ты нарезала? Кто тебя учил снимать кожицу?

– Простите, батюшка, я не знала.

– А, не знала? Ну это другое дело, вперед же знай, что вся суть в кожице.

Слова: “Ну это другое дело” – были сказаны батюшкой так робко и ласково, что, думается, провинившаяся рада была получить такой дорогой выговор.

За столом отец Иоанн по слабости сил оставался недолго. Закусит немного и, извиняясь, уйдет в свой кабинет.

“Вы сидите, – скажет, – и кушайте, а я устал, пойду к себе, отдохну”.

В течение дня он, помимо Нового Завета, прочитывал житие святого, службу ему по Минее, а в конце жизни особенно утешался Писаниями пророков.

По поводу последнего батюшка в беседе сообщил мне следующее: “Я теперь занят чтением пророков и немало удивляюсь богопросвещенности их. Многие относятся к нашим временам, да и вообще хорошо развиваться словом Божиим. Когда я читаю, ясно ощущаю, как в нем все написано священными писателями под озарением Духа Святого, но нужно привыкнуть такому осмысленному чтению. Вспомнишь себя лет тридцать назад – нелегко мне это давалось. Берешь, бывало, Святое Евангелие, а на сердце холодно, и многое ускользало от внимания. Теперь духовный восторг охватывает мое сердце – так очевидно для меня в слове Божиим присутствие благодати; мне кажется, что я при чтении впитываю ее в себя”.

“А что помогает пастырю сосредоточиться на Литургии?” – спросил я отца Иоанна на той же беседе.

“Необходимо, – сказал он, – с самого начала службы входить в дух Божественной Евхаристии. Посему-то я и стараюсь почти всегда сам совершать проскомидию, ибо она есть преддверие Литургии, и этого никак нельзя выпускать из виду. Подходя к жертвеннику и произнося молитву: “Искупил ны еси от клятвы законныя...” – я вспоминаю великое дело Искупления Христом Спасителем от греха, проклятия и смерти падшего человека, в частности, меня, недостойного. Вынимая же частицы из просфор и полагая их на дискос, представляю себе на престоле Агнца, Единородного Сына Божия, с правой стороны – Пречистую Его Матерь, а с левой – Предтечу Господня, пророков, апостолов, святителей, мучеников, преподобных, бессребреников, праведных и всех святых. Окружая Престол Агнца, они наслаждаются лицезрением Божественной Славы Его и принимают участие в блаженстве. Это Церковь Небесная, торжествующая. Затем я опускаюсь мыслию на землю и, вынимая частицы за всех православных христиан, воображаю Церковь воинствующую, членам которой еще надлежит пройти свой путь, чтобы достигнуть Будущего Царства. И вот я призван быть пастырем, посредником между Небом и землей, призван приводить людей ко спасению. Какая неизреченная милость и доверие Господа ко мне, а вместе как велик и ответственен мой долг, мое звание! Стоят в храме овцы словесного стада, я должен за них предстательствовать, молиться, поучать, наставлять их... Что же, буду ли я холоден к своему делу? О нет! Помогите же мне, Господи, с усердием, страхом и трепетом совершать сию миропасительную Литургию за себя и ближних моих! С таким чувством приступаю к

служению и стараюсь уже не терять смысла и значения Евхаристии, не развлекаться посторонними мыслями, а переживать сердцем все воспоминаемое на ней”.

И батюшка отец Иоанн, добавлю я, действительно глубоко все переживал, что так заметно было по его молитвенному виду и тем слезам, которыми увлажнились его светлые очи.

“Далее, для сосредоточенности при Божественной Литургии, – говорил он мне, – имеет значение самая подготовка к ней, в частности, воздержание во всем с вечера, предварительное покаяние и вычитка положенного правила: чем внимательнее и воодушевленное мы его выполняем, тем проникновеннее совершаем обедню. Не следует пропускать дневной канон; я его почти всегда сам читаю и через это как бы вхожу в дух воспоминаемых событий, а когда оставляю, чувствую всякий раз неподготовленность”.

“Как предохранить себя от самомнения и превозношения?” – продолжал я спрашивать батюшку.

В ответ он взял с письменного стола Библию и прочитал раскрытую страницу из четырнадцатой главы Книги пророка Исаии, где говорится о низвержении с неба за гордость первого ангела.

Возвращая затем книгу на место, отец Иоанн сказал: “Часто я прибегаю к чтению сей Боговдохновенной речи и дивлюсь ужасному падению Денницы. Как легко чрез высокоумие ниспасть до ада преисподнего! Воспоминание о гибели предводителя бесплотных чинов весьма предохраняет меня от тщеславия и смиряет гордый мой ум и сердце”.

Тогда же заметил я изношенность листка читаемой главы. Мне показалось даже, будто батюшка всегда держит на столе Библию раскрытой на указанном повествовании пророка, что произвело на меня неизгладимое впечатление.

“А как спастись от дурных помыслов и чувств?” – осмелился я далее предложить вопрос великому пастырю.

“Это наша общая человеческая немощь, – сказал он. – Крепкая любовь к Спасителю и постоянное духовное трезвление предохраняют от нечистоты. Предохраняют, говорю, но не спасают; спасает же единственно благодать Божия. Вот и я, старый человек, а не свободен от скверны. Правда, днем, совершая Божественную Литургию и следя за собой, почти не испытываю ничего дурного, но за сон не ручаюсь. Иногда враг представляет такие отвратительные картины, что, проснувшись, прихожу в ужас, и стыдно мне делается”. Так батюшка укорял себя, да и вообще, когда я ему исповедовался, считал мои немощи как бы своими собственными. Укажу грех, а он скажет: “И я тем же страдаю”, затем уже предложит совет.

Во время нашей беседы отец Иоанн пожаловался, между прочим, на свою мучительную болезнь: “Трудно здоровому представить, как невыносима боль при моем недуге, – нужно большое терпение”.

На прощание я просил батюшку благословить меня, что светильник Божий с любовью исполнил, истово оградив тем крестом, который был на моих персях, а затем подарил мне много своих вещей: подушку, одеяло, верхнюю рясу, смену белья, портрет с собственноручной подписью и последний выпуск дневника.

В свою очередь, я предложил ему на молитвенную память привезенные мною из книжной лавки нашей обители некоторые предметы. Между ними были деревянные ложки с надписью: “На память из Чудова монастыря”.

Отец Иоанн стал выбирать; заметив на одной из них в слове “Чудова” неудачно написанную букву “ч”, отстранил ее, сказав: “Не хочу брать, на ней надпись неясна – можно прочитать “Иудова” вместо “Чудова”, а это неприятно”. Здесь опять обнаружилось святое настроение батюшки.

По возвращении домой из Ваулова мне вспомнилось, как отец Иоанн благоговейно рассматривал Евангелие святителя Алексия и как он интересовался иметь хотя строчку, писанную его рукой. В благодарность за прием, оказанный мне, я заказал фототипию с названного памятника и послал ему. В ответ на это был осчастливлен получением от него следующего письма:

“Ваше Высокопреподобие, достопочтеннейший отец Архимандрит Наместник!

Сердечно благодарю Вас за великий и священный дар – Евангелие от Иоанна, Святым Алексием, митрополитом Московским, списанное и воспроизведенное способом фототипии. Дивный памятник трудов великого Святителя, который нашел время заняться этим трудом (переписки) среди многих других святительских занятий. Да воздаст он Вам за этот дар неоцененный! Теперь обращаюсь к Вам с просьбой: примите в стены Чудовской обители иеродиакона Мелетия, моего знакомого, человека скромного и трезвого, который, надеюсь, не причинит Вам никакого беспокойства и будет полезным членом братства. Желая Вам сугубой благодати, обильного дара живого слова и доброго успеха во всех делах с добрым здоровьем. Да хранит Вас Господь Иисус Христос и Святитель Божий Алексий.

22 сент. 1908 г.

Ваш почитатель Протоиерей Иоанн Сергиев”.

Это письмо, полученное за три месяца до кончины батюшки, явилось для меня как бы последним завещанием. Пожелание “обильного дара живого слова” дало мне смелость чаще говорить в церкви поучения и воодушевило писать по его примеру духовный дневник. Что касается иеродиакона Мелетия, принятого мною в Чудов монастырь, то он действительно не причинил для обители никакого беспокойства, так как через несколько месяцев, отправившись на родину, умер.

Благодарю Господа, сподобившего видеть и знать отца Иоанна Кронштадтского в то время, когда я был еще молод и нуждался в духовной поддержке, живом примере. На примере отца Иоанна я убедился воочию, как служитель алтаря близок Богу и как неотразимо может быть его влияние на народ. Откровенно скажу, батюшка своим молитвенным вдохновением сильно действовал на меня, думаю, также и на многих, особенно при совершении Божественной литургии.

Спроси себя каждый пастырь: всегда ли ты бываешь исполнен благоговейных чувств, всегда ли созерцаешь Небесное? Отец же Иоанн непременно проникался всем этим, что заметно было даже со стороны.

Служить с батюшкой являлось великим утешением. Причаститься из его рук значило получить наивысшую радость. И нужно было спешить, чтобы не потерять случая вкушать вместе с великим пастырем Небесной Трапезы. И если обычно требуется продолжительное говение, большое воздержание, то при его служении весь центр тяжести заключался в духовном воодушевлении, в духовной свободе. Таково уж свойство благодати Божией – изливаться не на внешнюю праведность, а на смиренное верующее сердце, кающееся и любящее Господа.

Да, счастлив тот, кто знал отца Иоанна и имел возможность входить в молитвенное общение с ним. Впечатление он производил неотразимое. Это поистине был жених евангельский (Мф. 9, 15; Лк. 5, 34—35): так легко и отрадно дышалось при нем! Повидаешься с батюшкой, послужишь совместно литургию и запасешься на более или менее продолжительное время огнем пастырской ревности; начнет он угасать – опять поспешишь к нему и духовно воспрянешь.

Влияние отца Иоанна на пастырей было так велико, что порождало у некоторых желание ему подражать. Однако в вопросах духа недостаточно одной только копировки. Здесь нужна еще искренность и личный подвиг, чего во многих не доставало, а потому и деятельность таковых сводилась к нулю.

В чем же заключалась сила Кронштадтского пастыря? Одни объясняют ее добрым характером, приветливостью и общительностью батюшки – но мало ли на свете подобного рода людей, однако слава о них не распространяется. Другие видят причину того же в его щедрой благотворительности, поощряемой в наше время, когда ищут христианства деятельного, а не созерцательного. Нет недостатка у нас и в благодетелях, жертвующих миллионы, но кому они особенно известны? Наконец, третьи усматривают в отце Иоанне присутствие жизненного магнетизма, неотразимо действовавшего на всех, с кем он встречался. Но почему бесславны все гипнотизеры? Таковы объяснения мудрецов века сего.

Лица же духовные говорят, что причину влияния отца Иоанна нужно искать в его глубокой вере, любви, преданности Православию, в искреннем отношении к пастырству и личной святости. Да, но перечисленное только привлекает благодать Божию, которая, собственно, и делает человека великим, – вот в чем нужно искать разгадку его обаятельности. Благодать прославила Кронштадтского пастыря и привлекла к нему сердца многих. С этой стороны он являлся не обычным человеком, а чудом Божиим, духовным сосудом, исполненным многих дарований, имевшим право говорить: “Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе” (Флп. 4, 13). Сам же батюшка, когда спрашивали его, каким образом он достиг такой известности, обыкновенно говорил: “Ничего другого я не имею, кроме благодати священства, которая получается всяким иереем при рукоположении; возгревай ее и будешь совершать еще большее и славнейшее”.

Итак, приосененный благодатию Божией, отец Иоанн прежде всего обладал исключительной верой. Мы к ней только приближаемся, только желаем иметь ее, но она не согревает сердца, не занимает всецело ума и, как говорится, “скользит” в нас. Отец же Иоанн, вне всяких сомнений и колебаний, верил в Спасителя и в Святое Евангелие: вера была его родной и вечной стихией, истинным ведением, а не простым холодным знанием. Он думал и говорил обо всем относящемся к Божественному не как о чем-либо стороннем, вне сознания его находящемся, но как о лично испытанном и виденном, говорил, как очевидец. Верой во Христа отец Иоанн был пропитан, как губка пропитывается водой, а потому мог смело говорить с Апостолом: “...уже не я живу, но живет во мне Христос. А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня” (Гал. 2, 20).

Вот излияния его души, записанные во множестве в дневнике, свидетельствующие о глубокой вере: “Троица Святая, Отец, Сын и Дух Святой для меня и для всех – дыхание и свет, жизнь, сила, оправдание, премудрость, святость, всякое богатство, помощь, исцеление от всяких болезней, молитвенный огонь, источник умиления, хранение, безопасность, всякое благо... Бьется ли радостью и трепетом твое сердце при воспоминании и произнесении святейшего Имени несозданной и все создавшей, Всеблагой и Всеблаженной Троицы, Отца и Сына и Святого Духа? О пречудное Имя! О пресладкое и всежизненное Имя! О прекрасная существенная и вечная Троице, давшая неизреченную красоту всему созданному духовному и вещественному миру!.. Единственный и Единородный Сын есть только Сын Божий, и единственный животворящий Дух есть Дух Божий... Слава же Тебе, Господи, открывшему нам тайну Святой Троицы, елика подобаше. Аминь”.

Второе, чем привлек отец Иоанн к себе благодать, это самоотверженная любовь к Богу и ближним.

“Не может надивиться ум, – говорит он, – сколь благ, животворят и всемогущ Творец и Художник их Господь Бог! Как возгорается желание любить Его, лобзать Его творческую руку, благоговеть пред Ним, поклоняться Ему, славословить Его, подобно трем отрокам в печи Вавилонской! О Творец мой! Все твари, сколько их ни есть, все возводят мой взор к Тебе, как Виновнику жизнерадости”³.

Особенно можно было наблюдать силу любви к Богу батюшки при совершении им Божественной Литургии. После пресуществления Святых Даров, когда на престоле возлежит уже Сам Агнец Божий, вземлющий грехи мира, отец Иоанн не мог оторвать от Него своих глаз, исполненных благодатных слез благодарения. Один сослужитель батюшки по собору говорит, что отец Иоанн близко-близко и любовно склонялся над Агнцем, плакал и духовно ликовал, взирая на Него; он был в то время подобен ребенку, который ласкается к своей матери, поверяя ей детские радости и печали, зная, что родная мать выслушает его, не отгонит прочь от себя. Нельзя передать всей небесной красоты описанного момента, обаятельно действовавшего на сердце всякого верующего человека. Мы со своей стороны были счастливы видеть отца Иоанна именно в таком молитвенном состоянии, когда думалось невольно: “Как батюшка любит Господа, какой он святой, дорогой!..”

³ Живой колос с духовной нивы отца Иоанна Кронштадтского. Пг., 1918. 2-е изд. С. 2-3.

Третье, что было у отца Иоанна, это непоколебимая преданность Святой Церкви и ее уставам. Много православных людей, но мало беззаветно любящих мать свою Святую Церковь. Отец же Иоанн ни в чем никогда не упрекнул ее, всецело подчинился ей и всегда наслаждался духовным богатством, сокрытым в ее богослужении, таинствах, обрядах.

“Братия, други! – говорил он. – Любите Церковь: в Церкви – ваша жизнь или ваша живая вода, бьющая непрерывным ключом из приснотекущего источника Духа Святаго, – ваш мир, ваше очищение, освящение, исцеление, просвещение, ваша сила, помощь, ваша слава, в ней все высочайшие, вечные интересы человека. О, какое благо Церковь! Слава Господу Церкви, изливающему на нее Свои дары в безмерном множестве! О, веруйте, веруйте не словами только, но делами во Святую, Соборную, Апостольскую Церковь...”⁴.

Далее надлежит нам сказать о пастырской ревности отца Иоанна. Кто не знает, как он спускался в подвалы и вертепы, отыскивая несчастных и бедных людей? Кто не читал о его бесчисленных дальних и нелегких поездках по России к больным и ищущим духовного утешения? Кто не поражался его строительству обителей и разных благотворительных учреждений? Трудно пересказать, как многообразно и в каких видах проявлялась деятельность отца Иоанна.

Жить и трудиться для ближних, приводить их к Богу, ко спасению, было целью всей его жизни; в этом отношении он не считался ни со своим покоем, ни с семейными, ни с другими обстоятельствами. На пастырство батюшка смотрел как на дело, врученное ему Самим Господом Богом, от которого не имел права отказываться и уклоняться.

Супруга батюшки еще в начале его священства замечала, что он совсем забывает семью и дом, но отец Иоанн отвечал: “Счастливых семей, Лиза, и без нас довольно, а мы с тобой посвятим себя на служение Богу”.

Когда же домашние выражали опасение, как бы при щедрости батюшки не остаться им в крайней нужде, он приводил такие доводы: “Я священник, чего же тут? Значит, и говорить нечего – не себе, а другим принадлежу”.

Особым видом служения отца Иоанна ближним нужно признать ежедневное совершение им Божественной Литургии, на которой он всех звал к покаянию и причащению. Завещание Спасителя о вкушении Пречистого Тела и Крови Его для Жизни Вечной, к сожалению, ныне пришло в забвение и часто подвергается поруганию. Отец Иоанн оживил и восстановил этот завет Христов. Из Кронштадта раздался голос: “Со страхом Божиим и верою приступите к Чаше”, приступите не мысленно только, как было доселе, а для действительного, реального соединения со Спасителем в Святых Тайнах. Весь исполненный любви, отец Иоанн не мог переносить холодного отношения верующих к столь великому Таинству. Он жаждал спасения духовным чадам своим, а потому хотел, чтобы они всегда получали самое дорогое, самое драгоценное, самое необходимое, а именно: Святое Причащение.

Остается сказать еще о личной святости отца Иоанна. Он по настроению и жизни был человек праведный, чего достиг путем глубокого внимания к себе, непрерывным очищением своего сердца от всякой скверны плоти и духа. Свидетелями такой внутренней работы батюшки теперь являются для нас его дневники. Записывая ежедневно все переживания души, как благодатные, так и греховные, он за все доброе благодарил Господа, а со злом усиленно боролся и заботился об изглаждении его через самоукорение, молитву и тайное покаяние. В последнем отец Иоанн приобрел необыкновенную удобоподвижность: всякое недоброе чувство, всякий дурной помысел непременно сопровождался у него сокрушением и взыванием ко Господу о прощении и помиловании. И за такое вольное и постоянное исповедание Спаситель обвеселял сердце великого пастыря, исполнял его миром, утешением, или, как выражался сам батюшка, “пространством”, вследствие чего господствующим состоянием отца Иоанна была бодрость духа и постоянная свежесть физических сил. Узнав на опыте, какое великое значение имеет тайное покаяние в деле

⁴ Живой колос с духовной нивы отца Иоанна Кронштадтского. Пг., 1918. 2-е изд. С. 9.

нравственного созидания, он и другим ревнующим о благочестии советовал прибегать к тому же.

Да, удивительная внимательность была у отца Иоанна к своему внутреннему состоянию: всему он придавал значение, все старался осмыслить и оценить с духовной стороны.

Читал ли правило – глубоко вникал в каждое слово, оттого-то и в указаниях его мы встречаем много пометок вроде следующих: подчеркнуто выражение “окаянную мою душу соблюди”, а на полях написано: “Действительно, как я окаянен”. Приходилось ли ему бывать среди природы, видеть звездное небо, заход солнца, море, горы, луга, красный цветок, тотчас же взор его переносился к Виновнику мира – Богу, творческую десницу Которого он созерцал во всех делах Его. Снилось ли что-либо, он и это запоминал.

Такую внутреннюю жизнь отец Иоанн проводил не год и не два, а более полувека, и достиг высокого духовного устроения – святости, так сильно поражавшей всех, кто имел счастье с ним встречаться и молиться.

Самый внешний вид отца Иоанна был особенный, какой-то обаятельный, невольно располагавший к нему сердца всех: в глазах его отображалось небо, в лице – сострадание к людям, в обращении – желание помочь каждому. Неудивительно, что к нему тянулись все болящие, страждущие душой и телом. Из бесчисленного множества примеров приведем хотя бы один.

Некто совсем сбившийся с пути, окончательно расстроивший свое здоровье пьянством, проходя по Петербургу мимо вокзала, заметил толпу, устремившуюся к подходящему поезду.

Простое любопытство заставило его спросить: “Куда народ так спешит?” Ему сказали: “Сейчас должен приехать отец Иоанн Кронштадтский”.

“Вот чудачки, – подумал он, – стоит так толкаться, и что тут особенного? А впрочем, пойду и я, посмотрю на этого священника, уж очень много о нем говорят”. Идет...

Батюшка, несмотря на окружающее кольцо встречающих, обращает внимание на подошедшего, дерзновенно осеняет его крестом и ласково говорит ему: “Да благословит тебя Господь и да поможет Он тебе направиться на добрый путь, друг мой. Видно, много ты страдаешь!”

От таких вдохновенных слов великого пастыря благодатная сила, как электрическая искра, проходит по всему существу несчастного. Отошедши в сторону, он почувствовал, что сердце его полно умиления и расположения к отцу Иоанну.

“И в самом деле, – невольно вспыхнула у него мысль, – как мне трудно жить, до какой низости я дошел, сделался хуже скота. Неужели можно подняться? Как было бы хорошо! Отец Иоанн мне этого пожелал, и какой он добрый, пожалел меня, непременно поеду к нему!” И затем едет в Кронштадт, исповедуется, причащается Святых Тайн и с Божией помощью постепенно нравственно восстанавливается.

Повествуя об отце Иоанне, не могу не упомянуть добрым словом письмоводительницу его Веру Ивановну Перцову, впоследствии монахиню Иоанну, ныне уже почившую. Она много лет по святой любви самоотверженно служила великому пастырю.

Окончив гимназию, Вера Ивановна стала искать духовного общения с батюшкой, но даже подойти к этому светильнику, всегда окруженному народом, было не так легко; тогда она решилась терпеливо издали следовать за отцом Иоанном и, как говорится, не спускать с него глаз.

В Кронштадте приходилось ей иногда целыми часами ходить около домика батюшки, чтобы хотя на минутку увидеть в окне его тень, и, если это удавалось, ликование ее не было предела. Отец Иоанн сам как-то в храме обратил внимание на столь усердную богомолицу, велел ей зайти за книгой, затем он поручил Вере Ивановне переписку дневника и, наконец, взял к себе в качестве письмоводительницы. Означенное послушание она несла до самой смерти батюшки и была постоянной его спутницей при путешествиях. Дорожа доверием святочтимого пастыря, Вера Ивановна всеми силами служила ему и однажды, оберегая его покой, едва не лишилась руки.

Дело было так: на вокзале народ ломился в вагон, куда вошел отправлявшийся в поездку батюшка. Вера Ивановна заграждала вход. Кто-то в порыве негодования захлопнул дверь, прищемив ей пальцы. Но гораздо больше нравственных страданий перенесла она из-за той же преданности. Недовольные почитатели отца Иоанна сильно завидовали близости к нему Веры Ивановны и осыпали ее клеветой и ложными доносами. Отец Иоанн, как прозорливый, зная доброе настроение своей письмоводительницы, не обращал внимания на ее “доброжелателей” и всячески поддерживал верную труженицу.

Когда я гостил в Ваулове, батюшка дал понять, между прочим, что после его смерти Вера Ивановна будет нуждаться в моей поддержке.

Обращаясь к ней, он сказал: “Позаботьтесь об отце Арсении, он потом пригодится тебе”.

Так и случилось: по кончине великого пастыря, всеми оставленная, она приехала в Москву. Мне пришлось хлопотать об устройстве ее, но нелегко это было, ввиду той человеческой злобы, которая окружала ее. К тому же я не имел особого веса и не мог чем-либо помочь; даже в женских обителях не встретил сочувствия, несмотря на то, что митрополиты Владимир и Макарий дали Вере Ивановне свои рекомендации. Одна только игуменья Московского Новодевичьего монастыря Леонида отозвалась на мою просьбу: определила ее в свою обитель, разрешив принять мантию с именем Иоанны. К сожалению, немного оставалось ей жить, так как от неприятностей и невзгод у нее развилась чахотка. Отправленная на лечение на Кавказ в Команский монастырь святого Иоанна Златоуста в качестве казначеи, она здесь не только не поправилась, но от сырой местности окончательно расстроила свое здоровье. Еле живая, Вера Ивановна вернулась в Новодевичий монастырь, где в скором времени мирно почил о Господе, имея перед собой портрет отца Иоанна, на который молитвенно взирала до последнего вздоха.

По распоряжению игумении Леониды похоронили ее с честью. Отпевал я ее в соборе при полном освещении, в присутствии многих сестер и пении всего монастырского хора. Считаю своим долгом всегда помнить Веру Ивановну, облегчавшую мне доступ к отцу Иоанну. Со слов ее и что сам знаю, передаю следующее о великом Кронштадтском пастыре.

В отрочестве с трудом давалось отцу Иоанну учение, но детская слезная молитва ко Господу открыла ему разум, помогла окончить курс Семинарии первым и поступить на казенный счет в Петербургскую Академию.

В молодых годах батюшка видел во сне храм, в который его кто-то ввел. Когда он был назначен в Кронштадт священником, то, войдя в первый раз в Андреевский собор, крайне поразился тем, что последний именно и снился ему.

Первоначальная жизнь в Кронштадте не благоприятствовала пастырским трудам отца Иоанна. Многочисленная семья, куда он вошел, тесная квартира должны были, по-видимому, мешать духовно сосредоточиться, но батюшка и в такой обстановке сумел развить в себе богомыслие: когда ему трудно было молиться, он уходил за город, чтобы в уединении среди природы созерцать Господа.

С первых шагов пастырства отец Иоанн поставил задачей ежедневно совершать Божественную Литургию, но, так как местный причт состоял из нескольких священников, исполнение его желания затруднялось. Ему приходилось выпрашивать разрешение отслужить, на что не все собратия его соглашались. Только заменяя очередного, батюшка чувствовал себя свободно.

По настроению батюшка всегда склонен был к духовному созерцанию. Будучи еще молодым, он, идя в храм и возвращаясь оттуда, устремлял к небу взор и воздевал руки как бы на молитву. Непривычная к подобным явлениям толпа готова была считать нового священника ненормальным. Такой взгляд на батюшку едва не утвердился даже среди его сослужителей по собору.

Живая деятельность его в начале пастырства казалась настолько необычной и новой, что высшее духовное начальство неоднократно вызывало батюшку для объяснений и готово было наложить на него ограничение, но Господь Сам хранил Своего избранника от

несправедливых и ненужных репрессий, доводя постепенно всех нападающих до сознания праведности Кронштадтского светильника.

Иногда одолевала отца Иоанна туга душевная, как он сам объяснял, вследствие отхода благодати Божией, но он тогда не ослабевал духом, а продолжал бодрствовать и молиться так: “Ты, Господи, оставляешь меня за грехи, но я не отойду от Тебя, а всегда буду вопить о помиловании”.

Испытал отец Иоанн в продолжение своей жизни немало преследований и надоеданий от своих мнимых почитательниц, наносивших ему много оскорблений в храме, однако как истинный пастырь, имевший о людях всегда ровное, молитвенное святое попечение, он вышел незапятнанным от всех козней диавольских, возводимых на него через людей.

После совершения Божественной Литургии отец Иоанн любил уединяться, чтобы почитать Святое Евангелие, предаться богомыслию.

И это понятно: ум и сердце у него всегда были направлены к Горнему, а потому после принятия Животворящих Таин Христовых, когда он входил в реальное единение с Господом, ему особенно не хотелось лишаться духовных плодов Святого Причащения – спокойствия, радости и блаженства, так легко расхищаемых суетой мира. Нередко отец Иоанн читал и объяснял слово Божие и своим близким, что чаще всего случалось в путешествиях на пароходе.

“Благословенны те минуты, – говорила мне мать Иоанна, держа в руках Книгу Живота. – Толкования батюшки были просты, проникнуты глубокой верой и любовью ко Господу. Сердце тогда сильно билось от духовного восторга и утешения”.

Спал батюшка летом и зимой при открытой форточке, так как любил свежий воздух, а если чувствовал холод, одевался потеплее, даже в шубу. Ложась в постель, не снимал подрясника, как бы держа себя всегда наготове к встрече Небесного Жениха, могущего прийти во всякое время; ночью он выходил на прогулку, чтобы насладиться тишиной и полюбоваться звездным небом. Вообще отец Иоанн очень любил природу и особенно растения: остановится, бывало, над каким-нибудь цветочком и долго-долго размышляет, лобызая в нем творческую десницу Божию. Из всего окружающего он постоянно брал себе повод или тему для богомыслия.

К приносимым деньгам и подаркам отец Иоанн относился различно: от одних отказывался, иными не дорожил, скоро передавая другим, а некоторыми интересовался, очевидно, теми, которые доставляли ему утешение и радость, и все это вне зависимости от их ценности.

Во время Великого поста, по всей вероятности, от чрезвычайных трудов батюшка почти всегда чувствовал недомогание, так что приходилось бояться даже за его здоровье и жизнь. Но Господь ему помогал. Святая Четыредесятница проходила, и на Пасхе батюшка поправлялся, расцветал.

Отец Иоанн всех объединял своей любовью; он не страдал узкословными взглядами. К нему одинаково тянулись священники и монахи, знатные и простые, богатые и бедные. Было приятно служить с ним, так как тогда престол Божий окружали чернецы и прихожане пастыря, давая тем чувствовать, что Христос одинаково принимает всех в Свои отеческие объятия. Сам из белого духовенства, батюшка глубоко ценил монашество и был строителем многих женских обителей, отсюда неудивительно, что он давал советы на вступление в иночество.

Однажды в Великом посту отец Иоанн тяжело заболел: доктора предписали ему скоромную пищу. Тогда он запросил свою мать, благословляет ли она его на это, и получил такой ответ: “Лучше умри, но не нарушай устава Святой Церкви”.

Батюшку часто спрашивали (о Толстом) – может ли он покаяться?.. Он говорил: “Нет; так как повинен в хуле на Духа Святого”, причем предсказывал ему близкую, смерть, что действительно и случилось.

Отец Иоанн каждую Литургию считал за правило говорить поучение, заранее его обдумав, а иногда и написав. Выходя же на амвон, непременно молился: “Господи, помоги мне сказать слово на пользу слушающим”.

Батюшка стремился всегда иметь святое, серьезное отношение к Богу и близким. Мы часто поверхностно рассуждаем о предметах веры, а к людям бываем неискренни и недоброжелательны; Кронштадтский же светильник горел духом ко Господу, а в человеке видел образ Его, и потому каждого ценил, уважал и любил.

Отец Иоанн обладал даром слез, которые часто наблюдались у него при совершении Божественной Литургии, тайном молитвенном покаянии и духовном созерцании. Слезы эти, как говорил он, не вредили его зрению.

“Ты, Господи, устроил то, что я не боюсь проливать пред Тобой слезы покаяния и умиления, ибо они не ослабляют, а очищают и укрепляют мое зрение.

Слезы мира сего – от печали мирской – ослабляют и совсем ослепляют человека много плачущего, а слезы благодатные производят противное действие. За сие и за всеблагое – слава Богу”⁵.

Батюшка часто в своих проповедях указывал на близкое Пришествие Спасителя, ожидал его и чувствовал, как сама природа готовится к сему великому моменту. Главным образом он обращал внимание на огонь, которым будет уничтожен мир, подобно тому, как древний истреблен водой.

“Всякий раз, – говорил он, – как я смотрю на огонь и особенно на бушующую стихию его при пожарах и других случаях, то думаю: стихия всегда готова и только ожидает повеления Творца вселенной выступить к исполнению своей задачи – уничтожить все, что на земле, вместе с людьми, их беззакониями и делами”. А вот еще подобная запись: “Когда воды земного шара потеряют свое равновесие с подземным огнем и огонь пересилит водную стихию, непрестанно убывающую, тогда произойдет огненный потоп, предсказанный в Священном Писании и особенно в послании апостола Петра, и настанет Второе Славное Пришествие Господа и суд всему миру. К тому времени нравы чрезвычайно развратятся. Верьте, что Второе Пришествие Господа Иисуса Христа со славою – при дверях”⁶.

Отец Иоанн в поучениях, беседах и дневниках часто напоминал, что грех, беззаконие томит человека, вселяет в него тоску, терзание совести, и наоборот, свобода от страстей бодрит сердце и освежает весь организм. Здесь сказался духовный опыт батюшки, неусыпно борющегося с греховной природой.

Любил отец Иоанн говорить о пространстве сердечном, коего сам постоянно искал и просил у Господа. А определял он это так: это состояние духа, когда не гнетет тебя ни уныние, ни скука, ни страх, ни какие-либо другие страсти. Оно открыто для восприятия духовных благ и переполняется ими. Ему противоположна туга душевная, происходящая от всякого рода скверны и удаления от нас благодати Божией.

Отец Иоанн восхвалял простоту, указывая на то, что Сам Господь есть Простое Существо. Вера, трудолюбие, обходительность, смирение, незлобие, тихость, покорность, послушание – все это, пояснял батюшка, возрастает на почве простой души.

Отец Иоанн во всем добивался совершенства. Так, признавал только сердечную глубокую молитву, а поспешную и рассеянную считал одним лишь воздухобием. Придавал значение каждому своему слову, потому никогда не говорил ничего лишнего. Человеческая речь, объяснял великий пастырь, есть образ слова Божия, и как таковая она должна быть свята и справедлива. Отсюда не должно быть противоречия между словом и делом: что сказано и обещано, то и следует исполнять.

На все члены организма смотрел как на чистые творения, долженствующие возбуждать только возвышенные чувства.

Все земное отец Иоанн переводил на святое, высокое, всемерно старался, если можно так выразиться, “раствориться небесным”. Для него везде и во всем был только Бог; вся жизнь, все силы души его направлялись к этому. Иными словами, в духовном кругозоре

⁵ Мысли о богослужении Православной Церкви протоиерея Иоанна Сергиева (Кронштадтского). М., 1894. С. 20.

⁶ От смерти к жизни. СПб., 1904. С. 36.

батюшки земля сближалась с Небом, и чувства его являлись органом для восприятия не столько внешних, сколько духовных впечатлений.

Отец Иоанн не любил оставаться в долгу у кого бы то ни было, а в особенности у тех, кто ему оказывал услуги. Перед праздниками Рождества Христова и Пасхи им подписывались списки лиц, которым надлежало выдать так называемые чаевые. Сюда входили телеграфисты, почтальоны, полицейские чины и другие лица. Даже в последний год жизни, уже больной, батюшка не забыл своего обычая и торопился составлением списков, а то, говорил он, “не успею”.

Перенесши в начале 1906 года болезнь, отец Иоанн, доселе бодрый, неутомимый и жизнерадостный, сразу осунулся, подряхлел и стал чувствовать упадок сил, однако не прерывал своей жизненной задачи – ежедневного служения Божественной литургии и посещения страждущих.

Последнюю обедню служил отец Иоанн 9 декабря 1908 года. С этого дня болезнь его приняла тяжелую форму, так что он был принужден прекратить прием посторонних лиц и почти все время полулежал в кресле при открытой форточке. Неосторожный выезд на прогулку 17 декабря в пролетке случайного извозчика еще более усилил нездоровье светильника Божия. Он весь ослаб и 19-го утром уже не мог выйти в переднюю для встречи священника со Святыми Дарами, как делал ежедневно. В предсмертные дни батюшка иногда стонал, что свидетельствовало о его тяжких страданиях, от всяких лекарств отказывался и пил только святую воду из источника преподобного Серафима Саровского.

Последнее распоряжение сделал отец Иоанн игуменье Ангелине об освящении храма-усыпальницы в Иоанновском монастыре. Ночь на 20 декабря прошла тревожно; в два часа ночи у него отнялись ноги, и он, видимо, стал угасать. Пришлось поспешить с Литургией – в четыре часа священник пришел уже со Святыми Дарами. Отец Иоанн мог принять только Святую Кровь. После причастия он сам вытер уста и на некоторое время успокоился; проговорив затем: “Душно мне, душно”, впал в забытие. Дыхание становилось все тише... Пришедший иерей начал читать канон на исход души, и когда по окончании подошел к батюшке, последний лежал неподвижно, с руками, сложенными на груди.

Послышалось еще несколько вздохов, и великий пастырь спокойно предал дух свой Богу. Глаза, доселе закрытые, чуть-чуть приоткрылись, и из них показались чистые, как хрусталь, слезинки. Это были последние слезы праведника.

Умер батюшка в семь часов сорок минут утра 20 декабря 1908 года на восьмидесятом году от рождения. Во время болезни он был молчалив и крайне серьезен: очевидно, молитвенно готовился к переходу в Горний мир.

Отец Иоанн после великих жизненных трудов явился поистине спелым колосом на ниве Христовой, а потому уже не мог пребывать с нами, грешными. Вот почему последние слова его были: “Душно мне, душно”, то есть душно в этой юдоли земной.

Похоронили батюшку в усыпальнице устроенного им в Петербурге Иоанновского монастыря.

Один из священников, присутствовавший при погребении отца Иоанна, ранее довольно критически относившийся к его пастырской деятельности, засвидетельствовал в печати следующее: “Когда я, едва пробираясь через несметную толпу народа, подошел ко гробу батюшки, то моему сердцу передалось сразу чувство, что здесь молятся не об умершем, а у раки уже прославленного угодника Божия, так как храм оглашался воплями и стонами людей, просивших всевозможной помощи у почившего, в чем, очевидно, сказался духовный инстинкт народа. Еще в большей степени пережил я это во время погребения. Полученное впечатление в корне изменило мой взгляд на Кронштадтского пастыря, которого я после этого оценил, полюбил, и молитвою его теперь только и живу”.

Из воспоминаний Р.Г. Шемякиной

22 мая 1909 года, в девять часов тридцать минут утра, тихо отошла к Богу, после долгих страданий, вдова отца Иоанна Кронштадтского, Елизавета Константиновна Сергиева.

Причиной смерти, по определению пользовавшего ее врача, послужила старческая дряхлость с нарастающим упадком сердечной деятельности. Господь сподобил ее долго и усердно готовиться к переходу в вечную жизнь: последние годы Елизавета Константиновна, следуя заветам и наставлениям своего супруга-молитвенника, приобщалась вообще очень часто, или в соборе, или на дому, когда слабость в ногах не позволяла ей выходить из дому, а последний год – ежедневно; приобщилась она и 21 мая, но это, как оказалось потом, было в последний раз: в этот день с шести часов вечера она перестала глядеть на свет Божий, а с десяти часов не стала говорить, ничем не выказывая сознание. Последнее слово ее было: “Хочу”, сказанное ею в ответ на предложение выпить святой водицы, но проглотить ее она уже не могла; вскоре после этого матушка впала в бессознательное состояние, а на другое утро мирно скончалась во время чтения канона на исход души. На Фоминой неделе, по своему собственному желанию, она соборовалась и после того несколько раз говорила: “Как я рада, что соборовалась и приготовилась”. Погребение тела Елизаветы Константиновны состоялось в воскресенье, 24 мая, в городе Кронштадте, в левой стороне соборного сада.

Почившая родилась 4 мая 1829 года, в городе Гдове, где отец ее, протоиерей Константин Петрович Несвицкий, служил в городском соборе и был благочинным церковью Гдовского уезда. Переведенный в Кронштадт ключарем Андреевского собора, он, по слабости здоровья, не мог долго занимать это место и в 1855 году передал его священнику Иоанну Ильичу Сергиеву, женившемуся на дочери его, Елизавете Константиновне. Когда она выходила замуж, на ее руках находились: престарелый отец, трое взрослых братьев и двое сестер; все жили вместе и на долю Елизаветы Константиновны, исполнявшей обязанности хозяйки и матери (протоиерей Несвицкий овдовел в августе 1855 году), выпадало немало забот и хлопот.

Затем, несколько лет спустя, братья ее получили более обеспеченные места, давшие им возможность поселиться отдельно, а сестер своих матушка выдала замуж за учителей Петербургской Духовной Семинарии, впоследствии священников, причем все попечение об их устройстве и обзаведении приняли на себя отец Иоанн и Елизавета Константиновна.

Не имея достаточно личных средств, отец Иоанн в обоих случаях сам обходил состоятельных прихожан, прося их помочь сделать приличные приданные свояченицам. Многие давали охотно, но многие, вероятно, встречали молодого батюшку с тем чувством недоброжелательства, которое часто у нас сопровождает доброделание.

После замужества сестры ездили гостить в Кронштадт, и в одну из этих поездок, в 1870 году, у младшей сестры матушки, в квартире отца Иоанна, родилась дочь: это была я.

Через некоторое время меня увезли домой, но Господу Богу угодно было, чтобы мой истинный дом был в тихой, мирной квартирке незабвенного Пастыря, под его благословенным кровом.

В 1872 году умер мой отец, оставив мать без всяких средств. Тогда дядя, видя беспомощное положение нашей семьи, сказал тете: “Детей у нас нет, возьмем и воспитаем, как дочь”. Сказано – сделано, и вот я очутилась, по воле Божией, на попечении незабвенных, бесконечно дорогих для меня дяди и тети, которые неустанно пеклись обо мне, заботились обо мне, берегли меня, как только нежно любящие родители могут заботиться и лелеять свое любимое дитяtko.

Как отец Иоанн никогда не жил личною жизнью, отдавая себя на служение человечеству, так и Елизавета Константиновна никогда не жила для себя, только круг ее деятельности складывался уже, ограничивался служением родным и близким; их радостями она радовалась, их скорбями скорбела.

Я помню ее, когда ей было лет сорок пять. Очень подвижная, с добрым, благообразным лицом, вечная хлопотунья, она любила всех обласкать, пригреть и накормить; как сейчас смотрю на нее, подвязанную белым передником, в кухне, делающую сладкий пирог; любила она сама постряпать, сама купить провизию, сама за всем присмотреть, чтобы все было чисто и вкусно. Сколько раз, помню, дядя, отвеживая любимый яблочный пирог, приговаривал: “Мастерица ты у меня стряпать пироги”. Приветливая, всегда ровная, ласковая, Елизавета Константиновна любила, когда кто из знакомых навещал

ее; тогда она прямо закармливала гостя или гостью, а дядя, видя ее гостеприимство и искренность, не один раз говорил, указывая на хлопотливую хозяйку: “Настоящая она матушка”.

Среди хозяйственных работ, тетя не забывала и меня; все свободное время проводила со мной, спала в одной комнате с нами, учила меня читать и писать по-русски и по-французски, а когда я поступила в гимназию, сама приготавливала мне завтраки, ежедневно провожала меня в гимназию и встречала, спрашивала уроки.

Помню, перед тем, как тетя стала учить меня, дядей был отслужен молебен в Андреевском соборе святым Косьме и Дамиану и пророку Науму; сам дядя водил меня на вступительный экзамен в гимназию, платил все время за меня из своего кандидатского оклада, и с неослабевающим интересом следил за моими успехами, просматривая еженедельно тетрадь с отметками и подписывая ее. Что же удивительного, если я, при таких благодатных условиях, блестяще окончила курс учения; это было большою радостью, для незабвенных моих воспитателей, и дядя многим знакомым спешил сообщить приятную для него новость: “Племянница и воспитанница наша, Руфа, окончила гимназию с золотой медалью”.

К своему великому супругу-молитвеннику тетя, как только я себя помню, всегда относилась с благоговейной любовью и почтительностью. Когда он, усталый, приезжал домой с треб или из храма Божиего, она торопилась снять с него сапоги, помочь разуться и заботливо укрывала его, укладывая отдохнуть в постель. Тогда мертвая тишина водворялась в квартире: так ревниво оберегала тетя кратковременный отдых труженика-пастыря.

Будучи вообще слабого здоровья, дядя часто хворал, и тогда тетя превращалась в неутомимую сиделку – проводила все ночи напролет у постели больного, а днем сама приготавливала для него кушанье.

Помню, в 1879 году отец Иоанн опасно занемог: у него сделалось воспаление обоих легких. По целым часам он лежал с закрытыми глазами, в забытии, а когда приходил в себя, часто говорил: “Голова болит невыносимо, точно молотом ударяют по ней”.

Один раз тетя сидела около кровати дяди и горько плакала; открыв глаза, батюшка посмотрел на нее и сказал: “Не плачь, Лиза, Бог даст, поправлюсь, а если нет, Бог и добрые люди не оставят тебя; я никого не оставлял, и тебя не оставят”.

Прошло несколько дней, и однажды утром тетя вбежала в детскую и дрожащим от волнения голосом воскликнула: “Дяде лучше, кризис прошел!” Мы с тетей посмотрели друг на друга, крепко обнялись, и обе заплакали, но уже слезами радости...

Когда незабвенный батюшка предпринимал свои частые, а потом и ежедневные поездки в Петербург, тетя никогда не ложилась спать, не дождавшись дяди, хотя бы это было около часу ночи, несмотря на то, что здоровье ее вообще было не из крепких; она постоянно страдала головными болями и несколько лет подряд – бессонницей. С течением времени матушка, по слабости, принуждена была отказаться от некоторых забот о батюшке, и какое это было для нее, бедной, тяжелое лишение!

Припоминается мне еще следующий случай: несколько лет тому назад дядя, приняв ванну, зимой вышел в сени в туфлях; тетя страшно растревожилась и, не имея уже возможности по болезни ног сама быстро двигаться, послала сказать батюшке, что он рискует простудиться, выходя на воздух легко одетым после ванны. Возвращаясь из сеней, дядя прошел в гостиную, где сидела тетя, и сказал ей, ласково хлопая по плечу: “Спасибо тебе, родная, за заботы твои обо мне; только не беспокойся, – ноги у меня тепло одеты”.

Отец Иоанн глубоко ценил такую заботливость с ее стороны о себе и отвечал ей тем же. Когда болезнь не давала возможности незабвенному батюшке ездить в Петербург, а впоследствии даже по Кронштадту, он ни один день не сел обедать, не зайдя в гостиную или в комнату тети, смотря по тому, где она была, и не позвав ее в столовую. Он говорил: “Когда я обедаю один, у меня и аппетита-то нет”. Не было вечера, когда бы дядя не зашел к тете проститься и благословить ее перед сном: “Доброй ночи желаю тебе”, “Спи спокойно”, “Господь с тобой”, “Да хранит тебя Бог”, – вот те приветствия, которые он говорил ей, перед уходом в кабинет на покой.

За несколько времени до кончины батюшки захворала матушка инфлюэнцей; тут-то особенно проявилась заботливость дяди о ней. Нельзя было без слез умиления видеть, как дорогой страдалец, еле ходивший, несколько раз днем и каждый вечер перед сном, благословлял ее, гладил по голове, и приговаривал: “Бедная, бедная”, “Вместе мы с тобой страдаем”, “Вместе мы с тобой мучаемся”, “Оба мы страдальцы”. И долго, бывало, стоит около ее кресла, покачивая головой и с жалостью смотря на больную, а иногда с ее лица переведет скорбящий взор на образ и долго, долго, безмолвно молится за нее...

Обыкновенно, когда кто-либо справлялся у дяди о здоровье его или тети, он неизменно отвечал: “Оба мы плохи”, “Оба мы собираемся умирать”, “Оба мы готовимся к смерти”.

Один раз, когда дяде сказали, что тете плохо, он пришел к ней и сказал: “Не унывай, Господь милостив; Он даст тебе терпение пережить страдания и быть совсем здоровой”.

В ноябре, обедая вместе с тетей и двумя приезжими, дядя стал говорить им, что здоровье его совсем плохо. Тетя, желая ободрить его, сказала: “Весной тебе бывает всегда лучше; придет весна – поправишься”. На это дядя возразил: “Весной, ты говоришь? Ты-то до весны доживешь, а я – нет”.

Предсказание батюшки сбылось: он почил в декабре, она – в мае. Когда незабвенный дядя с 6 декабря не имел уже сил совершать Литургию, а приобщался каждое утро на дому, он приходил в комнату больной инфлюэнцей тети со святой Чашей и приобщал ее, говоря: “Господь мой и Бог мой!”, “Со страхом Божиим и верою приступи”, “Прими Тело и Кровь Христовы”, “Мир тебе, старица, поздравляю тебя”.

Последний раз батюшка пришел в комнату матушки 17 декабря утром, приобщил ее, а с 18 – он не покидал кабинета.

В особенности после кончины дяди здоровье тети ухудшилось: стала быстро развиваться общая слабость, ноги и руки стали совсем плохо работать, сердце начало постепенно сдавать.

Сильно тосковала она по незабвенном почившем, не могла без слез слышать его имени; никак не могла осиротевшая тетя примириться с мыслью, что дяди не стало; она говорила окружающим: “Мне все кажется, будто Иван Ильич не умер, а куда-то уехал, как уезжал, бывало, в Москву, и опять приедет”.

Незадолго до смерти, матушка увидела у одной знакомой брошь – портрет батюшки и неутешно заплакала, восклицая: “Иван Ильич, Иван Ильич”, а когда стали утешать ее тем, что ему теперь блаженно-хорошо, она сказала: “Ему-то хорошо, а мне так тяжело без него, ведь пятьдесят три года все были вместе”.

Предчувствуя близкую свою кончину, матушка часто, сидя в кресле, устремляла взоры на образ и говорила: “Надо мне приготовиться, надо просить у Бога простить все мои грехи”.

Часто вспоминала она и утешалась словами незабвенного батюшки, нашего общего предстателя пред Господом Богом, сказанными им 17 декабря, когда ему передали, что больная матушка очень горюет, не имея возможности, по болезни, прийти в кабинет и ухаживать за ним: “Скажи жене, что она всегда со мной, и я всегда с нею”. Эти слова все время ободряли страдальицу, утешали ее в долгих страданиях надеждою, что и после кончины своей батюшка не оставил ее, возьмет скоро к себе, встретит ее в обители Небесной и предстательством своим доведет до престола Всевышнего.

Обыкновенно тетя на ночь одевала подрысник дяди или спала, покрывшись им. Каждый раз, когда я ехала в Иоанновский монастырь, она всегда говорила мне: “Поклонись от меня дяде” – и горько, неутешно плакала. Начинала ли у ней болеть сильно рука или нога, она сейчас же просила помазать больное место маслицем с гробницы незабвенного батюшки.

Глубоко верующая и религиозная, матушка только и надеялась на милосердие Божие и всем сердцем стремилась к спасению душевному.

“Иван Ильич, благослови меня, помолись за меня”, – несколько раз в день просила тетя своего великого супруга-пастыря, которого, к ее горю, пришлось ей пережить. По кончине его, искренно, со слезами молясь сама, тетя, по своему величайшему христианскому

смирению, страшилась, что молитвы ее не скоро будут услышаны Господом, и всегда других просила молиться за нее. Когда я на ночь ежедневно уходила домой, то она, после вечерних пожеланий, постоянно говорила мне: “Помолись за меня”. Шла ли я ко всенощной или к обедне, я всегда слышала из уст ее ту же просьбу, идущую из глубины сердца: “Помолись за меня”, и я молилась за нее, как только умела...

Однажды днем, перед моим приходом, тете сделалось нехорошо, и тут она ничем не стала себя успокаивать, как только надеждой на милость Божию: “Сегодня суббота, – говорила она, – Руфа пойдет ко всенощной и помолится за меня”. Так велика была вера ее в силу молитвы вообще, что она даже, по моему грешному моленью, надеялась получить облегчение!

Оканчивая этот краткий очерк, посвященный светлой памяти незабвенной почившей, нельзя не остановиться с удивлением на двух ее отличительных чертах: крайнем смирении и кротости; в этих двух высочайших добродетелях христианских выказалось все величие ее души. Ни на кого тетя не сердилась, ни на кого не имела злобы. Если кто и огорчал ее, делал ей неприятное, она безропотно сносила и от души прощала всем. На вопрос, обращенный к ней: “Имеете ли против кого вражду?”, матушка неизменно отвечала всегда одно и то же: “Нет, ни на кого”. Прощая сама обиды, она и других учила поступать так.

Бывало, скажет: “Не сердитесь, Бог Сам укажет, кто прав, кто виноват, а вы простите”.

Никогда не позволяла себе тетя входить в дела великого пастыря и молитвенника, никогда она не старалась выдвинуться и стать наряду с ним; оставаясь постоянно в тени, она сияла отблеском его славы, она светилась отражением высоких христианских его добродетелей. Как нежная сестра и любящая мать, она неустанно берегла общее сокровище, и больная, слабая, почти без ног, всех предупреждала, всех умоляла: “Не шумите, батюшка отдыхает”, “Не принимайте пока никого, батюшка нездоров”. Батюшка сам знал ее душу, высоко ценил в ней чистоту, кротость и смирение и так отзывался о ней: “Жена у меня – ангел”.

Все ли знали, что за спиной великого праведника, отца Иоанна, стоит охранительница его, готовая душу свою положить за него? Если не знали этого тогда, пусть знают теперь и пусть искренно помолятся все за старицу чистую, старицу кроткую, рабу Божию Елизавету!

Беспредельная благодарность к тебе, чудная, самоотверженная мать-воспитательница, и вечная память о тебе, славная жена-девственница светильника земли русской, – да живут в нас, в наших детях и внуках!